

ЗАРЕВАНД

Турція
и
Пантуранизм

ВВЕДЕНИЕ А. Н. МАНДЕЛЬШТАМА
(Члена Института Международного Права)

ПАРИЖ
1930

ЗАРЕВАНД

Турція
и
Пантуранизм

ВВЕДЕНИЕ А. Н. МАНДЕЛЬШТАМА
(Члена Института Международного Права)

ПАРИЖ
1930

Printed in France

СЕРИЯ КНИГ

№ 3

Факсимильная репродукция

Издатель—Комиссия АЙ ДАТ
Армянской Революционной партии
ДАШНАКЦУТЮН

Ереван 1991

Автор введения, доктор международного права С. Петербургскаго Университета, Член Института Международнаго Права, АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ, автор многих трудов по международному праву, прошел большую часть своей дипломатической службы в российском Посольствѣ в Константинополь (1898-1914), дойдя до поста Перваго Драгомана. В 1917 году, Временным Правительством был назначен на пост Директора Правового Департамента Министерства Иностранных Дѣл. Перу А. Н. Мандельштама принадлежат , между прочим, книги «Le sort de l'Empire Ottoman», 1917; «La Société des Nations et les Puissances devant le probleme armenien», 1926. Оцѣнка книги г. Зареванда бывшим русским дипломатическим дѣятелем на Ближнем Востоку , являющимся вмѣстѣ с тѣм теоретиком международного права, нам представляется интересной для русской читающей публики.

§ 1. Книга г. Зареванда будет прочитана с величайшим вниманіем всѣми тѣми, кто интересуется судьбами Востока. Но для русских читателей она важна особенно тѣм, что обнажает настоящіе корни пантуранизма, которые оказываются не в Турціи: главный толчек к пантуранскому движенію дан был не турками Оттоманской Имперіи, а тюрко-татарскими элементами Россіи. Автор обстоятельно излагает роль, сыгранную в этом отношеніи тюркскими вождями этого движенія, как в самой Россіи, гдѣ их дѣятельность особенно широко развилась под влияніем революціи 1905 года, так и в Турціи, куда вожди переселились послѣ наступившей в Россіи реакціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что идейными основоположниками пантуранизма нужно считать російских выходцев — татар *Ахмеда Агаева*, *Юсуфа-Акчуру*, *Али Гуссейна Задэ*, *Измаила Гаспринскаго* и др. Об этом свидѣтельствуют как приводимыя автором извлеченія из писаній этих лиц, так и описанная им агитаціонная их дѣятельность в Россіи.

§ 2. Нужно однако сказать, что если проповѣдь російских пантуранистов восторжествовала в Турціи, то благодаря тому, что нашла там благодарную почву. Автор, конечно, прав, когда указывает, что османскіе турки долгое время и не подозревали о существованіи зарубежных братьев и

узнали о них из сочиненій Leon Cahun, Vambegy и других знаменитых европейских ориенталистов. Так напр., младотурецкій министр *Талаат Бей*, еще в 1909 году, говорил мнѣ, что только недавно узнал о существованіи турецких братьев в средней Азіи. — Но все же почва, на которую упали смена россійских пантюркистов, оказалась необыкновенно благодарной.

Дѣло в том, что, — как правильно отмѣчает и автор — в критическій для пантуранизма момент, т. е. вскорѣ послѣ установленія младотурецкаго режима, новые господа Турціи разочаровались в *оттоманизмѣ*, т. е. в политической системѣ равноправія всѣх разношерстных элементов Оттоманской Имперіи и об'единенія их в одну оттоманскую націю.*) Напомним, что система эта лежала в основѣ извѣстнаго Хатга Хумайюна 1856 года и что этот Султанскій Указ, хотя и был издан под давленіем великих держав и зарегистрирован в Парижском мирном трактатѣ 1856 года, соответствовал настроеніям интеллигентской части турецкаго общества эпохи *танзимата* (реформ). Но реформы эти, как хорошо извѣстно, в жизнь проведены не были и административный произвол Порты привел к русской-турецкой войнѣ, Берлинскому трактату 1878 года и отторженію от Турціи части ея европейских владѣній. «Красный Султан» Абдул-Гамид не пожелал воспользоваться этими уроками, а наоборот развил до крайней степени всѣ отрицательныя черты старой турецкой государственности: *деспотизм*, по отношенію ко всѣм подданным; особенно жестокое *притѣсненіе* христіан; поддержаніе в народѣ *невѣжества* и *религіознаго*

*) Ср. нашу статью «Младотурецкая Держава» въ «Русской Мысли» за 1915 годъ.

фанатизма. Такой внутренней политикѣ Султана Абдул-Гамида соответствовала, во внѣ, усиленная пропаганда воинствующаго *панисламизма*.

Младотурецкіе революціонеры, работавшіе в течение гамидовскаго періода как в подпольѣ, так и за границей (особенно во Франціи), были убѣжденными сторонниками *оттоманизма* и насчитывали поэтому в своих рядах многих христіан, в особенности армян. К панисламизму Абдул-Гамида они относились отрицательно, не желая вызвать недружелюбное отношеніе к новой Турціи великих держав (Россія, Англіи, Франціи) с многомилліонным мусульманским населеніем. Поэтому, как только они пришли ко власти, немедленно ввели в дѣйствіе фактически упраздненную Абдул-Гамидом либеральную конституцію 1876 года, построенную на равноправіи всѣх граждан единой оттоманской націи.

Автор отмѣчает (стр. 59-61), что младотурецкіе вожди очень быстро отошли от оттоманизма, не встрѣтив со стороны инородческих элементов того довѣрія и сочувствія, на которое они считали себя в правѣ рассчитывать. Эту жалобу я лично неоднократно слышал из уст самых видных младотурецких дѣятелей, как напр., *Талаата, Назима и Бех-Эддинъ Шакира*. Со своей стороны, как очевидец этой эпохи, я должен признать, что в этих жалобах была извѣстная доля правды. Положеніе, в котором очутились младотурки, было дѣйствительно очень тяжелым. На наслѣдствѣ, полученном ими от старой Турціи, лежало слишком много крови, а революція дала толчек к окончательной потери Босніи, Герцеговины и Крита и к провозглашенію независимости Болгаріи. Помимо того, задача обращенія турецкой деспотіи в оттоман-

ское правовое государство была в началѣ XX вѣка несравненно труднѣе, чѣмъ в эпоху танзимата. Оставшіяся у Турціи европейскія владѣнія окаямлялись теперь новыми молодыми націями, являвшимися естественными центрами притяженія для сородичей — греческих, болгарских и сербских подданных Порты. Поэтому, когда инородческіе элементы Турціи почти всецѣло вошли в состав либеральной партіи (ахраров) и стали требовать *децентрализаціи*, младотурки увидѣли в этой программѣ начало своего конца и воспротивились ея осуществленію.

Такая политика свидѣтельствовала, однако, о полном отсутствіи гражданскаго мужества. Дарованіе разумной децентрализаціи, а в извѣстных случаях даже автономіи, представляло всетаки шанс для спасенія остатков европейских вилаетов, так как отняло бы у балканских государств повод к вышатайству и позволило бы младотуркам опереться на сочувствіе великих держав, только что доказавших свое довѣріе к молодой Турціи отказом от контроля над Македоніей и не желавших, в эту пору, ея дальнѣйшаго расчлененія. Но выѣско децентрализаціи, младотурки скоро прибѣгли к системѣ террора, затмившей своей жестокостью диктатуру Абдул-Гамида и, в отличіе от послѣдней, распространившейся уже на мусульманских инородцев — албанцев и арабов. Результатом такой безумной политики явилась, как извѣстно, балканская война 1912 года, а за нею новая ампутація Турціи.

Съ любопытными фактами в руках, автор показывает, как умѣло полная растерянность младотурок перед инородческой проблемой была использована энергичными російскими пантуранистами, интерес коих не допускал торжества в Турціи ни оттоманизма, ни панисламизма. Къ тому же, в

самої Турції видвинулись свої пантураністи, і среди них знаменитий *Зія Гек Альп*, член Центрального Комітета Партії «Єдиненія і Прогреса.» Ще до балканської війни, в 1911 році, конгрес партії відказався від оттоманізму, а вскорі після конгресу деякі лідери російського пантуранізму — *Гаспринскій*, *Алі Гуссейн Заде* і *Акчура* були обрані в Центральний Комітет партії.

Вмѣстѣ з тѣм, в 1910 і 1911 г., пантуранська пропаганда зміцнилась, як в Турції, шляхом устроєння «*турецких очагов*», так і в Росії, шляхом створення різних *культурних обществ*. Несчастна балканська війна дала останній толчок до остаточного торжества пантуранізму. Балканська війна, каже автор, «перевернула весь уклад думки турок, всі їх поняття про державу і націю. Турки зрозуміли, нарешті, що вони не османів, а турків»... вони стали радіти «тому, що померла стара «велика» Османська Імперія і на її мѣстѣ воскресла нова Турція. Правда, вони втратили внаслідок цього кілька європейських вілаєтів, але за те отримали своє справжнє стеченство, свою «родну землю» — в Азії.

§3. *Въ якихъ предѣлахъ повиненъ здійснитися ідеал пантуранізму?*

Автор проводить цікаву паралель між бажаннями татарських і турецьких пантураністів. Знаменитий Агаєв включає в «тюркський світ» Балкани, Малу Азію, Крим, Кавказ, Дагестан, Астрахань, Поволжжя, Саратов, Самару, Казань, Уфу, Оренбург, Сибір, Монголію, Китайський і російський Туркестан, Бухару, Хиву, Хорасан, південне узбережжя Каспійського моря і два Азербейджана (стр. 84). Більше скромні турецькі пантураністи, обмежуючись

лишь территоріей населенной *тюркской* группой туранских народов, в которую входят тюрки Сибири, Центральной Азии, Поволжья, Черноморья, Ирана и б. оттоманской имперіи; поэтому они предпочитают свое движеніе называть *пантюркизмом* (стр. 86).

Зія Гек Альп, основоположник пантюркизма, намѣчает в своей извѣстной книгѣ «*Основы тюркизма*» 1923 г., три ступени осуществленія своего идеала.

1) *Тюркизм в самой Турціи* — что означает ассимиляцію или, в случаѣ отказа от нея, удаленіе всѣх нетурецких элементов; параллельно с этим — очищеніе турецкаго языка от арабских примѣсей и приближеніе его к туранским корням, а также созданіе турецкой національной культуры. В то же время тюркизм антирелигіозен; он борется против ислама, поворачивая турка «от Мекки к Алтаю» . (стр. 100).

2) Второй ступенью является т. наз. *огузианизм*, т. е. объединеніе стран, населенных потомками *Огуза* — Турціи и двух Азербейджанов, персидскаго и русскаго. (стр. 92).

3) Наконец, что касается других тюркских народностей (татар, киргизов, башкир, якутов, алтайских турок), то Гек-Альп допускает, что они стремятся къ созданію собственных культур. Но все же и они, в концѣ концов, должны войти в общую туранскую федерацію (стр. 92).

§4. Что сдѣлано до сих пор для осуществленія пантюркизма?

Во время великой войны турки вполнѣ обнаружили свое пантуранское лицо. Учиненую ими в 1915 г. ужасную

рѣзю армян несомнѣнно нужно разсматривать как одно из подготовительных дѣйствій к осуществленію пантуранской программы; нужно было уничтожить *инородный клин*, возникшій между Турціей и Азербейджаном. С другой стороны, приводимый автором циркуляр Комитета партіи «*Единенія и Прогресса*» прямо говорит об об'единеніи всѣх туранских народов, как об одной из цѣлей войны; о том же свидѣлствуют обращеніе російских татар к Вильсону в 1916 г. Побѣды русской арміи разсѣяли было всѣ эти надежды, но русская революція окрылила их вновь, и слѣдующіе один за другим общемусульманскіе съѣзды 1917 г. проявляли все болѣе растущую антирусскую и туркофильскую тенденцію. Большевицкая революція и Брест-Литовскій мир принесли пантуранистам уже реальные плоды — в видѣ Карса, Ардагана и Батума. Но и послѣ Брестскаго мира с Совѣтской Россіей турки продолжали свое наступательное движеніе в Закавказьѣ и заняли Баку, горячо привѣтствуемые азербейджанскими татарами. Только побѣда союзников заставила турок вернуться в Анатолію.

Что касается *кемалистскаго движенія*, то нам кажется, что автор прав, об'ясняя его успѣх вѣрою в пантуранскій идеал, которая овладѣла военной и гражданской молодежью Анатоліи. Кемализм, говорит он, «был выкристаллизировавшимся стопроцентным тюркизмом.» Этим автор и об'ясняет совершенно правильно, что отказываясь от Сиріи, Месопотаміи, Аравіи, Западной Фракіи, турецкіе націоналисты главнѣйшим лозунгом своей борьбы выставили удержаніе армянскаго плоскогорья и недопущеніе созданія на нем армянскаго государства. Вѣрно также, что проведеніе в жизнь этого лозунга могло осуществиться только благода-

ря поведенію держав-побѣдительниц, которыя заключили странное перемиріе в Мудрось, не разоружившее турок и позволившее им укрѣпиться как раз в Турецкой Арменіи.

Другую причину успѣха кемалистов автор видит в их угрозахъ поднять весь туранскій и даже мусульманскій мір против союзников, и главнымъ образом, против Англій. Автор говорит, что такая угроза в этот момент «была гораздо реальнѣе, чѣм до и во время войны, и это потому, что лозунг освобожденія народов, ставшій такимъ популярнымъ по окончаніи войны, коснулся и сознанія туранскихъ и вообще восточныхъ мусульманскихъ народов, пробудив в нихъ чувство національнаго самосознанія. Первымъ его выраженіемъ было подчеркнутое высказываніе с ихъ стороны симпатій к Турціи и к турецкому національному движенію» (стр. 124). Это, конечно, вѣрно. Все же намъ кажется, что броженіе среди мусульманскихъ массъ в Индіи и Сѣверной Африкѣ, с которыми только и считались в Лозаннѣ союзники, было главнымъ образомъ вызвано грозившей *всему* мусульманскому міру опасностью потерять столицу халифата — Константинополь. Это броженіе и имѣло своимъ конечнымъ результатомъ сохраненіе за Турціей Константинополя и частей Европейской Турціи. Что же касается сохраненія за турками армянской территоріи, хотя и безъ армян, то оно объясняется, на нашъ взглядъ, не боязнью державъ передъ панисламизмомъ или пантуранизмомъ, а другими очень сложными причинами.

Какъ извѣстно, во время великой войны, союзники неоднократно и самымъ торжественнымъ образомъ заявляли о своемъ рѣшеніи избавить армянъ отъ турецкаго ига. Правда, Севрскій трактатъ 10 Августа 1920 г. создалъ независимую Арменію изъ

земель, входивших в состав не Турции, а *Императорской России*; все же 89 статья договора предоставляла Президенту Вильсону определить границы этой независимой Армении с Турцией, иными словами, включить в нее части турецкой территории. Но постановления Севрского трактата, как и третейского решения Президента С. А. Соединенных Штатов, присудившее Армении большую часть Ванского, Витлисского, Эрзерумского и Трапезундского вилайетов, остались на одной бумаге. «Главные союзные державы» (Франция, Англия и Италия) не только не привели их в исполнение, но даже воспротивились вступлению Армении в Лигу Наций, заявив, что не могут взять на себя гарантию ее границ, к которой, в случае принятия Армении в Лигу, обязывала бы всех членов Лиги знаменитая 10 статья Пакта. В результате этой политики, оставленная на произвол судьбы независимая Армения весьма скоро была раздавлена соединенными усилиями Советов и кемалистов и поделена между ними. Что же касается судьбы турецких армян, то для них на Лондонской Конференции 1921 года союзники выговаривали еще создание «национального очага» на восточной границе Турции; но уже на Парижской Конференции 1922 года указание на местонахождение этого очага *на восточной границе* отпало; а на Лозаннской Конференции Державы, под напором турок, отказались *вообще* от идеи армянского очага. Таким образом, армянское плоскогорье осталось в руках турок, не отягощенное никакими сервитутами — кроме разве гарантии общих прав меньшинств, принятой Турцией для всей своей территории.

Столь безславное сворачивание союзнических знамен перед победенной Турцией в армянском вопросе не оправдывается,

конечно, с точки зрѣнія международнаго права, в виду данных армянской націи обѣщаній, подтвержденных Севрским трактатом. Нельзя в защиту держав привести и довод «непреодолимой силы» — т. е. оправдать их поведеніе всеобщим утомленіем народов, не допускавшим новой войны: ибо союзники не сдѣлали даже *попытки* произвести на Турцію давленіе путем *финансоваго* и *экономическаго* бойкота. Тѣм болѣе интересны *политическія* причины, помѣшавшія державам исправить тактическую ошибку, допущенную при заключеніи Мудросскаго перемирія.

К числу этих причин нужно отнести тренія между союзниками. Севрскій трактат вызвал серьезное недовольство Франціи и Италіи, считавших, что их національные интересы, в особенности при распределеніи *мандатов*, принесены в жертву интересам Англіи; вслѣдствіе этого эти двѣ державы сочли удобным пойти на сепаратныя соглашенія с Турціей, весьма выгодныя для послѣдней. Англія одна продолжала держаться антитурецкой оріентаціи, но пораженіе покровительствуемой ею Греціи и мусульманская агитація в Индіи заставили ее пойти на уступки. На Лозанской Конференціи мало спѣвшіяся державы поступились в пользу побѣжденной ими Турціи весьма существенными собственными интересами и, между прочим, отказались от капитуляцій. На ряду с этим, отказ от армянских прав и оставленіе армянскаго плоскогорія в руках турок показались, очевидно, союзникам уступкой гораздо менѣ тяжелой для их самолюбія и их интересов.

При всем том, нам кажется, что страх перед *пантурсизмом* едва ли являлся в глазах союзников одним из мотивов, побуждавших их к уступчивости по отношенію к кемалистам.

Въдъ наличіе такого страха должно было, наоборот побудить державы, в собственных же интересах их, воспротивиться оставленію армянскаго корридора между Ангорой и Тураном в руках турок... Главным двигателем политики держав в турецком вопросѣ было, конечно, желаніе *помяшать сближенію кемалистов с большевиками*. Поэтому, Англія заключила в 1921 г. сепаратное соглашеніе с Совѣтами, а Франція и Италія — с Ангорой. Но такая разрозненная политика союзников привела только к еще болѣе тѣсной спайкѣ турок и большевиков, об'единенных одинаковой ненавистью к державам Согласія. *)

§ 5. Автор совершенно правильно оцѣнвает значеніе *поддержки, которую большевики оказали кемалистскому движенію*, с самаго его возникновенія. В 1919 г. в Москвѣ при Наркоминдѣлѣ была основана «Лига Освобожденія Ислама», и совѣтскіе делегаты участвовали в первых конгрессах кемалистов. Правда, послѣ ухода союзников из Закавказья, турки согласились на совѣтизацію «освобожденнаго» ими Азербейджана, зная, что симпатіи населенія все равно останутся на их сторонѣ. Но за эту кажущуюся, чисто временную уступку они получили согласіе большевиков на разгром и раздѣл Арменіи, а по Московскому договору 1921 г. приобрѣли Карскую, Ардаганскую и Сурмалинскую области, да еще обезпечили себѣ на всякій случай корридор к татарским со-

*) Желających подробнѣе ознакомиться с политикой державъ в армянском вопросѣ позволяю себѣ отослать к моей книгѣ «La Société des Nations et les Puissances devant le problème Arménien.» 1926, Paris, Pedone.

родичам путем из'ятія Нахичеванскаго района из под власти Совѣтской Арменіи и передачи его под протекторат Азербейджана. Нельзя не согласиться с автором, что от турецко-большевицкой «дружбы» *в выигрышъ остались одни турки*: большевики не достигли своей главной цѣли — «совѣтизаціи» Турціи, и в концѣ концов не смогли даже удержать «друзей» от заключенія мира с державами. Турки, наоборот, используя большевицкій козырь, заключили столь блестящій для них Лозанскій мир, и сверх того укрѣпили свой престижъ как в Азербейджанѣ, так и в другихъ созданных Совѣтами турецко-татарскихъ автономныхъ образованіяхъ.

Пожалуй, самой интересной для русскихъ главой в книгѣ г. Зареванда является послѣдняя — «Пантуранизмъ в наши дни.» В ней автор наглядно показывает, что Мустафа Кемаль, хотя *официально* и принужден иногда отречься от пантуранизма, на практикѣ уже осуществилъ большую часть пантуранской программы: сюда относится насильственное отуречиваніе населенія, отказ от халифата и мусульманскихъ нравовъ, реформа языка путемъ приближенія к нарѣчіямъ туранскихъ кочевниковъ, уничтоженіе арабскаго шрифта... Остальное впереди. Пантуранская пропаганда уже сейчасъ ведется среди російскихъ тюрко-татаръ. «Турція», говоритъ автор, «является подлинной политической Меккой для нихъ всѣхъ, а Мустафа Кемаль истиннымъ пророкомъ» (ст.154). Все прочнѣе устанавливается связь между ~~російскими~~ тюрко-татарами и турками; турецкіе учителя преподаютъ в совѣтскихъ школахъ Азербейджана, Дагестана, Туркестана, Поволжья, Крыма — а тюркская молодежь Совдепіи часто получаетъ высшее образованіе в Турціи (стр. 155).

Авторъ утверждаетъ, что «есть много основаній думать,

что даже у русских большевиков раскрылись глаза перед той опасностью, которую представляет пантуранизм.» Это отрезвление он объясняет тѣм, что за послѣднее время пропаганда эмигрантов из российских тюрко-татар, обосновавшихся в Турціи, приняла слишком уже откровенный характер. Споры между ними касаются исключительно *формы* объединенія всѣх тюркских народов, вопроса о том, должна ли связь с Турціей носить характер федераціи или же безоговорочнаго к ней присоединенія. Но всѣ тюрко-татарскіе вожди «объединились на платформѣ, включающей в себѣ слѣдующіе основные принципы: «признаніе необходимости культурнаго и политическаго единенія всѣх тюрко-татар Россіи и Турціи, признаніе исключительной роли за *новой* Турціи и в частности за ея вождем Кемаль-Пашою при осуществленіи этой великой національной миссіи и, наконец, отказ от старых «иллюзій» на счет возможности добиться удовлетворенія своих національных требованій при помощи русской демократіи и в случаѣ перехода власти к ней.» (стр. 156).

§ 6. Книга г. Зареванда выдержана в совершенно объективных тонах. Автор не нападает на пантуранизм, не осуждает его, а только дает картину его возникновенія и развитія, на основаніи, главным образом, пантуранских же источников. Г. Зареванд просто задается цѣлью развернуть перед читателем фазы недавно только зародившагося и еще мало извѣстнаго пантуранскаго движенія. Он не судит, а констатирует. Появленіе этой прекрасной книги слѣдует поэтому вслѣдствіи привѣтствовать и пожелать ей широкаго распространенія среди русской публики, в недостаточной мѣрѣ освѣдомленной о ростѣ и силѣ современнаго пантуранизма, имѣющаго столь большое зна-

ченіе для развитія в том или ином направленіи государственности будущей свободной Россіи.

В заключеніе позволяем себѣ высказать нѣсколько соображеній по поводу проблем, неизбежно встающих послѣ чтенія книги г. Зареванда перед каждым русским, любящим свою родину.

I.

Первый, основной, вопрос, конечно слѣдующій: Дѣйствительно ли тюркко-татарскіе народы Россіи тяготятъ к Турціи?

В свободной Россіи, организованной на началах федерализма и областных автономій, тюркко-татарскіе народы будут, конечно, надѣлены крайней степенью политической самостоятельности, совмѣстимой с сохраненіем единой російской государственности. Но удовлетворятся ли этим тюркко-татарскіе народы? Правда ли, что, как говорит пантуранист *Исмаков*, «среди зарубежных турок никогда не было движенія, стремившагося к отдѣльному от Турціи объединенію. — Никогда не стремились «свить свое гнѣздо»: Съвер — вокруг Казани, Туркестан — вокруг Бухары, Крым — вокруг Бахчисарая и Азербейджан — вокруг Баку. Эти центры в своей дѣятельности всегда исходили из сознанія, что являются лишь вѣтвями великаго тюркскаго дерева, что тот воздух, которым всѣ они дышат, есть турецкій воздух.» (стр.161). Правда ли это? Личное ли это только мнѣніе осѣвших в Турціи и отуречившихся лидеров пантуранизма, или же эти слова выражают глубокое настроеніе тюркко-татарских масс Россіи? Дѣй-

ствительно ли эти массы, в наш вѣкъ крайняго націонализма, не желают сохраненія своего, хотя и маленькаго, но собственнаго лица, — татарскаго, киргизскаго, узбекскаго, башкирскаго, — а неудержимо стремятся к полному растворенію в чисто-турецком морѣ? И далѣе, *если* эти народы стоят за сохраненіе своих особенностей, то желают ли они, слѣдую завѣтам *Ziu Гек Альпа*, федерироваться по племенному признаку с Турціей, или же быть равноправными членами Россійской державы, в которой они найдут, в большей степени, чѣм в Турціи, удовлетвореніе всѣх своих экономических потребностей?

Несмотря на всѣ утвержденія пантуранистов, этот вопрос *о подлинности стремленія російских тюрко-татарских масс к отуреченію* остается далеко не выясненным, и на него книга г. Зареванда не дает и не может дать — в нынѣшних русских условіях — исчерпывающаго отвѣта. По отношенію тюрко-татар к *Совденію* нельзя судить об их будущемъ отношеніи к возродившейся *Россіи*.

II.

Второй вопрос можно формулировать слѣдующим образом: намѣчаются ли уже *постоянныя линіи новой политики Турціи по отношенію к Россіи*, политики, стремящейся к освобожденію тюрко-татарских народов из под власти Россіи, подобно тому, как в теченіе столѣтій Россія стремилась к освобожденію балканских народов из под власти Оттоманской Имперіи.

Этот вопрос о новой политикѣ Турціи мы не связываем

с политикою нынѣшней кемалистской Турціи, а ставим его гораздо шире. Прочность нынѣшняго турецкаго режима еще не окончательно выяснилась. *Гази Мустафа Кемаль Паша* не только радикально измѣнил политическій и религиозный облик Турціи. Он не только упразднил султанат и халифат и обратил Турцію в республику. Благодаря его исключительной энергіи, ему удалось провести в Турціи социальные реформы, от которых младо-турки отказались послѣ первых же неудачных попыток в 1908 г. Эмансипація женщин; отдѣленіе ислама от государства; отмѣна средневѣкового мусульманскаго законодательства, совершенно не соответствовавшаго сложнымъ требованіямъ современной жизни, и введеніе европейскихъ кодексовъ; переход от арабской азбуки к латинской; попытки очищенія турецкаго языка, загроможденнаго арабскими и персидскими примѣсями — вот главныя вѣхи, характеризующія современную турецкую реформу. Но всѣ эти новшества проведены желѣзной волей одного человѣка, опирающагося на армію и в руках котораго парламент является послушнымъ орудіемъ. И все та же единоличная воля, проникшись, повидимому, пантуранскимъ идеаломъ, направляет исподволь турокъ к созданію большого туранскаго государства за счетъ Россіи. Но прочна ли эта диктатура? А если она когда нибудь будетъ замѣнена инымъ режимомъ, то переживетъ ли ее пантуранизмъ? *Связанъ ли онъ тѣсно съ кемализмомъ, или онъ дѣйствительно присущъ національной дриѣ современнаго турка-османлиса и соответствуетъ его подлиннымъ интересамъ?*

Отвѣтить на эти вопросы вряд ли возможно в настоящее время, когда движеніе пантуранизма насчитываетъ всего два-три десятка лѣтъ, а кемализмъ — одно только десятилѣтіе.

Турецкій народ, не выходявшій, начиная с 1911 года, из цикла войн и нуждннщійся прежде всего в покоѣ, вряд ли одушевлен в настоящее время широкими завоевательными замыслами. В виду его исключительной дисциплинированности, Мустафа Кемаль сможет, в случаѣ новаго русскаго кризиса, бросить турецких аскеров на Закавказье и на Туркестан. Но такое случайное наступленіе, такое использование русской смуты, не явится еще твердым доказательством новой, болѣе или менѣе *постоянной пантуранской политики Турціи* в русском вопросѣ...

III.

Тѣм не менѣе, самая *возможность* постоянной пантуранской политики Турціи заставляет нас поставить *третій и послѣдній вопрос*. *В случаѣ, если бы какая либо болѣе или менѣе прочно установившаяся турецкая государственность повела сознательную пантуранскую политику, как должна будет реагировать на нее воскресшая Россія?*

Не имѣя возможности отвѣтить на этот вопрос сколько нибудь исчерпывающим образом в рамках краткаго введенія, мы позволяем себѣ только высказать нѣсколько мыслей о *международной обстановкѣ*, в которой онъ встанет перед русским обществом и русским государством, так как обстановка эта, на наш взгляд, будет имѣть огромное значеніе для разрѣшенія проблемы.

До великой войны агрессивный пантуранизм имѣл бы только одного главнаго противника — *Россію*; при этом он мог бы, конечно, рассчитывать на сочувствіе ея недругов,

— а можетъ быть, и нѣкоторыхъ ея друзей. Но в настоящее время международное положеніе значительно измѣнилось. Не только создана Лига Націй, не только дѣйствуетъ Гаагскій Международный Суд, но неудержимо растетъ среди народовъ отвращеніе къ войнѣ. Отвращеніе это вызвано не столько нравственнымъ усовершенствованіемъ, сколько все болѣе крѣпкимъ сознаніемъ человѣчества, что при условіяхъ современной военной техники и взаимной экономической связи народовъ, война не можетъ болѣе служить средствомъ разрѣшенія международныхъ споровъ. Она уже не только безнравственна, но и невыгодна для *всѣхъ* воюющихъ. Поэтому человѣчество начинаетъ все болѣе и болѣе относиться къ войнѣ отрицательно. Заключеніе Парижскаго Пакта 1928 г. объ «отказѣ отъ войны какъ средства національной политики» (Пактъ Бриана-Келллога), къ которому примкнули всѣ рѣшительно страны міра, является яснымъ тому указаніемъ.

Такая международная атмосфера позволяетъ надѣяться, что обновленные русскій и туранскій міры не неизбежно осуждены на новыя кровавыя столкновенія. Если Россія и Турція войдутъ в Лигу Націй, то обѣ будутъ, конечно, связаны ея постановленіями о мирномъ разрѣшеніи международныхъ споровъ. Но если бы этого даже и не случилось в теченіе ближайшаго времени, все же Лига Націй, в силу 11 ст. Пакта можетъ вмѣшаться в русско-турецкую распрю, в интересахъ сохраненія всеобщаго мира. В самомъ дѣлѣ, эта 11 статья гласитъ:

«Симъ твердо объявляется, что всякая война или опасность войны, независимо отъ того, касается ли она непосредственно или нѣтъ одного изъ Членовъ Лиги, затрагиваетъ интересы все Лиги, и что эта послѣдняя должна принимать мѣры, способны

обеспечить дѣйствительнымъ образомъ миръ между народами. Въ подобныхъ случаяхъ, Генеральный Секретарь созываетъ немедленно Совѣтъ, по требованію всякаго члена Лиги.»

«Помимо того об'является, что каждый Член Лиги имѣетъ право дружескимъ образомъ обратить вниманіе Собранія или Совѣта на всякое обстоятельство, могущее повліять на международныя отношенія и угрожающее в дальнѣйшемъ нарушить миръ или же доброе согласіе между народами, от котораго зависитъ миръ.»*)

Но международная жизнь не только вырабатываетъ новыя *формы* разрѣшенія международныхъ конфликтовъ (Лига Націй, Гагская Постоянная Палата Международнаго Суда, Третейскіе Суды); постепенно создается и *новое международное право*, примѣняемое этими инстанціями. И въ интересующемъ насъ вопросѣ о размѣрахъ правъ національностей уже вырисовываются принципы, позволяющіе примирить права государства и населяющихъ его народностей.

Это нарождающееся новое международное право отнюдь не клонится къ признанію права *каждой* національности на *самоопредѣленіе*. Въ своей *абсолютной* формѣ этотъ лозунгъ

*) Article 11: Il est expressément déclaré que toute guerre ou menace de guerre, qu'elle affecte directement ou non l'un des Membres de la Société intéresse la Société tout entière et que celle-ci doit prendre les mesures propres à sauvegarder efficacement la paix des Nations. En pareil cas, le Secrétaire général convoque immédiatement le Conseil, à la demande de tout Membre de la Société.

Il est, en outre, déclaré que tout Membre de la Société a le droit, à titre amical, d'appeler l'attention de l'Assemblée ou du Conseil sur toute circonstance de nature à affecter les relations internationales et qui menace par suite de troubler la paix ou la bonne entente entre nations, dont la paix dépend.

не оказался жизнеспособным. Президент Вильсон, выставивший принцип самоопредѣленія в его абсолютной формѣ 27 Мая 1916 г., очень скоро от него отказался, признав уже в своей извѣстной рѣчи 22 Января 1917 г. за всѣми народами только *право на известный минимум культурной и социальной самостоятельности*. Вообще же доктрина Президента окончательно выкристаллизовалась в его посланіи от 11 Февраля 1918 г., гдѣ он провозглашает необходимость считаться с «существенной правдой каждаго отдѣльнаго случая» и утверждает, что «всѣ ясно опредѣлившіяся національныя стремленія должны получить самое полное удовлетвореніе, какое только возможно им дать, не вводя новых и не увѣковѣчивая старых элементов безпорядка или раздора, способных, со временем, нарушить мир Европы, а стало быть и всего міра.» Таким образом, если исходить из теоріи Вильсона, то разрѣшеніе конфликтов между государствами и націями, входящими в его состав, не будет производиться по однообразному рецепту самоопредѣленія народов. Иногда рѣшеніе придется вынести в пользу государства, иногда — в пользу народностей, в зависимости от того, чего потребуют высшіе интересы человѣческаго общества в каждом данном случаѣ.

Теорія Вильсона не вошла в пакт Лиги Націй, но Совѣтъ Лиги Націй проникся ея духом, как вытекает из его рѣшенія по знаменитому *Аландскому вопросу*. 24 іюня 1921 г. Совѣтъ Лиги признал суверенитет Финляндіи над Аландскими островами, населенными исключительно шведами, но объявил за то Финляндію дать островам политическую автономію.

Рѣшеніе Совѣта Лиги Націй основано на весьма интересных заключеніях двух *комиссій ученых междунаrodnиков*.

Доклад *Первой Комиссии* констатирует прежде всего, что принцип самоопредѣленія народов не фигурирует в Пактѣ Лиги Націй, и признан только нѣкоторыми междуна-родными трактатами, чего недостаточно для признанія его правилом дѣйствующаго международного права. В *нормальное* время, право распоряжаться національной территоріей есть атрибут суверенитета каждаго окончательно образовавшагося государства (*Etat definitivement constitue*); поэтому право на отдѣленіе от государства известной части его населенія не принадлежит ни этой части, ни какому либо другому государству. От этого общаго правила Комиссія отступает только для переходных эпох, вызванных революціями и войнами. В такія смутныя эпохи созданіе новых или преобразование старых государств затрагивает интересы всего международного общенія, каковыя могут привести к признанію права народнаго самоопредѣленія. Но и в таких случаях это право не примѣняется однообразно. Так напр. оно должно быть сообразовано с принципом защиты меньшинств. Помимо того, заключает первая Комиссія, не слѣдует терять из виду, что даже если предоставить принципу самоопредѣленія преобладающее значеніе среди всѣх принципов, вліяющихъ на образование государств, все же соображенія географическаго и экономическаго характера и другія могут помѣшать его «интегральному признанію.»

Вторая Комиссія юристов, в полном согласіи с первой, заявляет, что право самоопредѣленія народов есть «начало справедливости и свободы, выраженное в неопредѣленной и общей формулѣ, которая подала повод к самым разнообразным пререканіям.» Далѣе Доклад Комиссіи говорит:

«Возможно ли провозгласить как абсолютное правило,

чтобы меньшинство населения государства, окончательно образовавшись (*definitivement constitue*) и вполне способного исполнить свою задачу, имѣло право отдѣлиться от него с цѣлью присоединенія к другому государству или же объявленія своей независимости? Отвѣтъ может быть только отрицательный. Признаніе за языковыми или религіозными меньшинствами или за фракціями населенія права выхода из общенія (*communauté*), к которому онѣ принадлежат, потому только, что такова их воля или доброе желаніе (*bon plaisir*) — было бы равносильно уничтоженію внутренняго порядка и устоев государств и введенію начала анархіи в международную жизнь; это равносильно было бы защитѣ теоріи, несовмѣстимой с самой идеей государства как единицы территориальной и политической.»

«Надлежит разумным образом приложить идею справедливости и свободы, заложенную в формулѣ самопредѣленія, к отношеніям между государствами и меньшинствами, которыя они в себѣ содержат. Справедливо, чтобы этническій характер и вѣковыя традиціи этих меньшинств уважались, насколько это возможно; в особенности необходимо, чтобы эти меньшинства имѣли право свободно исповѣдывать свою вѣру и развивать свой язык. Этот постулат является одним из самых благородных достиженій новѣйшей цивилизаціи и вмѣстѣ с тѣм, — так как вмѣ справедливости нѣтъ прочнаго мира, — он представляется одним из наиболѣе дѣйствительных средств для упроченія мира и для укрощенія ненависти и раздоров как внутри государств, так и в международных отношеніях. Но по каким причинам слѣдовало бы позволять меньшинству отдѣлиться от государства, с которым оно связано, если это государство предоставляет тѣ гарантіи, которыя

меньшинство в правѣ требовать для сохраненія своего социальнаго, этническаго или религіознаго характера? Такое разрѣшеніе — помимо всяких политических соображеній — явилось бы в высшей степени несправедливым по отношенію к государству, расположенному идти на уступки...»

«Отдѣленіе меньшинства от государства, в состав коего оно входит, и присоединеніе его к другому государству не могут разсматриваться иначе как крайнее и совершенно исключительное средство, примѣняемое тогда, когда это государство не желает или не в состояніи создать и обезпечить справедливыя и дѣйствительныя гарантіи.»

Нам кажется, что только приняв вышеизложенную точку зрѣнія Лиги Націй на значеніе принципа самоопредѣленія народов, можно будет безболѣзненно разрѣшить *проблему пантурсизма*. Вопрос о выходѣ из предѣлов Россіи тюрко-татарских племен должен получить *не однокое рѣшеніе*, исходящее из одних интересов этих народностей, а рѣшеніе, основанное также на интересах русской государственности. Мы глубоко убѣждены в том, что каждое, даже самое незначительное, національное меньшинство имѣет право на культурную автономію, что народам, входящим сплошными массами в предѣлы какого либо государства нужно предоставлять самыя широкія политическія автономіи, и что введеніе федеральной системы является в извѣстных случаях актом величайшей государственной мудрости. Но мы отрицаем *абсолютное* право народности на выход из государства в том случаѣ, когда выход приносит этому послѣднему несомнѣнный вред, тогда как всѣ политическіе, экономическіе и культурные интересы этой народности могут получить полное удовлетвореніе в предѣлах этого государства. С этой точки зрѣ-

ня. напр. *Ирландія* имѣла полное право на статутъ «свободнаго государства», *Free State*, а Англія на сохраненіе с Ирландіей извѣстной связи. Возможно, что *Каталонія* имѣет извѣстныя права на самостоятельность, но, весьма вѣроятно, что полный разрывъ с Испаніей не былъ бы признанъ международной инстанціей совмѣстнымъ с интересами испанскими, заслуживающими въдь не меньшаго уваженія, чѣмъ интересы каталонскіе. Точно также не в интересахъ человѣческаго коллектива было бы разрывать живое тѣло Россіи *только потому*, что та или иная народность требовала бы полной независимости или *вхожденія в составъ другого государства*. Интересы государства и входящихъ в него націй должны разграничиваться с точки зрѣнія *высшаго интереса человечества*, и в зависимости отъ особенныхъ условій каждаго даннаго случая.

Къ этимъ соображеніямъ необходимо присоединить еще слѣдующее. Понятіе полного, *абсолютнаго суверенитета государства* все больше выходитъ не только изъ терминологіи специалистовъ международного права, но и изъ обихода народовъ. Оно замѣняется понятіемъ *относительнаго суверенитета*, или, по просту, исключительной *компетенціи* в той, весьма, конечно, широкой сферѣ, в которой свободно проявляется воля государства. Такая постепенная утрата идей полного суверенитета своего *практическаго* значенія совершается не только подъ вліяніемъ созданія Лиги Націй и, хотя и медленнаго, роста ея компетенціи. Параллельно с развитіемъ Лиги Націй идетъ движеніе в пользу созданія *другихъ, болѣе тѣсныхъ, организмовъ*, имѣющихъ цѣлью совмѣстную защиту интересовъ *отдѣльныхъ группировокъ державъ*. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникло *пан-европейское* движеніе, возглавляемое графомъ Куденхове-Кал-

лерги, которое несомнѣнно вдохновило только что объявленный план *Бриана о европейскомъ союзѣ*. Пан-европейское движеніе стремится къ созданію европейской конфедераціи (*Pan-europa*), безъ Великобританіи и Россіи. Такое исключеніе на нашъ взглядъ, совершенно естественно. Великобританія — т. е. Англія вмѣстѣ съ доминіонами и колоніями — сама представляетъ изъ себя маленькую лигу націй, имѣющую особыя интересы, не совпадающіе съ интересами Европы. И то же нужно сказать о Россіи, географическое положеніе которой не позволяетъ ей войти ни въ европейскую, ни въ азиатскую лигу. Не вдаваясь здѣсь ни въ какія «евразійскія» доктрины, мы не можемъ не считаться съ фактомъ, что существуетъ комплекс общероссійскихъ интересовъ, требующій общей защиты и не допускающей отпаденія входящихъ въ Россію туранскихъ народовъ.

Намъ кажется, такимъ образомъ, что человѣчество идетъ къ слѣдующей схемѣ будущей юридической конструкціи міра.

I) *Союзъ всехъ народовъ* (Лига Націй), вѣдающій общими интересами всего человѣчества.

II) Въ предѣлахъ этого союза, большія *группировки государствъ*, связанныхъ общими интересами, (напр., европейская, американская, великобританская, Россійская группировки).

III. Наконецъ, *отдѣльныя автономныя государства* въ предѣлахъ каждой группы народовъ, въ компетенцію коихъ входитъ защита чисто мѣстныхъ государственныхъ интересовъ.

Намъ сдается, что при такой конструкціи всемірной организаціи, къ которой, по всѣмъ признакамъ, идетъ человѣчество, споръ между Россіей и Тураномъ можетъ быть улаженъ безъ кровопролитія. Россійское государство не можетъ отказаться

от туранских территорій, находящихся в его предѣлах, ибо это противорѣчило бы всѣм его экономическим и политическим интересам. Но не соглашаясь на отложеніе туранцев, Россія должна будет, со своей стороны, удовлетворить их экономическія, политическія и культурныя требованія. Наконец, если бы *сама Турція* нашла, в виду наличія в Россіи милліонов ея соплеменников, что ея культурные и экономическіе интересы болѣе совпадают с интересами Россіи, чѣм с интересами Европы или Азій, она могла бы войти в состав *россійско-турецкой группировки*, имѣющей такое же особое лицо, как и европейская и американская группировки народов, и входящей, на равных началах с ними, в Лигу Націй. Быть может, к такой группировкѣ со временем примкнула бы и Персія.

Высказанная нами мысль может показаться смѣлою — но нам кажется, что она *реальнѣе пантуранизма*. и уже, во всяком случаѣ, болѣе в духѣ нашего вѣка. Пантуранизм может повести к новой войнѣ, созданіе россійско-турецкаго блока — к исключенію ея на всегда из отношеній между обѣими расами.

Русская демократія может только привѣтствовать обновленіе молодой Турціи и горячо желать довершенія этого обновленія. Но она не может не возстать против утопій воинствующаго *пантуранизма*. Освобожденный от большевицкаго ига русскій народ с'умѣет стовориться с туранскими народами относительно условій дальнѣйшаго политическаго сосуществованія в предѣлах Россіи. Но он не откажется добровольно от россійской государственности. Вѣсто отказа от своих туранских земель, Россія может протянуть Турціи руку для мирнаго сближенія русскаго міра с туранским

в новых формах, вырабатываемых современной международной жизнью.

В заключение, позволяем себѣ еще раз привѣтствовать появленіе книги «Турція и Пантуранизм». Труд г. Зареванда заслуживает величайшаго вниманія со стороны как русских, так и турок, желающих не насильственного, а безболѣзненного разрѣшенія назрѣвающей великой туранской проблемы.

АНДРЕЙ МАНДЕЛЬШТАМ.

Член Института Международнаго Права,
б. Первый Драгоман Императорскаго
Россійскаго Посольства в Константинополь,
б. Директор Правоваго Департамента
Министерства Иностранных Дѣлъ при
Временномъ Правительствѣ.

Т У Р А Н .

Туран — географическое название страны, лежащей между Каспийским морем, Иранской и Акмолинской возвышенностями и истоками рѣкъ Сырь-Дарья и Иртыш.

Из Турана вышли полчища Атиллы, Чингизхана, Тамерлана, Эртогула и др. и наводнили, одно время, Россію, весь Ближній Восток и часть Европы.

Потомки этих племен, разсѣянные в Азіи и в Европѣ, извѣстны под общим названіем туранских народов.

К ним в настоящее время относятся: турки Константинополя и Малой Азіи, татары южной Россіи и Кавказа, туркмены и тюрки Персіи и средней Азіи, узбеки, киргизы, монголы, тунгузы и тачики, туземцы Сибири, а также финны, болгары и венгры.

С захватом Турана турко-татарами к этим послѣдним перешло названіе «туранское», которое и стало синонимом названія «турко-татарское».

Пантуруанизмом называется то политическое теченіе, которое ставит своей цѣлью національное и государственное об'единеніе туранских народов.

Бъглый взгляд на географическую карту показывает, что не всё перечисленные выше туранскіе народы живут сплошной массой и на одной территоріи; затѣм они отличаются друг от друга по языку, вѣроисповѣданію и по культурѣ и, наконец, нѣкоторые из них, как, напримѣр, финны, болгары и венгры оторваны от племенного корня. Это обстоятельство и дѣлает невозможным политическое об'единеніе всѣх без исключенія туранских народов.*)

Но среди этих народов есть одна группа родственная по языку, вѣроисповѣданію и культурѣ, занимающая, притом, *сплошной цѣпью**)* пространство от Средиземнаго моря до Китайских стѣн. Это — турко-татарская группа туранских народностей. К их об'единенію и стремится политическое теченіе, называемое пантуранизмом.

*) Не лишне будет указать на два факта, идущих как бы в разрѣз с вышеизложенным положеніем. На пантуранистическом сѣздѣ, имѣвшем мѣсто в Константинополѣ за год до великой войны, приняли участие и делегаты от болгар и венгров. С другой стороны, знаменитый центрально-европейскій Zollverein, проектированный во время войны, должен был об'единить три туранскія страны — Турцію, Венгрію, Болгарію — тѣсной экономической связью. (См. Lothrop Stoddard. Panturanism. The Amer. Pol. Science Rev. 1917 vol. XI. 12-23).

***) Эта цѣпь прерывается лишь в одном мѣстѣ — в маленькой Арменіи. Не этим ли об'ясняется непрекращающаяся вражда турок к армянам и періодическія рѣзни этих послѣдних со стороны всѣх турецких правительств?

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ПАНТУРАНИЗМА.

Пантуранизм, являющійся в настоящее время господствующей в Турціи политической доктриной, возник не в Константинополѣ и не в Ангорѣ, а в сосѣдней с Турціей Россіи, среди волжских и крымских татар. Основоположниками пантуранизма и распространителями его идей среди анатолійских турок были російскіе мусульмане.

И в этом нѣтъ ничего страннаго.

Національное чувство и, в особенности, его разновидность — націонализм возникает и развивается раньше всего в изродѣ, лишенном политической самостоятельности. Пантуранизм, как своего рода крайняя національная доктрина, естественно должен был скорѣе и прежде всего зародиться среди подвластных царю - «тяуру» російских мусульман, а не среди живущих самостоятельной политической жизнью анатолійских турок.

Пантуранистическое движеніе в начальной стадіи своего возникновенія мало чѣм отличалось от обычнаго національнаго движенія мелких, подвластных народов. Национальное пробужденіе російских мусульман началось с

противопоставленія — в цѣлях самозащиты — своих бытовых и культурных особенностей наступающей культурѣ господствующей націи. И так как в то время религіозный момент еще преобладал в сознаніи мусульман, то и тюрко-татарскіе патріоты начали свою дѣятельность с выставленія лозунга защиты «шеріата» и мусульманской религіи от опасности, грозившей ей со стороны православія, как религіи господствующей націи. В этой борьбѣ взоры образованных руководителей російских мусульман были, естественным образом, обращены на Константинополь, гдѣ возсѣдал религіозный глава всѣх правовѣрных, всемусульманскій Халиф. Таким образом на первых порах своего возникновенія національное движеніе тюрко-татар носило *панисламистскій* характер.

Во главѣ этого движенія стал извѣстный татарскій публицист Исмаил Гаспринскій. Он еще в 1879 г. начал издавать в Бахчи-Сараѣ газету «Терджиман», которая считается первым серьезным печатным органом, посвященным защитѣ національно-религіозных интересов російских мусульман. На Кавказѣ аналогичную работу вел в то время Мирза Фет Али Ахундов.

Эти пионеры мусульманскаго движенія, ведя с одной стороны борьбу против руссофикаторской политики агентов правительства, старались, с другой стороны, реформировать религіозно-культурную жизнь своих соплеменников и распространять просвѣщеніе среди них. Таким образом возникает реформаторское движеніе, которое, однако, в первый період своего развитія, встрѣчает довольно сильное противодействие со стороны консервативных слоев татарскаго общества. Между этими двумя теченіями разгорается борьба,

сильно напоминающая ту, которая имѣло мѣсто во время Реформаціи.

Гаспринскій и его послѣдователи об'являются «кѣфирами» (невѣрующими), посягающими на чистоту мусульманской вѣры.

В этой борьбѣ двух мусульманских теченій русское правительство того времени встает на сторону консервативно-клерикальных элементов. Об'являя себя защитником принципа «стаціонарнаго ислама», оно подвергает преслѣдованію реформистов, вносивших якобы «нечестивыя ученія» в мусульманскую религію. Арестовывается и высылается в Сибирь ряд сторонников Гаспринскаго, как напримѣр, бр. Бобинскіе, Ахмед Тухтабасв и др.

Но эти правительственныя преслѣдованія, как обычно бывает в таких случаях, только усиливают начавшееся движеніе, которое вскорѣ переходит с религіозно-просвѣтительнаго в чисто національное.

Этот переход совпадает во времени с началом усиленія революціонных и оппозиціонных настроеній в средѣ самой русской интеллигенціи и совершается в значительной мѣрѣ под вліяніем русскаго революціоннаго движенія.

Как ни была отстала татарская масса, не со временем русская культура коснулась и ея. Татарская молодежь стала посѣщать правительственныя среднія и высшія учебныя заведенія, войдя, таким образом, в общеніе с русской интеллигенціей. В результатѣ такого постояннаго и непосредственнаго общенія она заразилась оппозиціонными и революціонными настроеніями тогдашней интеллигенціи. Но сойдясь с нею в вопросѣ о необходимости борьбы против правительства, татары расходились с русскими в преслѣдуемых

этой борьбой цѣлях. В то время как для русской интеллигенціи цѣлью борьбы было политическое и социальное переустройство Россіи, для татар революція была средством лишь для національнаго освобожденія собственнаго народа. Полное же національное освобожденіе почти всегда мыслится в формѣ независимаго устройства собственных судеб, к каким выводам и должно было притти національное движеніе російских мусульман.

Однако, выступить сразу с откровенно пантуранистской программой татарские националисты не могли — для этого не было еще подходящих условий. Русская государственная власть была тогда еще очень сильна, и всякое сепаратистское движеніе неминуемо было осуждено на полное крушеніе. Да и само національное движеніе татар не настолько еще окрѣпло внутренне, чтобы поставить себѣ такія широкіе и сложныя задачи. Национальное чувство только еще пробуждалось в татарском обществѣ, задѣвая лишь его верхніе, интеллигентскіе слои. Массы же были лишены національнаго сознанія, и отдѣльныя группы російских тюрко-татар, будучи связаны между собою лишь общностью магометанской вѣры, жили как религіозныя общины. И прежде чѣм говорить им о пантуранизмѣ, о необходимости об'единенія всѣх туранских народов, надо было еще в них самих пробудить національное чувство, внѣдрить в их сознаніе идею племенной общности между крымским татариним, среднеазиатским узбеком и туркестанским сартом. Надо было еще продѣлать среди самих російских тюрко-татар большую культурно просвѣтительную работу.

С этого и начинают татарскіе националисты.

Они обращаются к услугам художественной литера-

туры, как наиболее удобной и менее опасной формой пропаганды национальных идей. Они печатают и распространяют среди татар Россіи цѣлый ряд поэтических и драматических произведеній и в особенности исторических романов, в которых воспѣвают героизм и подвиги «славных» предков туранских народов, нѣкогда господствовавших над Азіей, и Европой и об'единявших всѣ туранскія племена в сильное, независимое государство. Эти тенденціозныя, патріотическія произведенія имѣли своей цѣлью внушить татарским массам чувство национальной гордости и пробудить в них сознание необходимости національнаго об'единенія и политическаго освобожденія от чужого ига.

Большую услугу оказали пантуранистам в дѣлѣ пропаганды их идей научныя изысканія нѣкоторых европейских и російских востоковѣдов. Труды Вамбери, фон ле Кока, Радлова и др., доказывающих общность языка, культуры и происхожденія всѣх тюрко-татарских народов и существованіе у них в прошлом высокой цивилизаціи и пр. как раз были на руку татарским націоналистам, укрѣпляя их позиціи доводами ученых авторитетов.

Этот період національно-литературнаго разцвѣта связан с именем одного улемы — Шехабедина аль Мерджани. Его послѣдователям были Абдул Кайум эи Пасари, Исмаил Гаспринскій, жена его Захрә ханум и др.

В 1895 году начинается новый період в татарской литературѣ, извѣстный под названіем «Идельской литературы». В ней уже наблюдаются нѣкоторыя тенденціи политическаго пантуранизма. Ярким представителем этого литературнаго течения в прозѣ является Айяз Исхаков, а в поэзіи — Токаев.

Русская революція 1905 г., открывает широкія возмож-

ности пропаганды идей тюрко-татарского национализма. Эта пропаганда ведется уже не только в художественной литературе, но и посредством газет и журналов, в публицистических статьях. Возникает ряд периодических изданий на тюркском языке, в числе которых не мало ежедневных газет. Среди них видное место занимает издаваемая под редакцией Максудова газета «Ильдыз», вокруг которой группируется много видных представителей тюрко-татарской интеллигенции, как например Зиаэддин Кемали, Халимджан Уруев, Кадри Иши, Мусабеков, Айвэддин Ахмаров, Керимов, Гасан Сабри Айвазов, Максудов, Ахмед Орманиев, Шакир и Закир Рамиев и Юсуф Акчура.

В этой группе исключительное место занимает Юсуф Акчура, который считается основоположником доктрины пантурсизма и вместе с тем выдающимся поборником проведения в жизнь вытекающей из этой доктрины определенной политической программы.*)

*) Юсуф Акчура—татарский журналист политический деятель и бывший член Государственной Думы, родился в Иделъ (Волга). Среднее образование получил в Константинополь, а высшее — в Парижъ. Находясь накануне первой русской революции в России, Акчура близко сошелся с прогрессивной частью русской интеллигенции и по организации конституционно-демократической партии (ка-де) вступил в ее ряды. Вместе с Исхаковым издавал в Казани газету на тюркском языке под названием «Казан Мухпири». После младотурецкого переворота 1908 г. в качестве корреспондента Казанской татарской газеты «Вакиф» поехал в Константинополь, где и обосновался. В 1903 г. в Каирской газете «Тюрк» написал статью: «Три политических системы», в которой излагает основы и принципы пантурсизма. Эта статья для пантурсистов является тем же, чем «Коммунистический Манифест» для марксистов.

На Кавказѣ центром пантуранизма и татарскаго національнаго движенія был город Баку. Там при матеріальной поддержкѣ извѣстнаго миллионера Зейнала Тагіева издавалась ежедневная газета «Каспій», которая была лейб-органом азербейджанскаго націонализма. Во главѣ «Каспія» стояли такіе видные представители пантуранизма, как Гусейнзаде Али, *) Ахмед Агаев **) и Али Мардан Топчибашев. ***)

*) Гусейнзаде Али родился в Сальянах (Баку) 24 февр. 1864 г. Среднее образованіе получил в Баку, а высшее — в Петербургѣ. Он первый из татарских дѣятелей ѣдет в Турцію (1889 г.) для пропаганды там идей пантуранизма. Въ Константинополь он поступает в военно-медицинскую высшую школу, по окончаніи которой назначается в 1895 г. главным врачом Гайдарпашинскаго лазарета. В 1900 году читает лекціи в военной школѣ. В 1905 г. возвращается в Баку, гдѣ принимает активное участіе в организациі армянских погромов в Закавказьи и издает вмѣстѣ с Агаевым газету «Айят». В 1910 году возвращается снова в Константинополь и работает в пантуранистских организациях, извѣстных под названіями «Тюрк Юрду» и «Тюрк Очаги». На третьем с'ѣздѣ младотурецкой партіи «Единеніе и Прогресс» избирается членом центрального Комитета этой партіи.

**) Ахмед Агаев русскій татарин из Карабаха (Елизаветопольской губ.), по окончаніи образованія в Петербургѣ обосновывается в Баку, гдѣ редактирует ежедневную газету «Каспій», а потом «Айят». Послѣ первой русской революціи переѣзжает в Константинополь, гдѣ, примкнувъ к младотурецкому движенію, становится во главѣ пантуранистскаго теченія в этой партіи. Во время великой войны поддерживает в турецких военных кругах тѣ группы, которыя стояли за усиленіе наступательнаго движенія на кавказском фронтѣ. Послѣ пораженія Турціи, в числѣ видных младотурецких дѣятелей, ссылается англійскими властями на остров Мальту, по возвращеніи примыкает к кемалистскому движенію. В настоящее время состоит депутатом Ангорскаго Націо-

Но и в Закавказь татарское національное движение носило в началѣ панисламистскій характер. Подойти к азербейджанскому крестьянину, в котором еще не было развито національное самосознание, с идеями чистаго туранизма было бы очень трудно. Вот почему и в этой средѣ пропаганда велась на религіозной почвѣ. И тут взоры были обращены на Константинополь, но только как на центр ислама, гдѣ на тронѣ Пророка возсѣдатель его замѣститель — Халиф всѣх мусульман. Вот от него и придет освобождение азербейджанскому народу.

Позже религіозный мотив и тут уступает свое мѣсто національному принципу. Турція не столько единовѣрная, сколько единоплеменная страна. Анатолийскій турок, говорили азербейджанскіе пантуранисты, того же туранскаго корня, что и азербейджанскій татарин. Оба они имѣют общій язык и общю культуру. И так как из всѣх туранских народов только турки сохранили свою независимость, то на турецкаго султана и падает высокая честь освобождения тюрко-татарских народов от чуждаго ига и объединенія их в

нальнаго Собранія от Карской области, редактирует офиціоз Кемаля «Хакиміет е Милліе» и считается одним из вліятельнѣйших политических дѣятелей «новой» Турціи.

***) Али Мардан бек Топчипанев, бакинскій присяжный повѣренный, бывший член Государственной Думы и русской кадетской партіи. В період 1918-19 г.г. сыграл крупную роль в политической жизни Закавказья, как представитель азербейджанских татар: в числѣ других азербейджанских дѣятелей призвал турок в Закавказье. С 1819 года живет в Парижѣ, как предсѣдатель делегации Азербейджанской республики при Мирной Конференціи.

одно могучее государство. В числѣ этих народов получают свое освобожденіе в первую очередь азербейджанцы, потому что они ближе всѣх находятся к Турціи.

Эти идеи пропагандировались в нелегальных кружках, а иногда, в весьма замаскированной формѣ, и в легальной печати. В Закавказьи идеи пантуранизма пользовались несравненно большим успѣхом, чѣм в остальных частях Россіи и это, конечно, потому, что Турція была близка...

ПАНТУРАНИЗМ В РОССИИ ПОСЛѢ
ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

К началу первой русской революціи національное движеніе уже охватило сравнительно широкіе круги російских тюрко-татар. К нему примкнула не только интеллигенція, но буржуазно-купеческіе слои татарскаго общества. Долголѣтняя и упорная агитація татарских націоналистов дала свои результаты, и в мусульманской массѣ начала пробуждаться національное чувство и сознание единства всѣх тюрко-татарских групп, разсѣянных по Россіи. Среди руководителей этих отдѣльных групп уже ощущалась потребность столкнуться по нѣкоторым общим вопросам и установить болѣе тѣсную связь между этими группами. Пока что рѣчь шла об объединеніи тюрко-татарских народностей, живших в предѣлах Россіи, и к созданію единой руководящей организаціи для російских мусульман.

Наступившія революціонныя свободы и ослабленіе правительственнаго нажима благопріятствовали осуществленію давно желѣянной татарскими націоналистами мысли — созыву общемусульманской конференціи. В августѣ 1905 г.,

был созван первый мусульманскій конгресс. Не надѣясь получить на это разрѣшеніе, мусульманскіе дѣятели рѣшили использовать Нижегородскую ярмарку и с'ѣхаться в Нижн. Новгородѣ под видом посѣтителей ярмарки. Собравшіеся с разных концов Россіи представители мусульман сняли частный пароход и на этом волжском пароходѣ устроили свой конгресс, который потом получил названіе «мусульманскаго конгресса на водах».

Нѣсколько позже собирается третій всероссійскій с'ѣзд мусульман в Макарьевѣ близъ Нижняго Новгорода. На этом с'ѣздѣ принимаютъ участіе около 800 делегатов. Предсѣдателем избирается видный пантуранист Али Марданбек Топчибашев.

В официальной части программы конгресса стояли главным образом вопросы культурно-просвѣтительнаго характера, но с'ѣзд имѣлъ и свои частныя совѣщанія, гдѣ обсуждались уже національно-политическіе вопросы. Впрочем, и принятыя по первым вопросам рѣшенія проникнуты явно политическими и пантуранистскими тенденціями. В них красной нитью проходит основное требованіе пантуранизма — стремленіе к установленію тѣсной связи с Турціей. Так напримѣр, по вопросу об установленіи обще-литературнаго для всѣхъ россійскихъ тюрко-татаръ языка с'ѣзд вынес довольно оригинальное рѣшеніе. Он постановил, что такимъ языкомъ долженъ стать не употребляемое россійскими тюрко-татарами то или иное нарѣчіе, а языкъ константинопольскихъ турокъ. Равнымъ образом, объявляя отмѣненнымъ обязательное преподаваніе русскаго языка и школьную программу министерства народнаго просвѣщенія, с'ѣзд постановляет *вести во всѣ тюрко-татарскія школы Россіи школьную*

программу Турции и преподаваніе турецкаго языка сдѣлать обязательным во всѣхъ мусульманскихъ школахъ Россіи.*) —

В такомъ же духѣ прошло обсужденіе всѣхъ остальныхъ вопросовъ и были приняты по нимъ рѣшенія.

Постановленіе с'ѣзда о примѣненіи турецкаго языка стало послѣ этого примѣняться въ жизни. Въ рядѣ российскихъ городовъ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ, въ Тифлисѣ, въ Оренбургѣ, въ Томскѣ, въ Астрахани и въ городахъ Крыма начали издаваться газеты на турецкомъ языкѣ, развивавшія соотвѣтственно съ этимъ постановленіемъ такую явно туркофильскую агитацію, что она вызвала вмѣшательство со стороны правительства и закрытіе имъ нѣкоторыхъ изъ этихъ газетъ.

Вообще въ первый и послѣдующіе годы русской революціи національное движеніе татар пошло далеко впередъ по пути своего развитія, все больше и больше обнаруживая пантуранистскія тенденціи. Идея національнаго об'единенія российскихъ тюрко-татаръ, какъ предварительное условіе къ болѣе широкому об'единенію всѣхъ туранскихъ народовъ, стала достояніемъ не только интеллигентскихъ, но и широкихъ буржуазно-купеческихъ круговъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу Вамбери по возвращеніи изъ своего путешествія въ Центральную Азію.

«Въ политическихъ вопросахъ всѣ партіи были единодушны. Въ газетахъ непрерывно пропагандируется идея тѣснаго об'единенія и въ этой пропагандѣ принимаютъ участіе тѣ учителя, которые работаютъ въ качествѣ тайныхъ агентовъ въ самыхъ далекихъ уголкахъ мусульманскаго міра... «Единеніе» является на самомъ дѣлѣ лозунгомъ дня для мусульманскихъ

*) La Revue Politique Internationale. vol. 13, Jan.-Mars, 1920. стр. 65. Revue du Monde Musulman. vol. LVI. Dec. 1923. тр. 140.

подданных царя. О нем говорят вездѣ и при всяком случаѣ и воодушевленіем этой идеей надо объяснить начавшееся недавно національное пробужденіе татар.»*)

Этими чувствами національнаго единства всѣх тюрко-татарских народов был воодушевлен и член Думы Максудов, когда он с трибуны Государственной Думы заявлял от имени «двадцати милліонов» мусульман, что «у нас есть, господа, своя общая религія и особое національное лицо. Мы дорожим и тѣм, и другим и будем их оберегать и защищать всѣми средствами, предоставленными нам цивилизаціей». Далѣе, отрицая существованіе сепаратистских стремленій у различных народов Имперіи, Максудов прибавляет, что если когда-нибудь онѣ и возникнут, то вина за это будет лежать на правых членах Думы.

Всѣ эти выступленія татарских націоналистов свидѣтельствуют об усиленіи и укѣпленіи движенія, готоваго при первом удобном случаѣ перейти к дѣйствіям.

Однако, этот случай не только не пришел, но даже случилось совершенно обратное. — Потрясенная неудачной войной и революціонным движеніем 1905 года русская государственность очень быстро собрала вновь свои силы и возстановила свои старые методы управленія. Начались преслѣдованія всего того, что имѣло отношеніе к революціи и ликвидировались всѣ ея завоеванія. Эта реакціонная политика коснулась и, так называемых, національных меньшинств в том числѣ и тюрко-татар. Подвергнуто было преслѣдованію и пресѣченію в корнѣ всякое их стремленіе не только на от-

*) А. Vambery. XIX Century and After. London, 1906.

дѣленіе от Имперіи, но даже на культурно-національное самоопредѣленіе в предѣлах Россіи.

Такой нѣсколько неожиданный оборот дѣл заставил призадуматься и російских пантуранистов. Для них стало ясно, что даже об'единенныя силы всѣх російских тюрко-татар недостаточны для осуществленія своих національных цѣлей; что без внѣшней помощи невозможно ни их освобожденіе от русскаго ига, ни об'единеніе с соплеменными им народами.

И гдѣ же, если не в Турціи, искать этой помощи?

Надо поѣхать туда, надо убѣдить Турцію взять на себя руководство пантуранистским движеніем. Она одна, как сильная туранская держава, в состояніи выполнить высокую миссію освобожденія и об'единенія соплеменных тюрко-татарских народов.

И, придя к такому убѣжденію, переѣзжают в Турцію один за другим всѣ видные представители російских пантуранистов: Юсуф Акчура, Ахмед Агаев, Али Гусейнзаде, Исмаил Гаспринскій и др.

ПАНТУРАНИЗМ В ТУРЦИИ ДО МЛАДО- ТУРЕЦКАГО ПЕРЕВОРОТА.

В Турции, как мы указали, пантуранистское движение возникло послѣ того, как оно уже получило широкое распространѣніе среди російских татар. К моменту прїѣзда в Константинополь Акчуры и его друзей в большинство турецкаго общества господствовали совершенно инныя политическія настроенія. Правда пантуранистское давленіе оказывалось на руководителей политики Турціи еще и до пропаганды Акчуры и его друзей, но это давленіе оставалось без вниманія.

Так, напримѣр, еще в 1842 г. знаменитый Мольтке — тогда еще молодой полковник и инструктор оттоманской арміи—в разговорѣ с турецкими государственными дѣятелями указывал на тѣ преимущества, которыя представляет для Турціи пантуранистская политика. Мольтке совѣтовал туркам обратить свои взоры на Азію, на миллионы туранских народов и об'единить их в одно могущественное государство. Он даже убѣждал перевести столицу из Константинополя в Конію или куда-нибудь еще дальше к востоку, доказывая,

что лишь на этой родной почвѣ может возродиться оттоманская Имперія.*)

Но тогдашній султан — Абдул Мечид, сильно занятый урегулированиемъ внутреннихъ и вѣшнихъ осложненій в странѣ, не имѣл ни времени, ни возможности думать об коренномъ измѣненіи политики Имперіи и выборѣ какого-то новаго курса. Кромѣ того, турки еще недостаточно были биты на западѣ, чтобы отказаться от него и окончательно повернуться к востоку. Даже, наоборот, Константинополь тогда переживал періодъ очередного увлеченія западной цивилизаціей, и всѣ в одинъ голосъ кричали о необходимости «модернизаци» Оттоманской Имперіи. И, наконец, — что главное — турки тогда еще понятія не имѣли о томъ, что есть какая-то связь, что-то общее между ними и тюрко-татарскими народами Азіи. Знаменитый тюрколог Арменіусъ Вамбери рассказываетъ любопытный эпизодъ изъ своего путешествія на Востокъ. Когда онъ в 1856 г. передъ высшимъ обществомъ Константинополя развивалъ свою теорію объ единствѣ происхожденія всѣхъ туранскихъ народовъ, то съ удивленіемъ замѣтилъ большое недовольство на лицахъ своихъ собесѣдниковъ. «Цивилизованные» эфенди Константинополя были даже обижены, ибо для нихъ «тюрчюлюк» (тюркство) былъ синонимъ дикости и брутальности. «Но, надѣмся, вы насъ не ставите в одинъ рядъ съ киргизами и бездомными кочевниками Туркестана», — говорили Вамбери изгнѣженные бенъ Босфора**) —

В этотъ періодъ реформъ Танзимата турецкое общество

*) Roger Labonne. — La crise Orientale et la Nationalisme en Asie «Le Correspondant. 1922. стр. 385.

**) A. Vambéry. La Turquie d'Aujourd'hui et d'Avant Quarante Ans. стр. 11,12.

было увлечено не племенным (этническим), а территориальным патриотизмом. Хатты Умаюм 1839 г. положил начало оттоманской нации и пробудил идею реального отечества, в определенных территориальных границах. Этот новый оттоманский патриотизм нашел свое отражение даже в литературе. Так например, ученик заменитаго Шинаси — поэт Кемаль воспѣвает «оттоманское отечество» и «национальную гордость оттоманов». «Мы — тот народ, — пишет Кемаль, — который создал цѣлую имперію из одного лишь племени».

Чтобы понять значеніе совершившагося поворота в умах, надо помнить, что до того господствующая нація в Оттоманской Имперіи разсматривала себя *не как націю*, а как «гуммет и Мухамет», т.е. общину Магомета, противопоставляя себя, таким образом, христіанам, организованным также по религіозному признаку в свои самостоятельныя общины. Турки, не имѣя тогда ни національнаго самосознанія, ни национальной культуры, не пытались ассимилировать подвластные народы и довольствовались лишь тѣм, что господствовали над ними и их эксплуатировали.

Абдул - Гамидовская реакція, быстро смѣнившая безкровную и бесплодную революцію 1879 г., задушила оттоманское движеніе. Лишь в началѣ царствованія Абдул Гамида, когда реакція не была еще так сильна, нѣкоторые *академическіе круги*, под вліяніем изученія трудов европейских тюркологов, пробовали заниматься весьма робкой проповѣдью *тюркизма*. Так например, преподаватель ту-рецкаго университета Ахмед Вефик паша и инспектор военных училищ Константинополя Сулейман паша в своих лекціях и выступленіях, популяризируя выводы тюрколога Де Гинье, доказывали, что неправильно называть турок

оттоманами, что они по языку и по генеологии туранско-тюркского происхождения и что их родословная доходит до знаменитых в истории гуннов и до китайских хсиунг-ну.

Но эти выступления, заключавшія уже нѣкоторые элементы пантуранизма, никакого успѣха не имѣли и никакого пантуранистскаго движенія не создали.

Движеніе это возникло, как мы уже указали, лишь благодаря пропагандѣ перѣбравших в Константинополь русских пантуранистов и связано оно с именами Актуры, Гуссейзаде и др.

В 1889 г. из Баку пріѣзжает в Константинополь Гуссейзаде Али и берется за пропаганду идей пантуранизма. Он печатает в турецких газетах стихотвореніе, носившее заглавие «Туран», которое является первым криком, извѣщающим рожденіе новаго политическаго плода. Этот крикъ находит надлежащій отголосок в сердцах тогдашней турецкой молодежи и очень скоро вокруг колыбели новорожденнаго собирается солидная группа пантуранистов.

Восемь лѣтъ спустя, а именно в 1897 г., появляется другое стихотвореніе перваго «поэта-турка» Мемеда Эмина, носившее боевой заглавие: «Я турок» («Бен бир тюрк им»).

Эти два стихотворенія знаменуют весьма важный поворот в умонастроеніях турок. Намѣчается постепенный переход от *оттоманизма* к *тюркизму*, от государственнаго патриотизма к племенному націонализму. Уже в 90-х годах за господство над умами молодого поколѣнія борются в Турціи три теченія: оттоманизм, панисламизм и пантюркизм (пантуранизм). Соответственно с этим и возникают три политических организацій: «Оттоманское Единеніе»

(Османлы Иттихат»), «Панисламистское Единеніе» («Ислам Иттихат») и «Пантюркское Единеніе» («Тюрк Иттихат»).

Абдул Гамид был ярким противником всякаго націонализма, будь он оттоманскій или тюркскій. Он признавал только ислам (религію) и считал, что всякій націонализм неминуемо приведет к либерализму. Гамид был послѣдовательным и убѣжденным панисламистом. Он мечтал о созданіи великой теократической Имперіи от Алжира до Индіи, знаменем которой должно быть «санджаг и шериф» (знамя Пророка), столицей — Константинополь и Халифом — он сам.*) Его взоры были обращены не на Восток, а на Запад, гдѣ шла сложная дипломатическая игра, в которой он так любил принимать участіе. Для этой игры ему скорѣе нужна была связь с единовѣрными Алжиром, Тунисом, Египтом и Индіей, чѣм с единокровными Туркестаном, Татаріей, Узбекистаном, Башкиріей. и пр.

Турану Абдул Гамид противопоставлял Коран и не особенно баловал часто обращавшіяся к нему делегація русских татар. Пантуранизм при Абдул Гамидѣ занимал в Турціи жалкое положеніе. Два-три филолога, занимавшихся тюркологіей, нѣсколько молодых людей, тайно читавших нелегальную пантуранистскую литературу и сочиненія Вамбери, Де Гинье и Казона и, наконец, ряд выступавших под маской панисламизма татарских дѣятелей. И это было — все.

*) Le Pantouranisme turc en Afrique et en Arabie et la Presse Arabe. L'Asie Française. Paris. Fev. №71. 1907.

Борьба между пантуранизмом, панисламизмом и оттоманизмом шла и за рубежом Турціи. Там в защиту пантуранизма выступал Юсуф Акчурра, доказывая преимущества этой политической системы с точки зрѣнія возрожденія и процвѣтанія Турціи. В своей знаменитой статьѣ: «Три политическія системы», напечатанной в Каирской газетѣ «Тюрк», Акчурра впервые дает ясную и исчерпывающую формулировку пантуранизма.

Приведем основныя положенія этой статьи.*)

Акчурра говорит, что оттоманизм, являющійся главной цѣлью младотурецкой политики и стремящійся из разноплеменных народностей Турціи создать одну націю, как это было сдѣлано в Америкѣ, — неосуществимо.

И по слѣдующим соображеніям:

1) Оттоманизм идет в разрѣз с желаніями и устремленіями турок, ибо, провозглашая равенство всѣх народов в Турціи, он этим самым лишает турок положенія господствующей націи и равняет их с «райями» — христіанами.

2) Он идет в разрѣз с ученіем Магомета, ибо ставит на одну доску правовѣрных и невѣрных.

3) Он идет против желаній и самих подвластных народов, которые стремятся к независимости и не желают жить совместно с своими завоевателями.

4) Оттоманизм идет в разрѣз с панславянскими и завоевательными програмами Россіи, претендующей на Константинополь и на роль защитницы восточных христіан.

5) Наконец, он не согласуется с общественным мнѣніем

*) Panislamisme et Panturquisme. Revue du Monde Musulmane. vol. XXII. Mars. 1913.

Европы, требующей изгнания «варваров» — турок из Европы и освобождения христиан от их ига.

Что же касается панисламизма, продолжает Акчура, то он, с одной стороны, сталкивается с все болѣе и болѣе усиливающимся національным чувством во всѣх мусульманских странах, а с другой — с интересами больших и маленьких колониальных держав. Таким образом панисламизм не может считаться реальным фактором возрождения и усиления Оттоманской Имперіи.

Остается, таким образом, третья политическая система — *пантуранизм*. В оттоманской Имперіи, с точки зрѣнія интересов государства, единственным вѣрным элементом являются турки. Лишь на них базируясь, государство может идти по пути возрождения и усиления своей мощи. Будущее и, вмѣстѣ с тѣм, спасеніе Оттоманской Имперіи надо искать в тюркских народах, к національному и государственному объединенію которых, говорит Акчура, должны быть направлены всѣ наши усилія.

Путь пантуранизма свободен от всѣх тѣх препятствій, на которыя наталкиваются панисламизм и оттоманизм. *Пантуранизм* направлен преимущественно против Россіи, которая хотя и велика, но не непобѣдима. Акчура думает, что европейскія державы, в виду противоположности их интересов на Востокѣ, не только не окажут сопротивленія, но и будут всячески способствовать осуществленію Турціей пантуранистических планов.

Статья Акчуры вызвала возраженія со стороны сторонников оттоманизма. Первым против него выступает редактор газеты «Тюрк» Али Кемаль. Он защищает в своей

статьё идею оттоманизма, высмѣвая «мечты и иллюзіи турецких имперіалистов»...

Не лишен интереса и отвѣтъ Ахмеда Фериды, члена младотурецкой партіи «Единеніе и Прогресс». Он очень характерен для оппортунистической политики младотурок.

«Панисламизм, пишет Ферид бей, неосуществим и не имѣет будущности. Но в настоящее время он нам дает нѣкоторыя преимущества, и мы должны их использовать.

Пантуранизм имѣет блестящую будущность, но сейчас он реально ни существует, а вѣдь нельзя использовать то, чего нѣтъ.

Политика оттоманизма, если и не обѣщает хорошаго, но за то, является легчайшей, полезнѣйшей, необходимѣйшей политикой для наших дней. Кроме того, оттоманизм является тѣм единственным условіем, на котором возможно дальнѣйшее существованіе Турціи.

Таково было настроеніе руководящих кругов турецкаго общества наканунѣ младотурецкой революціи.

ПАНТУРАНИЗМ ПОСЛѢ МЛАДОТУРЕЦКАГО ПЕРЕВОРОТА.

Младотурецкій переворот и установившіеся вслѣд за ним конституціонные порядки оживили политическую жизнь Турціи. С объявленія гражданскихъ свобод начали возникать разные политическіе союзы и организации, получившіе возможность свободно пропагандировать свои идеи и программы.

Этой новой обстановкой широко воспользовались в первую очередь пантуранисты. Они со всѣхъ сторон съѣхались в «свободную» Турцію», превратив ея столицу Константинополь в центр пантуранистской пропаганды. Турецкіе панисламистскіе органы широко открыли перед ними свои страницы и такимъ образомъ, было положено начало открытой и организованной пропагандѣ в Турціи пантуранистскихъ идей.

Но модой дня все еще продолжалъ оставаться оттоманизм — официальная доктрина правящей партіи «Единеніе и Прогресс».

Слово «единеніе» у младотурокъ отнюдь не означало

единеніе тюрков всего міра; им провозглашалась только единеніе инородных и иновѣрных народностей Турціи. Младотурки пытались объединить всѣх их в одну «прогрессивную» *оттоманскую* націю, думая, что со временем создается и единый язык с единой культурой, как это имѣло мѣсто в Америкѣ.

Но историческія условія Турціи многим отличались от американских. В Оттоманской Имперіи между господствующей народностью и подвластными народами вѣками шла борьба, временами принимавшая форму жестоких погромов и кровавой рѣзни. И как теперь ни старались младотурки переложить вину этих «прискорбных недоразумѣній» на Абдул Гамида и на султанскій режим, все же представителей малых народностей они такими объясненіями не убѣждали: для них было ясно, что борьба носила расовый характер и измѣненіе режима сразу ес не прекратит. И потому они относились очень сдержанно и даже недоувѣрчиво как к перевороту младотурок, так и к провозглашенным ими лозунгам: *единеніе* и *прогресс* и, в особенности, к первому из них. Младотурки, в свою очередь, были недовольны такого рода отношеніем к произведенной ими революціи и к ним самим. Они ждали большаго патріотизма в отношеніи к «оттоманизму» со стороны инородных элементов Турціи и думали, что единеніе и сляніе произойдет очень быстро. И когда, послѣ годичнаго опыта, они не добились тѣх результатов, которых ждали, их охватило разочарованіе — как в принципах так и, в особенности, в политических методах...

Послѣдовавшую этому новому настроенію политику младотурок весьма правильно характеризует турецкій журналист Ахмед Эмин в одной своей книгѣ. «Слѣпой и

наступающий империализм, — говорит Ахмед Эмин, — вот движущая сила младотурецкой политики. Хотя еще повторялись такія слова, как «оттоманизм» и «единение всех народов Турціи без различія вѣроисповѣданія и этническаго происхожденія», но они уже больше не означали, что все эти народности должны объединиться с турками на общей и нейтральной почвѣ, в силу взаимных уступок и в качествѣ равноправных граждан Оттоманской Имперіи; они просто означали, что не-турецкіе элементы должны были быть поглащаемы и ассимилированы, и, если потребуется, даже насильственными мѣрами*).

Болѣе откровенно это новое настроеніе младотурок проявляется в словах виднѣйшаго лидера партіи «Единение и Прогресс» доктора Назыма, сказанных наканунѣ армянскаго погрома в Аданѣ. «Государство должно стать исключительно тюркским, говорит доктор Назым, ибо существованіе у нас других народностей дает повод к постоянному вмѣшательству Европы; надо насильно отуречить эти элементы**).

Но, несмотря на все это, правящая партія «Единение и Прогресс» в 1909 г. еще не рѣшалась *официально* провозгласить «тюркизм», как руководящій принцип своей политики. Этому, видимо, мѣшала боязнь потерять тѣх многочисленных арабов, албанцев, курдов, черкезов и других инородцев, которые входили в партію «Иттихат ве Терак» («Единение и Прогресс»), а может быть и то, что иттихатисты

*) Ahmed Emin. — The Development of Modern Turkey as Measured by its Progress. 1924. New York. Стр. 100.

***) См. M. Pinon, Revue des Deux Mondes, Sept. 1919.

еще не совсѣм потеряли надежду ассимилировать — буде американским, буде турецким методом — инородческіе элементы Имперіи. Вотъ почему, когда на салоникскомъ сѣздѣ партіи представитель константинопольской организаціи, — уже тогда подпавшей подъ вліяніе пантуранистов, — Кемаль бей пытался было заявить, что цѣлью партіи должно быть и наше *національное* развитіе, его прервали возгласами со всѣхъ мѣст, что «наша цѣль — конституція и другой цѣли у насъ нѣтъ».

Но эти возгласы не вполне были искренни, ибо, какъ мы указали выше, тогда уже у многихъ членовъ партіи существовали серьезныя сомнѣнія насчетъ правильности и осуществимости младотурецкой конституціи, основнымъ принципомъ которой, какъ мы сказали, было единеніе всѣхъ народовъ Имперіи в одну оттоманскую націю. Оттоманизм, правда, терялъ почву подъ собою, но официально все еще продолжалъ господствовать, какъ руководящая политическая доктрина. Онъ окончательно уступилъ свое мѣсто пантуранизму (пантюркизму) лишь тогда, когда в итогѣ систематической и длительной пропаганды идеи этого послѣдняго стали достояніемъ широкихъ круговъ турецкой интеллигенціи. Мы выше уже указали, какую важную роль сыграли в этой пропагандѣ русскіе тюрко-татары. Но успѣшность ихъ пропаганды объясняется не одной энергіей Акчуры, Гусейнзаде, Агаева и др. В самой Турціи была почва для нея, потому и движеніе, получивъ первые толчки извнѣ, очень быстро пошло впередъ.

Какъ в Россіи, такъ и в Турціи пантуранизмъ возникъ в результатъ пробужденія національнаго самосознанія турокъ и сталъ высшей и крайней формой ихъ національнаго движенія.

И опять таки, как в Россіи, он и в Турціи ставил себѣ вначалѣ очень скромныя задачи, вродѣ того, как реформа турецкаго языка, развитіе національной культуры и пр. Но потом, конечно, он очень быстро превратился в движеніе чисто политическое.

Послѣ младотурецкаго переворота, но еще до начала Балканской войны, в Салониках возникает литературный орган, под названіем «Генч Галемляр» («Молодые перья»). Собравшіеся вокруг него молодые литераторы и журналисты ставят себѣ цѣлью очистить турецкій язык и вообще турецкую культуру от инородных вліяній. В результатѣ их пропаганды вскорѣ в тѣх же Салониках основывается общество «Ени Лиса» («Новая Рѣчь»), которое выступает со слѣдующей программой:

1. Очистить турецкую жизнь от чуждых и тлѣтворных вліяній. Эмансипировать и націонализировать турецкій язык, литературу и религію. Возродить старотюркскую культуру до оттоманскаго періода. И таким образом возбудить в народѣ чувство національнаго самосознанія и національной гордости.

2. Научно обосновывать и доказывать этническую и культурную общность всѣх туранских народов, укрѣпить в них чувство единенія и солидарности и выростить в них общій и единый дух.

«Ени Лиса» нашла много сторонников среди молодых писателей. Но к ней примкнули и нѣкоторые извѣстные литераторы старшаго поколѣнія, как напримѣр, Ага Гюндуз, Абдуллах Джевет, редактор «Танина» Гусеин Джахид и

Халиде Эдлб Ханум. Роман этой послѣдней «Ени Турая», по отзыву министра народнаго просвѣщенія Ангоры, является «евангеліем» пантуранизма.

Но «Ени Лиса» возстанавливает против себя и цѣлый ряд не менѣ видных представителей стараго поколѣнія, которые находят, что предлагаемая реформа языка лишат его гибкости, богатства и благозвучія, т. е. тѣх свойств, которыми была одарена «оттоманская рѣчь». Один из видных сторонников «оттоманизма» философ Риза Тефик утверждал, что во всей Турціи нѣтъ ни одного *чистокровнаго турка*, за исключеніем членов Императорской фамиліи. Он называл пантуркизм «искусственным имперіализмом» и всячески осуждал его. На сторонѣ противников «Ени Лиса» были и представители партіи «Ахрар»: Али Кемаль, Джелал Нури, Луфти Фикрет и др.

Но самую сильную и серіозную оппозицію этому молодому движенію составило духовенство, орган котораго «Сират е Мюстаким», имѣвшій громадное распространеніе и пользовавшійся большим влияніем, вел яростную борьбу против новаторов. Это заставляло «енилисаистов» быть очень осторожным в вопросах религіи, не вступать с духовными лицами в открытый конфликт и пр. Одновременно они дѣлали всевозможныя попытки притянуть на свою сторону симпатіи софт (молодое духовенство).

Движеніе «енилисаистов», как мы указали, преслѣдовало вначалѣ литературно-культурныя цѣли. Однако, в дальнѣйшем своем развитіи, оно превратилось в чисто политическое движеніе, усваивая принципы пантуранизма. В этом дѣлѣ громадная роль принадлежит одному из редакторов «Генч

Галемляр» — Зія Гек Альп.*) Основоположник и главный идеолог турецкаго пантуранизма («пантюркизма»), Зія Гек Альп с перваго же дня вступленія в состав редакціи «Генч Галемляр», берется за откровенную и открытую пропаганду пантуранистских идей. Он, пользуясь своими связями в литературном мірѣ, собирает вокруг своего журнала всѣх національно настроенных литераторов, главным образом из числа молодежи, и создает таким образом литературную группу, которая по праву считается первой пантуранистской группой в Турціи. Многие члены этой группы позже сыграли большую роль в кемалистском движеніи и в настоящее время занимают весьма видное положеніе в политической жизни Турецкой Республики.

Чтобы дать представленіе о том, какого рода пропагандой занимались «Генч Галемляр», мы приводим перевод напечатаннаго в этом журналѣ одного из стихотвореній Гек Альпа, носившаго неизбѣжное названіе «Туран».

«В біеніи моего пульса я слышу отголоски звуков,

*) Зія Гек Альп (настоящее имя Мехмед Зія) родился в Діарбекирѣ, в 1876 г. Происходит из курдскаго племени заза, но был отуречен. Элементарное и среднее образованіе получил в Діарбекирѣ, а высшее — в Ветеринарном Институтѣ Константинополя. Еще 17-лѣтним мальчиком он во время какого-то торжества отказался кричать: «падишахм чок якши» (да здравствует падишах), за что был так сильно избит, что пытался покончить жизнь самоубійством. Пріѣхав в Константинополь, он прежде всего приобрѣл книгу Леона Каэона, а потом пошел знакомиться с Гусеин Заде, большим почитателем котораго был еще в Діарбекирѣ. С ученической еще скамьи вступает в младотурецкую партію, дѣятельным членом которой продолжает быть и послѣ сверженія Абдул Гамида. В 1909 г. выбирается в ЦК этой партіи и становится во главѣ пантуранистскаго теченія в ней.

идуших из глубин древѣйшихъ вѣковъ. Не на страницахъ книгъ, а в самой моей крови, в бѣненіи моего бурнаго сердца читаю я о былыхъ побѣдахъ, одержанныхъ моимъ честнымъ и избраннымъ народомъ.

Нѣтъ, не на страницахъ книгъ, гдѣ образы Аттилы и Чингиза, — покрывшихъ мой народъ славой побѣдъ, — вставлены в терновую рамку клеветы и злословія, хотя ихъ слава равна славѣ Цезаря и Александра Македонскаго; нѣтъ, не тамъ, а в бѣненіи моей крови, пбо сердце мое познало Огуз хана, остающагося малоизвѣстнымъ в наукѣ. Но онъ живетъ в моей крови, великій и почитаемый.

Огуз хан!.. Онъ говоритъ моему сердцу: не Турція родила турокъ и даже не Туркестан... а далекая, извѣчная и великая страна — Туран!..»*)).

Туран — вотъ родина турокъ. Это хотя и сказано в поэтической формѣ, включаетъ в себѣ подлинную политическую программу. Программа эта уже высказана и выставлена, но она еще не принята руководящимъ органомъ турецкаго государства — Центральнымъ Комитетомъ партіи «Единеніе и Прогрессъ». Многое было сдѣлано пантуранистами в этомъ направленіи, но полнаго торжества своихъ идей они добились лишь послѣ Балканской войны.

*) См. Tekin Alp. Turkismus und Panturkismus. стр. 15-16.

ПАНТУРАНИЗМ ПОСЛѢ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Незадолго до Балканской войны в Македоніи произошли событія, которыя нанесли первый и довольно чувствительный удар идеѣ оттоманизма. Балканскіе революціонеры, боровшіеся до того против Абдул Гамида за свои національныя права, не пожелали сложить оружія и при младотурках. Выставленный новыми хозяевами Турціи лозунг объединенія всѣх оттоманов не внушал им никакого довѣрія, и они на него смотрѣли, как на искусно придуманный младотурками маневр для ассимиляціи инородческих элементов Турціи. Младотурецкій центр, имѣвшій тогда еще свое пребываніе в Салониках, слѣдил близко за этими событіями и будучи в курсѣ македонских настроеній, дѣлал из них необходимые выводы...

Не лучше было положеніе и в других населенных не-турецкими элементами областях. За македонцами, греками, сербами, болгарамн Балканскаго полуострова и армяне восточных вилайѣтов ни за что не хотѣли отказаться от своих религіозно-національных установленій и слиться в единой оттоманской семьѣ. Наконец, возстанія в Іеменѣ,

Аврамъ и Албайи говорили о том, что и нѣкоторыя магометанскія народности не особенно благонадежны с точки зрѣнія вѣрности принципамъ оттоманизма. Потерявшіе головы младотурки, передъ лицомъ такихъ грозныхъ симптомовъ, не находили ничего лучшаго, кромѣ усиленія репрессій по отношенію къ не-турецкому населенію. И въ этомъ направленіи они, въ концѣ концовъ, пошли такъ далеко, что возбудили недовольство даже со стороны нѣкоторыхъ турецкихъ круговъ. Вотъ какъ оцѣниваетъ результаты этой политики выше цитированный журналистъ Ахмедъ Эминъ. «Такая политика, говоритъ редакторъ «Ватана», не могла имѣть успѣха; она лишь углубила пропасть между турками и не-турками... значительное большинство не-турецкихъ элементовъ стало еще болѣе агрессивнымъ и враждебнымъ даже къ существованію самой Имперіи»^{*)}).

Всѣ эти межнаціональныя тренія и внутреннія затрудненія доказывали явную несостоятельность младотурецкой доктрины, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ подтвержденіемъ того, что писалъ Акчура еще въ своей знаменитой статьѣ: «Гри политическихъ системы». Оттоманизмъ, какъ государственная система, трещалъ по всѣмъ швамъ и этимъ не пріиминули воспользоваться пантуранисты. Они не хотѣли устроить никакого переворота; ихъ цѣлью было лишь склонить въ свою сторону всесильный ЦКъ младотурецкой партіи. Мы уже указали, что ярый пантюркистъ Зія Гекъ Альпъ былъ уже членомъ ЦКъ «Единенія и Прогрессъ». И онъ, и другіе его единомышленники ведутъ систематическую атаку противъ остальныхъ членовъ партіи, и имъ удастся на пленумѣ ЦКъ 1911 г. провести ре-

^{*)} Ibid.

золюцію, согласно которой партія отказывается от доктрины оттоманизма и становится на точку зрѣнія, если и не чистаго пантуранизма, то во всяком случаѣ тюркизма с примѣсью исламизма.

«Имперія, говорится в этой резолюціи, должна стать мусульманской, должны быть обезпечены почет и уваженіе к мусульманским учреждениям и традиціям. Надо отказать инородческим элементам в правѣ имѣть особыя національныя организациі. Они являются *quantite negligeable*. Распространеніе турецкаго языка есть превосходное средство для установленія господства мусульман и для ассимиляціи инородческих элементов»^{*)}).

В этой резолюціи нарочно спутаны понятія и введены противорѣчія в родѣ того, что *турецкій язык* является средством для установленія господства *мусульман* (?). Объясняется это тѣм, что младотурки пока еще считались с не-турецкой частью мусульманскаго населенія и склоненіем слова «мусульмане», «мусульманскій» и пр., хотѣли внушить арабам, албанцам и др., что они в их глазах являются равноправными гражданами Имперіи. Но что истинный смысл резолюціи заключался именно в подчеркиваніи необходимости *отуреченія* Имперіи и всего инородческаго населенія, явствует хотя бы и из того, что резолюцію эту сами младотурки долгое время держали в секретѣ от членов партіи не-турок. И когда она все же стала им извѣстной, то получила от них должную квалификацію. Так, наприимѣр, арабы называли младотурецкую политику.

^{*)} L'Asie Française. Oct.-Dec. 1917. № 171, стр. 171.

проведенную согласно этой резолюции, «панисламом без ислама».

Но важнее этой резолюции, может быть, было то, что послѣ конгресса в Центральный Комитет партіи были избраны всѣ три лидера російскаго пантуранизма: Исмаил Гаспринскій, Али Гусенизаде и Юсуф Акчура.

К этому времени относится и переход ЦК партіи из Салоник в Константинополь, который, как мы указали, был центром кипучей дѣятельности пантуранистов. Там еще с 1910 г. группа Акчура-Агаев развивала довольно значительную дѣятельность, направленную к организациі пантуранистских элементов и к объединенію двух групп тюрко-татарских народов. С этой цѣлью был основан ряд обществ и союзов, как, напримѣр, общество татарских эмигрантов в Константинополь, общество російских студентов, союз крымских студентов, Бухарское благотворительное общество и т. д.*).

Цѣлью всѣх этих обществ, носящих различныя наименованія, была пропаганда пантуранистских идей в Азербайджанѣ, Туркестанѣ, Центральной Азій, в Крыму и других населенных тюрко-татарами частях Россіи. Издавался и печатный орган «Теарюф и Мюслими», который поставил себѣ цѣлью — способствовать «взаимному ознакомленію мусульман Турціи и Россіи».

Среди пантуранистских дѣятелей больше всѣх отличался своей энергіей Ахмед Агаев, который постоянно разъѣзжал из Константинополя в Россію и обратно, руководил работой и там и тут. Так, напримѣр, в том же 1910 г. вслѣд

*) Revue du Monde Musulmane, tome X, 1910, стр. 106.

за Константинополем он создал в Астрахани «Общество вспомоществованія культурному развитію мусульман», под названіем «Иттифак юль Мюслимин («Федерация Магометан»), которое, как видно и из названія, стремилось к культурному и политическому объединенію мусульман. Во главѣ этой Федерация кромѣ Агаева стоял и бакинскій дѣятель Али Мардан Топчибашев. В том же 1910 г. Агаев назначается генеральным инспектором всѣх учебных заведеній Константинополя, что открывает перед ним широкую возможность вести пропаганду среди учащихся и в особенности учащихся Константинополя.

От Агаева не отставал и другой столп пантуранизма — Юсуф Актура. Он в 1911 г. основал клуб и двухнедѣльник под названіем «Тюрк Юрду» («Тюркскій Дом»). В этом органѣ сотрудничали всѣ видные пантуранисты, как русскіе, так и турецкіе. Из русскіх татар в «Тюрк Юрду» участвовали: Ахмед Агаев, Исмаиль Гаспринскій, Али Гусейнзаде и редактор тегеранской газеты «Иран Азат» Расул Заде,*) а из турок: Ахмед Хикмед, Амдуллах Супхи, Халидэ Эдиб Ханум, Мехмед Эмин, Джелал Нури, Риза Тефик, Иззет

*) Мамед Эмин Расул Заде — русскій татаринъ, получившій образованіе в Константинополѣ. В качествѣ всемусульманскаго дѣятеля он работал в Персіи, Турціи и Россіи. В началѣ 1917 г. ос. овал азербайджанскую національную партію «Мусават», которой он руководит и до сих пор, оставаясь ея призванным лидером. В період независимости Азербайджана он был предсѣдателем парламента и фактическим руководителем политики этой «тюркской» республики. Послѣ прихода в Баку большевиков он спас свою голову, благодаря личному вмѣшательству Сталина, назначившаго его инспектором мусульманскихъ школ. Через нѣкоторое время он, однако, эмигрирует в Константинополь, гдѣ издает журнал «Азери Тюрк»

Алеви и спустя нѣкоторое время — и основоположник турецкаго пантуранизма Зія Гек Альп.

Вот в такую среду попал младотурецкій Ц. К., уже достаточно разочаровавшійся в своих прежних вѣрова іях и сильно склонявшійся в сторону пантуранизма. Для окончательнаго перехода его на позиціи пантуранизма нужен был послѣдній толчек, чѣм и явилась Балканская война. Ея вліяніе на младотурок и на измѣненіе всей турецкой политики было рѣшающим. Если урок македонскихъ событій был понят только руководящей турецкой интеллигенціей, то Балканская война открыла глаза и широкой массѣ. Отложеніе почти всей Европейской Турціи от Имперіи ясно показывало, что ни революція, ни конституція — с которыми было связано столько надежд — не в силахъ остановить процессъ распада оттоманской Имперіи. Удар Балканской войны былъ особенно чувствителенъ для турокъ потому, что он шел на этот раз не от великихъ европейскихъ державъ, а от вчерашняго «раяя», которымъ младотурецкая революція дала «равноправіе» и в объединеніи с которыми иттихатисты надѣялись возродить общую родину — Оттоманскую Имперію. И когда эти надежды рухнули, наступила реакція, принявшая, какъ обычно бываетъ в такихъ случаяхъ, самую крайнюю выраженія. Турки начали смотрѣть на инородцевъ уже не с недоувѣріемъ только, а с ненавистью, обвиняя их в вѣроломствѣ, в измѣнѣ и прочихъ грѣхахъ. Дѣло дошло до

(одно время назывался «Ени Кавказія»). Расул Заде стоитъ на точкѣ зрѣнія федеративнаго союза Турціи и Азербайджана, входитъ в составъ учрежденнаго в Константинополѣ «Кавказскаго Комитета», органомъ котораго является издающійся в Парижѣ журналъ «Прометей».

того, что в турецком обществѣ стали громко раздаваться голоса сожалѣнія о том, почему султан Фатих узаконил существованіе в имперіи малых народностей, почему он выказывая по отношенію к ним «преступное великодушіе», а его преемники упустили благопріятный момент и не вырѣзали их всѣх, как требовал того дух времени. Многие из новонспеченных «революціонеров» даже не стѣснялись вполне выказывать одобреніе и оправданіе Абдул Гамиду за его «твердую» по отношенію к инородцам политику и даже за его армянскіе погромы. Не мало доставалось и партіи «Единеніе и Прогресс» за то, что она так долго и наивно вѣрила, что из этих «чуждых и враждебных элементов» можно образовать единую націю и воспитать в ней единый патріотизм.

Эти настроенія создавали весьма благопріятную психологическую атмосферу для пропаганды пантуранистов. Вѣдь всѣ их предсказанія сбылись, и совершилось как раз то, что они давно предвидѣли: оттоманизм обанкротился, имперія шла к полному разложению, а не-турецкіе элементы искали спасенія в отдѣленіи от государства. В самыя трудныя минуты жизни Имперіи турки остались одни, покинутые всѣми своими согражданами. И единственная помощь, которая шла им, это была помощь братьев извнѣ Турціи, которых до того времени турки не хотѣли признавать. И пантуранисты были правы, в особенности, в этой послѣдней части своего утвержденія. В тяжелые дни Балканской войны — и послѣ нея, — от далеких тюрко-татарскихъ группъ Крыма, Кавказа, Казани, Хивы и Туркестана шли в Константинополь слова ободренія, сочувствія и утѣшенія. И за словами послѣдовали дѣла: вереницей шли съ тѣх же мѣст всевозмож-

ныя депутаціи, везя с собою крупныя суммы для Краснаго Полумѣсяца, для военныхъ госпиталей и другихъ нужд. Наконецъ, не мало было и предлагавшихъ свои личныя услуги, в качествѣ добровольцевъ, медицинскаго персонала и даже сестеръ милосердія.

Совершилось, такимъ образомъ, чудо, которому рѣдко кто вѣрилъ до того: духовное объединеніе турокъ запада и востока стало фактомъ. Но Балканская война принесла не только это. Она перевернула весь укладъ мысли турокъ, всѣ ихъ понятія о государствѣ и націи. Турки поняли, наконецъ, что они не Оттоманы, а турки и что страна, гдѣ они живутъ, — не Оттоманская Имперія, а Турція. И руководящей политикой внутри этой Турціи должно быть созданіе однороднаго государства, базировавшагося на одномъ лишь турецкомъ элементѣ. Лишь очистившись внутренне и освободившись отъ чужеродныхъ наростовъ, Турція можетъ стать на ноги, можетъ вернуть себѣ былую мощь и потерянную славу. И ухватившись за эту новую идею, турки стали по иному расцѣнивать и значеніе постигшей ихъ балканской катастрофы, которая, какъ имъ казалось теперь, не была лишена и нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ.

Вотъ что мы читаемъ по этому поводу у того же Ахмеда Эмина.

«Эти области (отошедшія отъ Турціи), населенныя преимущественно неспокойнымъ инопородческимъ элементомъ, находились со всѣхъ сторонъ подъ угрозой вѣшней опасности, требуя для своей защиты большихъ матеріальныхъ затратъ и многихъ хлопотъ. Онѣ поглощали наибольшую часть турецкой энергіи, препятствуя народу направлять ее в иную, кромѣ борьбы за собственное существованіе, сторону.

При таком положеніи вещей развитіе и обновленіе Турціи становилось возможным лишь при условіи освобожденія Имперіи от этой обузы. Фактически так и вышло. И Турція, о которой думали, что погибнет еще в концѣ 18-го вѣка, вышла из всѣх территоріальных потерь еще больше усилившейся».

Таким образом расчлененіе Турціи, считавшееся до сих пор несчастьем для націи, рассматривалось теперь как полезная для большого организма операція, способствующая его выздоровленію и укрѣпленію.

На самом же дѣлѣ турки радовались тому, что умерла «старая больная» — Оттоманская Имперія и на ея мѣстѣ возродилась новая Турція. Правда, они потеряли вслѣдствіе этого нѣсколько «европейских вилаѣтов», но за то приобрѣли свое настоящее отечество, свою «родную землю» в Азіи.

Потребовалось таким образом полстолѣтія, чтобы турки, наконец, постигли подсказанную Мольтке мысль о том, что Турція является не европейским, а азіатским государством и что турецкій народ должен черпать из Азіи живительные соки для своего дальнѣйшаго развитія. И, поняв это, руководители турецкаго народа сознательно повернули его «взоры и шаги» на тот путь, который он прошел, идя в Европу. И Турція уходила из Европы уже не с болью в сердцѣ и не пятившись назад, как дѣлала со времен пораженія под Вѣной. Нѣтъ, она повернулась рѣшительно спиной к ней и шла на Восток, гдѣ ее ждали и откуда шли ей навстрѣчу «милліоны туранских народов». Знаменитыя слова Гладстона: «вой из Европы с bag and baggage!» стал лозунгом паломничества для изгоняемых. Вѣчному отступленію

послѣдовало психологическое наступленіе на Азію, которое через нѣкоторое время должно было стать наступленіем реальным, наступленіемъ церемоніальным маршем. И несмотря на фактъ постыднаго и тяжелаго пораженія в сердцах турок раздавался гром побѣды. «Балканская война, писал редактор «Танина» Гусени Джахид, с точки зрѣнія дальнѣйшаго бытія турецкаго народа, былъ физическимъ пораженіем, но моральной побѣдой».

Эта моральная побѣда заключалась в зарожденіи в сердцах турок того новаго чувства, которое заставило извѣстную турецкую писательницу Халиде Эдиб Ханум воскликнуть: «Я хочу, чтобы всѣ тюркскіе народы были политически и культурно велики и независимы».

Эти новыя настроенія выразились во внѣ в рядѣ шумныхъ митинговъ и демонстрацій. Характерно, что в них довольно активное участіе принимали турецкія женщины, которыя как во имя лежащихъ на нихъ «обязанностейъ передъ находящейся в опасности родиной», так и во имя «туранскихъ національныхъ традицій», требовали себѣ права участія в политической жизни.

По инициативѣ турчанокъ былъ организованъ грандіозный митингъ в Константинопольскомъ университетѣ. На немъ присутствовали представители высшаго общества столицы, в том числѣ и нѣкоторые члены султанской фамиліи. В пространной рѣчи, посвященной пантуранизму, Халиде Эдибъ ханумъ обяснила сущность этой политической доктрины и намѣтила путь ея дальнѣйшаго развитія. От имени русскихъ татарокъ выступила Гюльсимъ ханумъ, развивая тѣ же мысли о необходимости об'единенія тюрковъ востока и запада. Были произнесены рѣчи и другими ораторами. Послѣ рѣчей

состоялось угощение, причем на первом мѣстѣ фигурировал «національно-турецкій нашток» — кумыс.

Для воспитанія масс в духѣ турецкаго націонализма были основаны так называемые «турецкіе очаги». Централь- ный «очаг» был учрежден в Константинополѣ еще в 1912 г. По случаю основанія перваго «очага» был организован спек- такль, в котором приняли участіе и женщины. В члены «турецкаго очага» в первый же день записалось много офи- церов, учителей, литераторов, адвокатов и пр. Одних док- торов записалось 700 чел. Число членов этих очагов вскорѣ дошло до 3.000 чел., а число отдѣленій — до 25.

«Очаги» ставили своей цѣлью: «просвѣщеніе турецкаго народа, усовершенствованіе его языка и содѣйствіе его ум- ственному, соціальному и экономическому развитію». Двери «турецких очагов» были с самаго начала закрыты перед не- турецкими элементами, в том числѣ и мусульманскими. В собственных залах Константинопольскаго очага читали лекціи и доклады профессора высших учебных заведеній столицы, рассказывал о «славных періодах» турецкой истор- ріи, о ея «героях и геніальных вождях». Говорили и о дале- ких тюркских народах, их бытѣ и обычаях.

«Очаги» развили усиленную работу среди студентов богословскаго института («софты»). Благодаря этой пропа- гандѣ софты, бывшіе во время Абдул Гамида ярыми защит- никами панисламизма, перешли в большинствѣ на сторону пантуранистов, которые через этих софтов пріобрѣли вліяніе на духовенство, а через это послѣднее на простой народ.

Волна націонализма докатилась и до заграничнаго студенчества. Существовавшіе в университетских городах

Европы оттоманские студенческие клубы закрывались и на их мѣсто возникали «Тюрк юрду» («Дом турок»), членами которых могли быть только студенты турецкаго происхождения.

Та же работа совершалась и в прессѣ. Многие журналисты и литераторы, боровшиеся до того против тюркизма, публично отказывались от своих оттоманских взглядов и примыкали к пантуранизму. Так, например, газета «Икдам», до сих пор яростно боровшаяся с «евлипанством», перешла к тюркизму и даже свою редакцію стала называть «Икдам Юрду». Переимѣнила свое названіе и другая — не менѣе энергично боровшаяся против тюркизма — газета «Сирите Мюстаким», которая теперь стала называться «Сениль юль Решад». В ней теперь начали сотрудничать видные представители пантуранизма: Акчура, Агаев и Расул Заде.

Начался настоящій туранистскій психозъ, принимавшій иногда даже смѣшныя формы. Так, за наименование одной газетой Чингиз-хана «кровожадным», толпа устроила демонстрацію и заставила закрыть газету. Та же толпа, «оскорбленная в своих національных чувствах», напала на выступившаго в пьесѣ «Тамерлан» артиста Миакіана и избила его за то, что в этой пьесѣ «монгольскому герою приписана была (?) жестокость».*) Вообще под новым углом зрѣнія стали разсматриваться историческіе факты и историческія лица. Трагически погибшій султан Балзед больше не вызывал къ себѣ сочувствія, и его даже стали осуждать за

*) Revue du Monde Musulmane. 1913. vol. XX. II
Panislamisme et Panturquisme par «X».

то, что он выступил против главы туранских племен «великаго» Тамерлана.*)

Эти новые настроенія находят свое выраженіе и в той агрессивной политикѣ, которую турки начинают проводить по отношенію к остальным національностям Имперіи. Христіанскія меньшинства, бывшія и всегда безправными, не особенно чувствуютъ эту происшедшую в турках перемену. За то другія мусульманскія народности (арабы, черкесы и пр.) ни за что не хотѣли примириться с нею. Характерный в этом отношеніи эпизод, происшедшій наканунѣ войны между преподавателем военной школы турком и офицером-арабом, рассказан в журналѣ L'Asie Française.**)

Профессор обратился к офицерам запаса с такой рѣчью: «Друзья мои, вскорѣ предстоит вам вступить в дѣйствующую армію и командовать нашими героями-солдатами. Научите их, что они турки и что если будут бороться за Турцію и под ея знаменами, ношда будет обезпечена за ними. Турецкій народ выше магометанской религіи и величайшая из добродѣтелей — это національная гордость».

Здѣсь офицер-араб прерывает профессора:

— Не всё оттоманы, говорит он, являются турками. Если имперія будет считаться исключительно тюркской, то всё остальные не-турецкія народности окажутся не равно-

*) Елдырым Байзед был оттоманским султаном, воевал с Тамерланом и попал к нему в плѣн. Монгольскій завосватель заключил султана Байзед в клетку и держал его там восемь мѣсяцев; не перенесъ униженій и моральной пытки, Байзед умер в клеткѣ. До пантуранистскаго психоза турки считали Байзед мучеником, а Тамерлана варваром.

***) L'Asie Française, Avril-Juin, стр. 72.

правными членами государственного организма, а чуждыми и чужими элементами».

На этот протест араба поступает резкий отвѣтъ профессора турка.

— *Вы и ваш народ, говорит профессор, являетесь подданными Турціи.* Не надо забывать, что турки мечом завоевали вашу страну... Оттоманизм, о котором вы говорите — просто политическій обман, которым вы прикрываетесь для достиженія своих цѣлей. Что-же касается религіи, она не имѣет никакого отношенія к политикѣ. Мы скоро вступим в бой *во имя Турціи и под ея знаменем.* оставляя в сторонѣ религію, являющуюся индивидуальным и второстепенным дѣлом. Вы и ваш народ должны понять, что вы — турки, и что нѣтъ вообще арабскаго народа и арабской родины».

И этот профессор выразил общее настроеніе...

ПРОГРАММА И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПАНТУРАНИЗМА.

Прежде чѣм перейти к дальнѣйшим этапам развитія пантуранизма, постараемся резюмировать в этой главѣ его главные програмные пункты и основные принципы.

Что проповѣдывали, в сущности, всѣ эти «Генч Галемляры», «Тюрк Юрду» и пр. и чего добивались пантуранистскіе дѣятели, начиная с Казани и Баку и кончая Константинополем и Салониками?

Они, основываясь на доводах этнологіи, социологіи, исторіи и политики, требовали *освобожденія туранских народов от иностраннаго ига, требовали культурнаго и политическаго объединенія в одномъ государствѣ.*

Всѣ эти доводы, как бывает в таких случаях, были взяты из научных трудов западных ученых — тюркологов Макса Мюллера, Вэмбарн, Радлова, Де Гинье и др. Именно от них узнали пионеры пантуранизма, что всѣ тюрко-татарскіе народы, как по языку так и по происхожденію, являются отдѣльными вѣтвями одной и той-же націи, итѣннѣй

когда-то свою «славную историю» и свою национальную культуру.

В настоящее время часть этих народностей находится под чужой (русской) властью, которая всячески старается их ассимилировать. Но рост просвещения, с одной стороны, и политическія преслѣдованія — с другой, пробудили татарскій міръ, который, сознавая свое единство, стремится къ свободѣ и объединенію.

Татары одни не в силах осуществить эти свои цѣли; им нужна помощь их туранскаго собрата, анатолійскаго турка, сохранившаго свое независимое существованіе. Проникнутые ненавистью къ поработителю, любовью къ свободѣ и къ будущей славѣ, вооруженные научными и историческими данными, выступили на арену пантуранистскіе дѣятели и стали проповѣдывать братство и единство туранскихъ народов, воспѣвать ихъ общую, абстрактную родину — Туран, восхвалять великихъ героев прошлаго Турана: Аттилу, Алып Аслана, Тугрила, Тамерлана и Чингиз-хана. Они открыли передъ молодымъ поколѣніемъ заманчивыя перспективы сильнаго и возрожденнаго Турана.

Этой перспективой увлеклось и новое поколѣніе Турціи, гдѣ Коран уступалъ свое мѣсто Турану, ставшему источникомъ новыхъ чаяній и надежд.

Теперь обратимся къ «научнымъ даннымъ» пантуранистовъ.

1. Этнологическія данныя: Турки, татары, туркмены, узбеки, монголы и пр., являются родственными по крови и по происхожденію народами и, слѣдовательно, они — братья.

II. Соціологіческія: Большинству этих народностей свойственны однѣ и тѣ же черты характера, одни и тѣ же нравы и обычаи, почти всѣ они исповѣдуют магометанство и говорят на нарѣчіях единого тюркского языка. Имѣя общій язык, общую религію и культуру, они, как это утверждают Дюркгейм, Лебон и др., не только этнически но и соціологически, составляют одну и ту же націю.

III. Историческія: Исторически установлено, что всѣ туранскіе народы являются различными группами одного и того же племени. В прошлом они были об'единены, составляя «Золотую Орду» Имперіи Хсіунгнунов и Чингиз-ханов. То, что было в историческом прошлом, может повториться и в наши дни.

IV. Психологическія: Всѣ эти народы уже сознают, что они турки и являются членами одной націи. С этим самым важным фактором нельзя не считаться.

V. Политическія: На Турціи, как на единственно независимом из всѣх туранских стран государствѣ, лежит обязанность содѣйствовать укрѣпленію національнаго самосознанія и упроченію солидарности между туранскими народами. Турція должна поддерживать стремленіе братских народов к независимости и об'единенію. Она должна говорить, Зія Гек Алып, сыграть по отношенію к тюркским народам ту же роль, что сыграла Пруссія по отношенію к германским народам, создав из них одну сильную и федеративную имперію.

Турція должна это сдѣлать не только из чувства долга,

но и в собственных своих интересах, для укрѣпленія своего дальнѣйшаго существованія; ея спасеніе — в пантуранизмъ. Оттоманская Имперія, говорили пантуранисты, находится на краю гибели; ее не спасут ни устарѣвшія религиозныя концепціи, ни противоестественныя идеи солидарности турок с иноплеменными народами. Спасеніе анатолійскаго турка — в тюркизмъ.

Турція должна обратиться вновь к своему племенному источнику, к той 50-и миллионной тюрко-татарской массѣ (эта «научная» цифра мѣнялась сообразно степени воображенія того или иного пантуранистскаго дѣятеля), которая живет в Центральной Азіи; оттуда должна она черпать новыя силы для своего дальнѣйшаго существованія. То, что предлагал Мольтке в первой половинѣ 19-го вѣка, то сегодня должно быть непосредственной цѣлью государственной политики Турціи.

На какія территоріи претендовали пантуранисты? В этом отношеніи не было между ними единогласія. Чтобы дать общее представленіе об этих претензіях, укажем границы Турана, начертанныя Ахмедом Агаевым и Качензаде.

«Тюркскій міръ» Агаева начинается с Балканскаго хребта и доходит до Манджуріи, включая в себя: Балканы, Малую Азію, Крым, Кавказ, Дагестан, Астрахань, Поволжье Саратов, Самару, Казань, Уфу, Оренбург, Сибирь, Монголію, китайскій и русскій Туркестанъ, Бухару, Хиву, Хорасан, южное побережье Каспійскаго моря и два (русскаго и персидскаго) Азербейджана.*)

*) I. Stoddard. The American Pol. Science Review, vol. XI, 1917. стр. 12-23.

«X». Le Panislamisme et le Pantouranisme. Revue du Monde Musulman vol. XXII. Mars 1913 стр. 203-204.

Качензаде требует, чтобы в туранское или тюрко-татаро-монгольское объединение вошли: Малая Азия с Константинополем, Месопотамия с Моссулом, Азербейджан с Баку. Далѣе в нее должен войти собственный Туран, т. е. пространство от Крыма до Закаспія, находящіяся между Волгой и Уралом Оренбургская и Уфимская губерніи, Киргизскія степи, находящійся между Аралом и Байкалом Туркестан, возвышенность от Алтая то Памира и пространство от Монгольских ѱр до Сибирских степей, вплоть до Иркутска и берегов Амура. В эту «федерацию», говорит Качензаде, должны войти всѣ болѣе или менѣе крупныя группы тюркского населенія, оставшіяся со времен средневѣковых нашествій. Одним словом туркам должно принадлежать все, гдѣ ступала когда либо нога тюрка...*)

Еще болѣе рѣшительно настроенные пантуранисты включали в предѣлы Турана и другія пограничныя и мусульманскія страны — в особенности, если царствующая там династія была туранскаго происхожденія, как напримѣр Персія при Каджарах, Афганистан и т. д. Мы не говорим об аппетитах Энвера паши и ему подобных, потому что пантуранизм Энвера, в особенности в началѣ, носил панисламистскій отпечаток. Энвер стремился создать Арабскую Имперію, и сдѣлать ее вассалом Турціи, другими словами, хотѣл «использовать Коран для Турана». Границы Энверовской Имперіи начинались в Марокко и кончались.....Кореей.

Наконец, претендующая на «научность» часть пантуранистов ограничивалась лишь территоріей, населенной *тюркской* группой туранских народов.

*) Roger Labonne. La Crise Orientale... Le Correspondant, 1922, стр. 399.

Урало-Алтайская или Туранская семья, как известно, дѣлится на пять групп: Угро-финская, самоѣдская, тунгусская, монгольская и *тюркская*.

Въ послѣднюю *тюркскую* группу входят: тюрки Сибири (якуты), тюрки Центральной Азіи (казаки, узбеки, киргизы, туркмены и пр.), тюрки Поволжья (кипчаки, татары, башкиры), тюрки Черноморья (татары Крыма и Кавказа) и тюрки запада (Ирана и Оттоманской Имперіи). Къ об'единенію всѣхъ этихъ *тюрков* и стремилась умѣренная группа пантуранистов. Исходя изъ этого, они и движеніе свое предпочитаютъ называть не *пантуранизмомъ*, а *пантюркизмомъ*; всѣхъ, принадлежащихъ къ пятой группѣ народовъ (татары, узбеки, киргизы, башкиры, якуты и пр.) они считаютъ *турками*.*)

Для обоснованія пантуранизма, кромѣ вышеупомянутыхъ «научныхъ» доводовъ, приводится и рядъ другихъ соображеній. *Пантуранистскій идеалъ*, говорятъ эти пантуранисты *вытекаетъ изъ духа времени*. «Уже нѣсколько столѣтій, пишетъ на примѣръ Текин Альп, національный принципъ является руководящимъ въ мірѣ политическихъ идей и событій. Отказавшись отъ оттоманизма и принявъ тюркизмъ, турки выйдутъ изъ *ненормальнаго положенія* и войдутъ въ ряды современныхъ цивилизованныхъ народовъ».

Пантуранисты позаимствовали изъ Европы еще одну идею, идею «ирриденды». «То что мы проповѣдуемъ, говорили они,

*) В 1910 г. член Государственной Думы елисаветпольскій татаринъ Хасмамедовъ внесъ въ Думу предложеніе разрѣшить *татарамъ* называться впредь *тюрками*. Дума отвергла это предложеніе, считая его тенденціозно-пантуранистскимъ. При большевикахъ татары добились своего и теперь всѣ они называютъ себя *тюрками*.

является не империализмом, а «ирридендой». «Всѣ новѣйшія націи имѣют свою ирриденду». «Освобожденіе собратьев, стонущих под игом сосѣдней страны, стало для них *національнѣм идеалом*.» При этом приводятся примѣры Италіи, Румыніи и пр. «Ирриденда» является важным фактором международной политики — турки не могли составить в этом отношеніи исключенія. Туранская ирриденда или идеал независимой и об'единенной Тураніи вполне соотвѣтствует духу времени, носящему преимущественно національную окраску.

Для осуществленія національнаго идеала у турок, говорили пантуранисты, есть всѣ необходимыя данныя. В первую очередь их можно найти в особенностях характера турецкаго народа. Турки храбры, героичны и талантливы в военном дѣлѣ; это лучшіе солдаты в мірѣ. У них властный характер и они, как будто, созданы для господства над другими. Всѣ восточные завоеватели вышли из нѣдр турецкаго народа.*)

Вопреки мнѣнію наших недоброжелателей, говорили пантуранисты, турецкій народ обладает и большими умственными способностями. Он дал человечеству много ученых, которые благодаря тому, что писали на арабском языкѣ, извѣстны міру как арабы. Турки, благодаря их древней цивилизаціи и способностям воспринимать новую цивилизацію, не только не отстали от других народов, но идут впереди многих из них.

Путая ученія Монтескье и Спенсера, пантуранисты создали новую своеобразную философію.

*) С. U. Clark, Greater Rumania, стр. 121.

Народы, говорили они, имѣют тоже періоды рожденія, развитія и упадка или эпохи своего восхода и заката. На-примѣр, историческія націи Южной Азіи и Сѣверной Африки (персы, египтяне) прожили свою жизнь и теперь выродились. Европейскіе народы уже достигли кульминаціонной точки своего расцвѣта и своей славы и теперь, растративши в огнѣ капитализма свои силы, вступают в період упадка. Даже Англія, доживает послѣднія десятилѣтія своего импералистическаго могущества.

Теперь настал час народов Центральной Азіи. Туранцы, благодаря своей природной храбрости и мужественности, благодаря крѣпким и не растрепанным европейской цивилизаціей нервам, станут *великой и руководящей силой будущего*. В будущей борьбѣ народов побѣда останется за турками, ибо их мускульныя и нервныя силы неисчерпаемы.

Таким образом пантуранистской идеологіи не была чужда и идея кичливаго «мессіанизма», в особенности в первый період своего возникновенія.

Как мы выше указали, пантуранизм, как политическая доктрина, был первоначально формулирован татарскими дѣятелями, *преслѣдовавшими ильи освобожденія своих народов от русскаго ига*. Перенесенный на турецкую почву, пантуранизм стал для турок одним из средств возрожденія и усиленія Турціи. Но турки, в отличіе от татарских дѣятелей, имѣли опыт государственной дѣятельности и считались в своих стремленіях с условіями географическаго, политическаго, культурнаго и пр. порядка. Это заставляло турок быть немножко осторожнѣе в их пантуранистских увлеченіях. Благодаря этому, турецкая версія пантуранизма (пантюркизм) нѣсколько отличалась от татарской.

Это отразилось и в книгѣ основоположника пантюркизма Зіи Гек Альпа «Основы тюркизма», изданной в 1923 г. В этой книгѣ автор представляет сущность пантюркизма в довольно осторожной и завуалированной формѣ. В книгѣ Гек Альпа со всѣми оговорками дано серьезное и систематическое изложеніе сущности новаго тюркского движенія. *)

Книга Зіи Гек Альпа состоит из двух частей, первая из которых носит названіе: «Сущность тюркизма», а вторая — «Программа тюркизма». В первой части излагается теорія, во второй — конкретная программа тюркизма. **)

Первая часть подраздѣляется на слѣдующія главы: Исторія тюркизма. — Что такое тюркизм? — Тюркизм и тюркизм. — Культура и цивилизація. — К народу. — К Западу. — Историческій материализм и социологическій идеализм. — Усиленіе національнаго сознанія. — Усиленіе національной солидарности. — Культура и воспитаніе.

Во второй части трактуются связанные с тюркизмом вопросы о языкѣ, искусствѣ, этикѣ, религіи, правѣ, экономикѣ, философіи и политикѣ.

*) Кроме книги Зіи Гек Альпа, которая по турецки называется «Тюркчюлюн эсасларе», тому же вопросу посвящены: «Тюркизм и Пантюркизм» — Текин Альпа; «Ярынки Туран Девлеты» — Эомер Сейфетдина; «Теоріи о націи и національная жизнь» проф. Мехмета Иззета.

**) G. Deny, Zia Gock Alp, Revue du Monde Musulman. Vol. LXI. 1925. Troisième trimestr.

Grundlagen des Türkischen Nationalismus. Orientalischen Literaturzeitung. Sept.-Okt. 1925.

См. также слѣдующія турецкія періодическія изданія: «Хакиміет и милліе» 16 мая, 1923 г.; «Акшам», 22 мая 1923 г.; «Тюрк Юрду», 3 апрѣля 1913 г., стр. 368-377; «Іени Гюн» 16 мая, 1923 г.

Эти заголовки дают уже достаточное понятие о содержании книги Зия Гек Альпа. Подробно останавливаться на ней, к сожалѣнію, мы не имѣем возможности и должны ограничиться изложеніемъ относящихся к нашей темѣ положеній.

Зия Гек Альп очень подробно говорит о том, что такое *нація*. По мнѣнію оттоманистов, говорит он, существует *оттоманская нація*, которая заключает в себѣ все разноплеменное населеніе Оттоманской Имперіи. Эта точка зрѣнія в корнѣ неправильна, так как в состав народонаселенія всякой большой имперіи входят различныя націи, с своей особой культурой. Таким образом *оттоманской націи нѣтъ и быть не может*.

По мнѣнію панисламистов, продолжает свои разсужденія Гек Альп, оттоманская нація — это совокупность всѣх мусульман. Но, связанные между собою общностью религіи, люди составляют не націю («миллет»), а религіозную общину («уммет»).

Отвергая эти опредѣленія, Зия Гек Альп дает свое. По его мнѣнію, нація является совокупностью людей, связанных между собою общностью языка, религіи, этики и эстетики, иначе говоря — общностью культуры и воспитанія. Исходя из этого опредѣленія, Зия Гек Альп переходит к основному вопросу: что такое турецкая нація, из кого она состоит и какія существуют взаимоотношенія между тюркизмом и туранизмом?

К группѣ, имѣющей единую тюркскую культуру, или, иначе говоря, к турецкой націи, принадлежат *огузиане*, т. е. турки и туркмены. «Турки Азербайджана и Персіи, как и мы, говорит Гек Альп, происходят от Огуз-хана. Еще нѣ-

сколько столѣтій тому назад всѣ они жили дружно вмѣстѣ, как члены одной семьи, как потомки Огуз-хана. Еще и сегодня общи у нас всѣх: язык, литература, культура, нравы и обычаи. Цѣлый ряд книг, посвященных Коркуд Атаѣ, Исмаил-шаху, Ашык Керибу, Кер-Оглы и др. являются любимыми книгами для всего огузскаго міра. Тюркскій поэт Фюзули принадлежит нам всѣм. Таким образом, заключает Альп, *границы турецкой націи шире географических границ Турціи*.

«Что же касается Турана, говорит Гек Альп, то он не есть, как многіе склонны думать, сборище народов, гдѣ, кромѣ турок, живут еще монголы, тунгузы, финны и венгры. Эта группа в наукѣ извѣстна под названіем Урало-Алтайской». Границы Туранизма гораздо уже. Якуты, киргизы, узбеки, кипчаки, татары и огузіане составляют одну лингвистическо-этническую группу. *Туран* и является общим названіем всѣх этих тюркских народов. Территориально Тураном называется та громадная тюркская страна, гдѣ живут различныя племена единой тюркской націи.

Исходя из этих положеній, Зія Гек Альп намѣчает два идеала, к осуществленію которых должна стремиться: политика Турціи. Первый и ближайшій идеал — *огузіанизм*, второй и гораздо болѣе далекій — *туранизм*. Предпосылкой к осуществленію этих двух идеалов является ближайшая и конкретная задача, стоящая перед Турціей — задача претворенія в жизнь *тюркизма*. Таким образом національный идеал турок имѣет три ступени: тюркизм, огузіанизм (пантюркизм) и туранизм (пантуранизм).

Зія Гек Альп знает что Туранская Федерация или Туранская Имперія есть не больше не меньше, как *«красное*

яблоко»*), висящее на таком деревѣ, которое существует лишь в мѣрѣ фантазіи. Но он знает также и то, что «сегодняшняя дѣйствительность есть плод вчерашних мечтаній» и что «велика сила идеалов, если даже они навсегда остаются идеалами». Зія знает, что нельзя образовать единую націю (как он ее понимает) из всѣх больших и малых туранских народностей Россіи, как бы всѣ они ни считались с научной точки зрѣнія турками. Он знает, что сѣверные татары (Волжскіе) стремятся к созданію собственнаго языка и культуры и что послѣдствіем этого рано или поздно явится то, что будет два народа: *турецкій* и *татарскій*. Он знает, что к этому же стремятся и башкиры, киргизы, узбеки, «не говоря уже о якутах и алтайских тюрках».

Что же, пусть создают они свою собственную культуру и пусть называются своими особыми именами! Всѣ они, говорит Гек Альп, должны в концѣ концов войти в общую федерацію и образовать Великую Туранію. А потомки Огуза — турки и теркмены — будут жить, как единая нація и будут называться *турками*. *Огузистан есть Великая Турація ближайшаго будущаго*.

Таким образом турецкій вариант пантуранизма имѣет программу из двух частей: минимума и максимума. Программа — минимум турецкаго пантуранизма есть *огузизм* и ставит своей цѣлью объединеніе турок и туркменов. «Турція, Азербайджан и Персидскій Азербайджан, говорит Зія Гек Альп, должны составить завтрашній Огузистан».

*) «Красное Яблоко» — таково названіе одного из рассказов Гек Альпа, в котором он проводит в беллетристической формѣ свои пантюркскія идеи.

Т Ю Р К И З М.

Итак, тюркизм является основным и предварительным условием к осуществлению турецкаго варианта пантурсанизма.

Но что такое тюркизм и как его понимают турецкіе націоналисты?

«Турція только для турок», вот лозунг и вмѣстѣ с тѣм и программа тюркизма.

Для освобожденія своих единомышленников и объединенія их в одно государственное цѣлое, Турція должна обладать прежде всего достаточной моральной и матеріальной силою.

Но Оттоманская Имперія обезсилѣла и разложилась. Гдѣ же найти эту силу? Ее можно найти в тюркской массѣ, в народѣ, в «грубом» анатолийском крестьянинѣ. Надо обратиться к неисчерпаемому запасу его физических возможностей, к его безмѣрному трудолюбію, к сохранившимся у него традиціям и обычаям, к языку, на котором он говорит и по сей день и, в особенности, к его патриотизму и воинственному духу.

Но увы, не анатолийскіе турки составляют основу, на

которой построено здание Оттоманской Имперіи. Причина безсилія Турціи кроется в составѣ ея народонаселенія, и именно в том фактѣ, что оно не исключительно тюркское. Введенная в жизнь партіей «Единеніе и Прогресс» конституція Митхата паши санкціонировала допущенную оттоманскими завоевателями досадную ошибку (не уничтоженіе посредством рѣзни или ассимиляціи инородческих элементов) и предоставила вѣковым «райям» равныя с турками права.

Христіане ли эти меньшинства или мусульмане, — дѣло не мѣняет. Раз они имѣют особую от турок культуру, особую исторію и противоположные интересы, то смѣшно и даже опасно ждать от них проявленія государственнаго патріотизма. Они, рассуждали тюркисты, не могут итти в ногу с нами, усвоить наши идеалы и служить нашим цѣлям. Для объединенія остается одно — чтобы мы, турки, пошли по их дорогѣ. Но это для нас, как для турок, равносильно смерти.

И в качествѣ выхода тюркисты указывали на одно единственное средство: Турція должна быть прежде всего отуречена.

Турецкая интеллигенція, говорили они, должна отуречить свой народ. Она должна к природному и инстинктивному національному чувству привить сознательный и подлинный тюркизм. А для этого она должна создать прежде всего національную культуру.

Правительство же Турціи обязано отуречить страну. Оно должно сдѣлать рѣшительный поворот в своей политикѣ, прекратить игру в оттоманизм, перестать смѣшивать мусульманина с турком. *Оно должно опираться исключительно на турецкій элемент и только его поддерживать.*

Остальные народности не должны существовать, как особые нации, они, как таковыя, не должны имѣть никакихъ прав. Передъ ними должна стать альтернатива: либо сдѣлаться турками, либо уйти изъ Турціи. Нѣтъ «нации оттомановъ», а есть и впредь в Турціи можетъ быть только одна единственная нація — турецкая.

Вотъ что такое тюркизм.

Но какъ отуречить Турцію, какъ это осуществить в условіяхъ современной дѣйствительности? С чего и какъ начать?

Начинать слѣдуетъ с языка и с литературы. Надо прежде всего реформировать турецкій языкъ, освободить его от иностраннаго вліянія, сдѣлать его подлинно турецкимъ.

В Турціи существовали два языка: *оттоманскій* — разговорный языкъ высшаго служилаго сословія и интеллигенціи, вошедшій и в литературу, и *народный*, на которомъ говоритъ крестьянская масса в Малой Азіи и который пренебрежительно назывался *турецкимъ языкомъ*.

До реформъ Абдул Меджида, до знаменитаго «Танзимата» оттоманская литература, какъ и вся общественная жизнь, находились подъ сильнымъ вліяніемъ арабской этики и персидской эстетики. Тогдашняя литература — Касидъ и Газель — всецѣло была посвящена Аллаху, Халифу, Пророку, женщинѣ и вину. Извѣстный тюркскій поэтъ Фюзули былъ яркимъ представителемъ этого *восточнаго періода*.

Второй періодъ, начинающійся с «Танзимата» и называющійся *западнымъ*, носитъ на себѣ печать вліянія европейскаго и, в частности, французскаго. Сперва это вліяніе дало благопріятные результаты, но позже — и в особенности в эпоху Абдул Гамида, оно в корнѣ исказило оттоманскій

язык, введя в него множество французских слов и выражений, заимствованных из западно-европейских языков.

По определению тюркистов «оттоманский язык» был языком *турецкой цивилизации*, а народный турецкий — языком *национальной культуры*.

«Культура, говорит Зия Гек Алы, национальна, между тем цивилизация — всегда интернациональна»... «Наш господствующий класс постоянно навязывал турецкому народу свой невыносимый космополитизм». Надо вырвать турецкую культуру из когтей интернациональной цивилизации.

Мы видели, что еще до тюркистов, дѣлались попытки освободить оттоманский язык от арабских и персидских слов и создать таким образом литературу на чисто турецком языкѣ. Но любопытно, что тюркисты придали этому чисто политический характер. Кружок «Ени Лиса» предлагал вернуть турецкому языку его былую простоту и глубину, приблизив его к тому нарѣчію, на котором говорили туранские кочевники. Предлагалось в соответствии с этим внести изменения в грамматику и впредь при словообразовании придерживаться законов и духа турецкого языка. Тюркисты предлагали отказаться от литературного наследия западного периода, с его преобладанием французского влияния, и писать на тюркскихъ темах, в частности предлагалось в поэзии употреблять средневековый туркменский размер. Словом, говорили они, *надо писать так, чтобы было понятно всемъ тюркскимъ народамъ*.

Были сдѣланы попытки замѣнить арабский шрифт латинским, а некоторые предлагали возстановить старей

«сириакскій» алфавит, который был в употребленіи в Туранѣ до XV столѣтія.

Для постоянной работы в области развитія турецкаго языка и національной культуры была основана «Академія Наук» («Тюрк Билги Дернеи»). Это учрежденіе имѣло полуофіціальныи характер и работало при Центральном Комитетѣ партіи «Единеніе и Прогресс» на средства, отпущенныя из государственной казны. Академія состояла из нѣскольких отдѣленій, самым важным из которых было *отдѣленіе тюркизма* («тюркчюлюк»). Она издавала спеціальныи орган — «Билги Мечмуас», толстыи ежемѣсячник, посвященный научной разработкѣ вопросов, касающихся національнаго языка, культуры и т. д.

Одновременно продолжалось и изданіе другою ежемѣсячника: «Тюрк Юрду», бывшаго органом квалифцированных тюркистов. В нем печатались статьи о бытѣ, нравах и обычаях тюркских народов, говорилось о «величіи турецкаго прошлаго», о «великом національном идеалѣ» и пр.

Вопрос о турецком языкѣ не потерял своей актуальности и по сей день. Отчасти разрѣшенный в духѣ требованій тюркистов в самой Турціи, он продолжает быть предметом споров в смыслѣ его повсѣмѣстнаго примѣненія во всем туранском мірѣ. Еще недавно русскій татарин Пехаков выступил в турецкой прессѣ с рядом статей, в которых он защищал идею одинаго языка для всѣх тюрко-татарских народов, причем в качествѣ такового он предлагал *турецкій язык*. На этой точкѣ зрѣнія стоят азербайджанскіе и другіе пантуранисты. В этом требованіи искусственнаго навязыванія народу языка, который не является его родным языком

и на котором он не говорит, нельзя, конечно, не усмотрѣть политических цѣлей.

Важное мѣсто в программѣ тюркистов занимало и требованіе — *обращеніе к народу* («Халк догру»). Интеллигенція, говорили они, должна пойти в народ, чтобы «дать ему цивилизацію и получить от него культуру». Надо изучить язык, словесность, музыку, быт, нравы и обычаи народа. Надо воскресить и усвоить образ мышленія и чувствованія народа, так как лишь таким путем станет возможным созданіе національной «elite» — избраннаго класса націи.

Эти требованія тюркистов позже получили свое выраженіе в политикѣ Мустафа Кемала, в его заявленіях о «суверенитетѣ народа», об «обращенности к анатолійскому крестьянину» и пр. Характерно, что и единственно существующая в Турціи партія диктатора носит претенціозное названіе «Народ» («Халк»).

Но тюркисты были и «западниками», хотя весьма своеобразными. В их программѣ был еще лозунг — «к западу» («гарба догру»). Они говорили, что настало время для Турціи произвести большія перемѣны на подобіе тѣх, какія сдѣлала Японія. Примѣр послѣдней показал, что народ может заимствовать западную цивилизацію, отнюдь не жертвуя своей религіей, культурой и національными идеалами. Для осуществленія этой части своей программы, тюркисты знакомили турецкое общество с литературой и научными завоеваніями западно-европейских народов. От Европы они брали то, что могло пригодиться для их національных цѣлей, руководствуясь афоризмом: «Эврона кафале, тюрк-кальше» («С европейской головой, но с турецким сердцем»).*

*) «Тюрк Юрду», Март, 1912 г. стр. 326-327.

Из европейских ученых получили признаніе у тюркистов лишь тѣ, кто хвалил турок. А всѣ тѣ, кто порицал их и их исторических героев, считались невѣждами («эриф») Прославленный во время «Танзимата» девиз французской революціи: «свобода, равенство и братство» перестал им нравиться; тюркисты восторгались теперь девизом: «Deutschland ueber Alles» («Германія превыше всего»), благодаря которому, говорили они, создалось величіе и единеніе нѣмецкаго народа.

Это величіе было и у турок, но было оно только в историческом прошлом. Надо воскресить в памяти народа это славное прошлое, всѣ легенды и традиціи Турана. Они-то именно и являются тѣми образцами, по которым націи возсоздают и оформляют свою индивидуальность. Из героев историческаго прошлаго Турана тюркисты особенно восторгались легендарной фигурой Чингизхана, этого «бога силы» и «грознаго Императора». Они с негодованіем отвергали приписываемое ему варварство, считая это «выдумкой» покоренных им народов. Особенно негодовали они против Фирдуси, воспѣвшаго в «Шахнамэ» борьбу Ирана с Тураном.

В прошлом тюркисты находили не только «грозных императоров», но и знаменитых ученых, «героев науки», как они любили выражаться. Зія Гек Альц, в своей поэмѣ «Тюркчюлюк», обращаясь к «врагам тюркскаго народа», сознательно отрицающим заслуги турок перед наукой, патетически вопрошал: знают ли эти враги, кѣм были Фараби,*) Улуг-бек**), Ибн и Сина***) и др.

*) Эбу Наср Магомед Ибн и Тархан Эль Фараби (870-950) — знаменитый мусульманскій философ. прозванный «преемником Аристотеля», родился в

Чтобы понять все значеніе начатой тюркистами пропаганды, надо имѣть в виду, что прежде турки вообще не имѣли никакого представленія о своем туранском прошлом и о его дѣятелях. Они интересовались только исторіей *ислама* и тѣми событіями и героями, которые были связаны с этой исторіей. Турецкій народ не знал никакой національной исторіи, он читал только Коран и знал только исторію Магомета и его халифов, большинство которых были, как извѣстно, не-турки. Пантюркисты первые сдѣлали попытку обратить турок с юга, с Мекки, к востоку, к Алтаю. Они воодушевляли народ рассказами не о побѣдах Пророка и послѣдующих халифов, а о подвигах Аттилы, Чингизхана, Алп Аслана, Тамерлана, Огуз-хана и других героев Турана, нѣкоторые из которых *не были даже магометанами*.

Тюркизм, вообще, противопоставлял себя панисламизму, хотя иногда и шел рядом с ним. Но это послѣднее обстоятельство объясняется тѣм, что почти всѣ тюрко-татары исповѣдывали магометанство; благодаря этому тюркисты могли в своей пропагандѣ подчеркивать как религиозный, так и національный моменты. Но в общем пантуранисты были враждебно настроены по отношенію к панисламизму. Они, в особенности, возставали против того принципа маго-

Туркестанъ, но образованіе получил в Багдадѣ. Оставил ряд трудов по медицинѣ, математикѣ и философіи.

**) Улуг-бек (1394-1449) — внук Тамерлана, был астрономом и создателем обсерваторіи в Самаркандѣ. Он открыл 24 новых и указал мѣсторасположеніе 992 извѣстных наукѣ звѣзд.

***) Эбу Али эль Гусейн Ибн Абдуллах Ибн и Сина (Ависенна) (980-1037) — «арабскій» философ, родившійся в Бахарѣ. Мать его была родом из Туркестана, а отец был перс.

метанства, согласно которому всё мусульмане считались братьями и из котораго магометанство стремилось вывести свой идеал «Имамета» — вселенской демократической теократии.

Тюркисты, при попытках проведенія в жизнь своей національной программы, столкнулись в первую очередь с этим именно принципом магометанства и рѣшили первые удары направить против него.

Туранцы вообще никогда не отличались религіозностью. «Туркмен заиф юлиман» («У туркмена слабая вѣра») гласила арабская пословица. Известно, что сельджуки в продолженіе двух столѣтій три раза мѣняли религію. Что же касается турок, то характерно, что они не имѣли ни одной религіозной войны, хотя исторія их и была полна военными авантюрами. Во всѣх войнах, на протяженіи многих столѣтій, турками руководили исключительно завоевательныя цѣли или стремленіе к грабежу. Благодаря отчасти этой чертѣ, тюркистам легко удалось снять с собственнаго пути и тѣ препятствія, которыя существовали благодаря магометанской религіи и панисламизму.

Свою антирелигіозную борьбу начали они с агитаціи против религіозных предрасудков, желая, таким образом, придать ей характер борьбы за религіозную реформацію. Далѣе они выставили требованіе замѣнить употребленіе арабскаго языка турецкими при исполненіи религіозных молитв и обрядов. Этим они хотѣли показать, что борются не против магометанства, а только за націонализацію религіи. Психологія турок, говорили они, отличается от психологіи арабов. Турки, монгольскаго происхожденія и настроены эпикурейски, между тѣмъ арабы, как семиты,

имѣют склонность к аскетизму. Бог арабов, подобно Богу евреев — Бог страха («Мегафет уллах»), тогда как Бог турок — Бог любви («Мегапет уллах»). Из этого различія они выводили необходимость различных религій для каждаго из двухъ народов.

Тюркисты в особенности были весьма непримиримо настроены в отношеніи шіитскаго вѣроисповѣданія, которое исповѣдывали татары Закавказья и Сѣверной Персіи. Шіитизм был серьезнымъ препятствіемъ к объединенію этихъ татар с турками, принадлежащими, как извѣстно, к суннитскому вѣроученію*).

Наконец, послѣднимъ пунктомъ в программѣ тюркизма была борьба против *оттоманизма*, о которой мы подробно говорили в предыдущихъ главахъ.

Многіе, незнакомые с исторіей турецкаго общественнаго движенія за послѣднія десятилѣтія, удивляются реформамъ Кемалъ паши и в особенности той поразительной легкости, с которой онѣ были проведены в жизнь турецкимъ диктаторомъ. Вышеизложенное, мы полагаемъ, разъясняетъ эту загадку. Кемалъ паша никакихъ звѣздъ с неба не хваталъ; онъ,

*) Чтобы дать понятіе о громаднхъ результатахъ, достигнутыхъ тюркистами в дѣлѣ борьбы с приоритетомъ и вліяніемъ религіи, достаточно противопоставить два историческихъ факта: в 1909 г. в Константинополѣ была закрыта газета «Ени Газета» за то, что в день рожденія Магомета («Мевлуд») она не помѣстила авшлагомъ на первой страницѣ хвалебныхъ молитвъ Пророку; но послѣ войны другая газета «Иттихатъ» уже осмѣливалась печатать рядъ статей под такимъ заголовкомъ: «Былъ ли Магометъ лунатикомъ», не подвергаясь за это никакимъ правительственнымъ карамъ.

осуществил только программу тюркистов, опираясь на сочувствие того общественного мнѣнія, которое было подготовлено турецкими пантуранистами в продолженіе послѣдняго десятилѣтія.

Но осуществляя до послѣдняго пункта программу тюркистов, Кемаль нераздѣльно связал свое имя с пантуранистским движеніем...

ПАНТУРАНИЗМ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Пантуранистское движеніе было направлено главным образом против Россіи, так как «туранская ирредента» находилась почти цѣликомъ под ея игомъ. По этой причинѣ против Россіи же была направлена яростная пантюркистская пропаганда, полная ненависти к «московамъ», к этимъ «варварамъ и исконнымъ поработителямъ народовъ».

Наканунѣ мировой войны антирусское настроеніе особенно усилилось среди турокъ, в связи с проектами тѣхъ реформ, которыя предполагалось ввести в восточныхъ вилайетахъ (Арменія) Турціи по требованію великихъ державъ. Главнымъ зачинщикомъ этихъ реформъ турки считали Россію, которая подготовляла, думали они, новый — послѣ балканской войны — удар для Турціи. По мнѣнію политическихъ руководителей Турціи весь, такъ называемый, армянскій вопросъ былъ ни больше и ни меньше, какъ направленной противъ Турціи русской интригой, преслѣдующей двойную — оборонительно-наступательную — цѣль. Армянскіе же революціонеры, «главаря которыхъ происходили изъ кавказскихъ армянъ», были просто русскими агентами.

Создавая из восточных вилайетов Турці автономную Арменію, Россія, разсуждали турки, ставит себѣ слѣдующія цѣли:

1) Воспрепятствовать созданію однороднаго и сильнаго турецкаго государства, к чему стремятся тюркисты.

2) Забить клин в единый тюркскій міръ, чтобы отрѣзать турок от туранских народов Россіи и разрушить таким образом всѣ планы пантюркизма.

3) Подготовить выход к теплым водам, к Средиземному морю и к Архипелагу.

Этой «махинаціи» Россіи турки могли помѣшать лишь вступленіем в войну на сторонѣ ея врагов и одержаніем над нею побѣды, в чем, кстати, они никогда не сомнѣвались.

Таким образом военныя цѣли Турціи ясно опредѣлились задолго до вступленія ея в міровую войну.

Онѣ сводились к слѣдующему:

1) Турки стремились отмѣнить капитуляціи и раз на всегда освободиться от вмѣшательства держав во внутреннія дѣла Турціи.

2) Отуречить Турцію, разрубив по методу Александра Великаго гордіев узел національных меньшинств, т. е. «очистив» страну от не-турецких и, главным образом, христіанских элементов.

3) Устранить препятствіе, лежащее на пути объединенія двух половин тюркскаго народа, посредством прямого уничтоженія и физическаго истребленія клином врѣзавшагося в турецкое море армянскаго населенія как Турціи так и Закавказья.

4) И, наконец, в случаѣ пораженія Россіи, воспользоваться ея временным ослабленіем и, взорвав ее изнутри,

освободить ея тюрко-татарских подданных и объединить их с Турціей.

К этой программѣ нѣкоторыя турецкія группы прибавляли и дополнительный пункт: освобожденіе всѣх *мусульманских* народов и заключеніе военнаго союза между ними. Это панисламистское добавленіе было сдѣлано из тактических соображеній, чтобы привлечь на свою сторону такія мусульманскія страны, как Персія, Афганистан и пр. Отчасти же оно было результатом того, что панисламистскія стремленія были еще не совсѣм изжиты в нѣкоторых турецких кругах, считавших нужным использовать в военных цѣлях вмѣстѣ с національным и религиозное чувство народов*).

«Объединенная и независимая Туранія, говорили тюркисты, должна стать центром тяготѣнія для всего магометанскаго міра. Аравія, Египет, Марокко, Алжирія, Тунис,

*) По этому вопросу существовали разногласія между Энвером и Халилом. *Энвер паша* склонен был цѣной ряда политических уступок привлечь к Турціи оимпатіи мусульманских народов и с их помощью осуществить потом идеалы пантуранизма.

Халил паша, наоборот, считал, что нельзя питать никакого довѣрія к мусульманам не-туркам. Его взоры были обращены на Кавказ и на Центральную Азію, захват которых он считал одной из ближайших задач турецкой арміи. Послѣ завоеванія этой колыбели туранских народов, Турція должна была, по мнѣнію Халила паши, приступить к организаціи обширной Туранской Имперіи — великой и объединенной Тураніи. Во главѣ этой имперіи Халил мечтал видѣть своего внука, прозваннаго им по имени его «славнаго предка» Чингизом...

*) См. статьи Эрнста Парагина в «Берлинер Tageblatt» за 19-24 января 1920 г. и еще Roger Labonne. *La Crise Orientale. Le Correspondant.* 1922, стр. 385 и слѣд.

Персія, Афганистан и т. д., сохраняя внутреннюю независимость перед внѣшним міром, должны всегда выступать единым фронтом . Магометанскій мір должен стать недѣлимой политической единицей»^{*)}).

Но самым ярким документом, откровенно излагавшим пантурскистскіе планы Турціи, был циркуляр всеильнаго Младотурецкаго Центральнаго Комитета, разосланный всѣм отдѣлам партіи по случаю вступленія Турціи в войну.

Приводим нѣсколько выдержек из этого замѣчательнаго документа.

«Московы (русскіе), слѣдуя завѣтам Дали Петро**), поставили себѣ цѣлью уничтоженіе турецкой націи. Англія и Франція, до сих пор считавшіе существованіе Турціи отвѣчающим их интересам, теперь совмѣстно с Россіей стремятся к ея разрушенію, чтобы, затѣм, безпрепятственно поглотить Индію, Египет, Тунис, Алжирію, Марокко и пр.

«Но развѣ могли мы ничего не сдѣлать и оставаться спокойными тогда, когда наши естественные союзники находились в войнѣ с Россіей, заклятым, непримиримым вѣковым нашим врагом?».

Дальше идет формулировка цѣлей войны.

«Мы не должны забывать, говорится в циркулярѣ, что цѣлью нашего участія в міровой войнѣ для нас является не одно только спасеніе нашей страны от угрожающей ей гибели. *Нѣтъ, мы преслѣдуем и болѣе непосредственную цѣль — осуществленіе нашего національнаго*

^{*)} Tekin Alp. Turkismus und Panturkismus. Weimar, 1915. Verlag Gustav Kiepenheuer.

^{**)} Дали Петро — Сумасшедшій Петр, так называют турки Петра Великаго.

идеала, который требует, чтобы мы, разбив нашего московского врага, довели нашу Имперію до ея естественныхъ грании, которыя охватили-бы и объединили все наши соплеменные народы»*)).

Послѣдовавшія затѣмъ военныя событія, какъ напримѣр, поход Эивера-паша в Закавказье и на Дагестан, его планы овладѣть Туркестаномъ и Средней Азіей показали, что Турція окончательно вступила на путь пантуранизма и что задачей ея военныхъ дѣйствій является полное осуществленіе программы пантюркистов.

Затѣмъ, немедленно по вступленіи в войну Турція приступила къ выполненію отдѣльныхъ требованій этой программы, причемъ два пункта послѣдней Турціи удалось осуществить в первый же періодъ войны. Она отбѣнила капитуляціи и, поголовнымъ истребленіемъ турецкихъ армян, сняла преграды, лежащія на путяхъ ея къ Турану. «Для ликвидаціи армянскаго вопроса я в три мѣсяца сдѣлалъ больше, чѣмъ Абдул Гамидъ за тридцать лѣтъ», цинично заявилъ Талаатъ паша, говоря, увы, полную правду.

Этимъ, однако, успѣхи турокъ и ограничились. Война приняла для нихъ неудачный оборотъ; «каграман мемедчикъ»** отступалъ передъ русскими «чудо-богатырями», и анатолійскія области, одна за другой, переходили в руки «москововъ». Турки вмѣсто того, чтобы приближаться къ Турану, все

*) Tekin Alp. Turkismus und Panturkismus, стр. 50-55.

***) «Каграман Мемедчикъ» — герой Мемед, так называли турки своихъ солдатъ.

болѣе и болѣе отдалялись от него. Пантуранистскія мечты разсѣивались и турок охватывало отчаяніе.

Но... свершилось чудо: в Россіи вспыхнула революція и всѣ событія пошли по иному...

* * *

Русская революція 1917 г. дала передышку туркам и оживила в них надежду на окончательное спасеніе. Но она-же наполнила розовыми надеждами и сердца російских тюрко-татар.

С самаго начала возникновенія войны между Россіей и Турціей сочувствіе татар было на сторонѣ турок. Непосредственно перед войной между представителями кавказских татар и турецкими дѣятелями было заключено даже нѣчто вродѣ военнаго соглашенія. В 1913 г. в пограничном с Россіей городѣ Баязетѣ состоялось пантюркское совѣщаніе, с участіем делегатов от Турціи и Азербайджана, на котором было постановлено направить всѣ усилія к скорѣйшему осуществленію объединенія восточных и западных турок, с каковой цѣлью и было заключено соотвѣтствующее соглашеніе на случай войны.*)

Но военные успѣхи Россіи и твердый курс русскаго правительства дѣлали невозможным какое бы то ни было антироссійское выступленіе и російскіе тюрко-татары на первое время держали себя лояльно.**)

*) От Азербайджана на этой конференціи участвовали Ахмед Агаев, Разул Заде и Топчибашев.

**) Для иллюстраціи истиннаго настроенія мусульманскаго населенія Россіи не лишне будет указать на событія в Аджаріи. Стоило турецкой арміи приблизиться в 1915 г. к границам Аджаріи, как там вспыхнуло возстаніе, жестоко потом подавленное русскими войсками.

Россіи интриговали только эмигранты пантуранисты. Так, напримѣр, в 1916 г. группа російских татарских дѣятелей посылает президенту Вильсону обращеніе, одобренное «Конференціей Народностей» в Лозаннѣ, в котором от имени російских татар, башкиров, киргизов, сартов, казаков, туркмен и горцев — «численностью в 25 миллионов» — просит «притти на помощь и спасти эти народы от окончательнаго истребленія». Обращеніе это было подписано знакомыми лидерами російских пантуранистов: Кази Абдуррашид Ибрагимом, Ахмедом Агаевым, Юсуфом-Акчурой и Али Гуссеинзаде*). На той же Лозанской конференціи представители различных групп російских тюрко-татар требовали самостоятельности, для своих народов и полной независимости для Хивы и Бухары. Затѣм всѣ делегаты единогласно высказали пожеланіе об объединеніи с Турціей федеративными узами.**)

Русская революція, как мы сказали, открыла надеждами в числѣ других національностей и російских тюрко-татар. Она дала им возможность сорганизоваться, как національным группам, и легально формулировать свои національныя требованія. В продолженіе всего 1917 г. имѣл мѣсто ряд общемусульманских съѣздов, на которых выносились резолюціи о желательном, с точки зрѣнія руководителей тюрко-татар, устройствѣ жизни этих народов. В этих официальных резолюціях вначалѣ вопрос о немедленном отдѣленіи от Россіи не ставился, или точнѣе откладывался

*) *Revue du Monde Musulman*. Dec. 1922. vol. LII, стр. 6-7, и Dec. 1923. vol. LVI. стр. 146-147.

**) *L'Islam et la politique des Allies*. Dr. Enrico Insabato. 1920, стр. 220.

на будущее время. Тюрко-татары хотѣли бы, по образному выраженію Расул Заде, имѣть лишь «собственную комнату в общероссійском домѣ». На общемусульманском съѣздѣ, состоявшемся в Москвѣ 1 /14 мая 1917 г. Расул Заде выступает с требованіем автономіи для каждой тюрко-татарской группы, откладывая вопрос об их объединеніи на будущее время. «Рѣка каждаго народа, говорил он, должна протекать по собственному руслу. Но придет день, когда всѣ тюркскія рѣки сольются в одно общее, великое тюркское море».

Состоявшійся осенью 1917 г. в Казани второй мусульманскій съѣзд уже нарушает границы лояльности по отношенію к Временному Правительству. Он принимает постановленіе «не ожидая созыва Учредительнаго Собранія, немедленно приступить к осуществленію права самоопредѣленія народов» и в этих цѣлях поручает военному мусульманскому конгрессу приступить к организаціи отдѣльной мусульманской арміи. На случай же если русское правительство не разрѣшит организаціи національной арміи, съѣзд постановляет «не подчиняться ему, в виду крайней необходимости для мусульман имѣть свою военную силу»*).

Однако, все-же в общем позицію россійских тюрко-татар в період управленія Временнаго Правительства нужно характеризовать как позицію внѣшне-лояльную и выжидательную. С другой стороны лояльность эта была обратно пропорціональна силѣ и авторитетности государственной власти. По мѣрѣ внутренняго ослабленія этой власти и тюрко-татарскія группы становились все болѣе и болѣе

*) Die Kongresse der Mahammedaner Russlands in Kazan. Von H. Altdorffer. Der Neue Orient, Band II. Nummer I. Oct. 1917.

откровенными, а их требованія и поведеніе — неприкровенно антироссійскими и туркофильскими. Ярче всего это проявилось *послѣ большевицкаго переворота* и в особенности на соседнем с Турціей Кавказѣ.

*
* *

«Большевики совершили революцію, захватили власть и стали танцевать в церквах», такова была редакція официальной турецкой телеграммы, сообщавшей об октябрьском переворотѣ в Россіи. Да, Россія съума сошла и передала власть над страной одержимым людям, — иначе не могли объяснить турки смысл происшедших и происходивших там событій. Но туркам это «бѣснованіе» «московов» пришлось как раз кстати.

Послѣ октябрьскаго переворота побѣдоносная русская армія, державшая в своих руках $\frac{1}{2}$ территоріи Турціи, покинула эти области и направилась домой. Кавказскій фронтъ был оголен и перед турками открылись широкія и заманчивыя перспективы. В продолженіе короткаго времени они вернули себѣ всѣ завоеванныя области и подошли вплотную к русским границам на Кавказѣ.

Заключенный затѣм в Брест-Литовскѣ с «танцующими в церквах» большевиками мир возвратил им и занятыя Россіей в 1879 г. Карскую, Ардаганскую и Батумскую области. Турція получила больше, чѣм она могла бы рассчитывать и, казалось, что ея игра на кавказском фронтѣ должна быть кончена, тѣм болѣе, что на других фронтах (Мессопотамскій и Сирійскій) дѣла ея шли очень скверно.

Но турки, вопреки настойчивым требованіям главнаго

германскаго штаба — прекратить военныя дѣйствія на Кавказѣ и перебросить восточную армію против англичан, — продолжали свои передвиженія вглубь Закавказья, усиливая свою армію новыми галлиполійскими дивизіями.

Чѣмъ объясняется такое, противорѣчащее логикѣ вещей, поведеніе турок? — Тѣми цѣлями, которыя поставили себѣ турки, вступая в войну. А главной из этих цѣлей, как мы видѣли, было освобожденіе тюрко-татарскаго населенія Россіи и объединеніе его с Турціей. Перед этой основной цѣлью отступали всѣ другія задачи и разные стратегическіе расчеты, и турки, даже цѣной разрыва с Германіей, продолжали свои военныя дѣйствія на Кавказѣ, послушные зову тѣхъ миллионовъ россійскихъ тюрко-татар, которые молили ихъ о своемъ «освобожденіи».

И первыми в числѣ этихъ миллионовъ сбросили свои маски азербайджанскіе татары.

С момента начавшагося отхода разложившейся кавка-ской арміи вся дѣятельность азербайджанскихъ татар была строго сообразована с военными задачами турецкой арміи, направленными, как мы указали, къ захвату, в первую очередь, Закавказья. Комбинированныя дѣйствія турокъ и татар были направлены против армянъ и армянскихъ военныхъ сил, ставшихъ на смѣну русскихъ частей и взявшихъ в свои слабыя руки защиту кавказскаго фронта от турокъ и тыла — от татар. *Самымъ интереснымъ в поведеніи закавказскихъ татаръ было то, что они руководились стремленіемъ не къ независимости от Россіи, а къ отдачѣ себя и всего Закавказья под власть турокъ.* Этого они добились очень быстро, сломив сопротивленіе армянъ и пользуясь нейтралитетомъ грузинъ. Зимой 1918 г., когда уже русскихъ войскъ больше не было

в Закавказьѣ (за исключеніем Баку), Азербайджан стал турецкой провинціей. Такой он остался и послѣ формальнаго провозглашенія в маѣ того же года своей независимости.

«Азербайджан наконец достиг своей цѣли, — говорил в елисаветпольской мечети глава азербайджанскаго правительства Хан-Хойскій, обратившись к главнокомандующему турецкой арміей Нури-пашѣ, — и наконец осуществился вѣковой идеал всѣх турок — объединеніе их под знаменем султана. И с трепетом сердца ждут теперь турецкую армію, несущую им освобожденіе, горцы Кавказа, татары Поволжья, сарты Закаспія, узбеки и киргизы, хивинцы и бухарцы Центральной Азіи». Эту знаменательную рѣчь Хан-Хойскій кончает возгласом: «Да здравствует турецкая армія, да здравствует объединеніе всѣх тюрок!».

И на завершеніе дѣла объединенія всѣх турок шла армія Нури-паши. В началѣ сентября она «освободила» Баку, вырвав 30 тысяч мирнаго армянскаго населенія, а в концѣ того же мѣсяца уже дралась под Петровском, идя на «освобожденіе» горцев Кавказа. С дѣйствительным трепетом сердечным ее ждали пантуранисты Туркестана и Поволжья, куда и направлял свою армію Энвер-паша, как вдруг случилось второе чудо, разрушившее на этот раз уже планы самих пантуранистов: война кончилась пораженіем союзников Турціи и добравшаяся до преддверья Турана ея армія должна была отказаться от своей дальнѣйшей миссіи и повернуть свое лицо обратно к Анатоліи, к своим прежним государственным границам...

Так кончилась на полпути одна и наиболѣе яркая фаза пантуранистскаго движенія.

ПАНТУРАНИЗМ ВО ВРЕМЯ КЕМАЛИСТСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

Первым крупным послѣдствіемъ военнаго пораженія Турціи было паденіе кабинета Талаата паши. Это было не обычной смѣной правительства, а началомъ настоящаго переворота, ибо вмѣстѣ с отставкой младотурецкихъ министровъ произошла и самоликвидация непрерывно господствовавшей с 1908 г. всесильной партіи «Единеніе и Прогресс» и переходъ власти в другія руки. Младотурецкіе лидеры и всѣ министры, занимавшіе свои посты в теченіи войны, боясь репрессій союзниковъ, бѣжали из Турціи, и с этого момента партія «Иттихатъ» сошла окончательно с политической сцены, прекратив навсегда свое существованіе.

Все это произошло однако не вслѣдствіе измѣнившихся в странѣ политическихъ настроеній, а исключительно под давленіемъ внѣшней силы — союзниковъ. Турецкое общество — и в особенности военная молодежь — осталась вѣрнымъ тѣмъ идеямъ, которыя руководили политикой младотурокъ, доказавъ это тѣмъ, что огромное большинство депутатовъ, посланныхъ в созданный послѣ войны парламентъ, оказалось принадлежащимъ к младотурецкому теченію.

Союзныя державы на смѣну кабинета Талаата папи призвали к власти представителей так называемых старотурок и членов англофильской партіи «Иттилаф», людей, не пользовавшихся никаким вліяніем в Турціи. Опираясь не на довѣріе турецких политических кругов, а исключительно на силу союзных штыков, это новое правительство возбудило против себя непримиримо настроенную Анатолію. Возникшій, таким образом, конфликт, между константинопольским правительством и цѣлым рядом восточных провинцій, привел эти послѣднія к открытому неповиновенію султанскому правительству. Основная причина этого разрыва заключалась главным образом в различном подходѣ отдѣльных групп турецкаго общества к тѣм планам союзников, которые существовали у них по отношенію к Оттоманской Имперіи. Эти планы были извѣстны туркам; о них говорили открыто послѣ перемирія почти всѣ государственные дѣятели Европы к Америки, и турки отлично понимали, что на предстоящей мирной конференціи вопрос о Турціи станет, как вопрос о самом существованіи Оттоманской Имперіи.

Как-же надлежало отнестись к этим планам, грозившим, в случаѣ своего осуществленія, уничтожить независимость Турціи и отдать цѣлыя турецкія области под власть держав побѣдителей или покровительствуемых ими народов?

Вокруг этого основного вопроса и шли разногласія между отдѣльными политическими и военными группами турок.

Султанское правительство и близко к нему стоящіе константинопольскіе круги, находясь под непосредственным давленіем союзнической военной силы, в концѣ концов

рѣшили покориться волѣ побѣдителей, пойти на мирную конференцію и постараться, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, спасти то, что можно еще было спасти. Они находили, что дѣло пантуранизма окончательно проиграно, что думать о великомъ національномъ идеалѣ, при создавшихся условіяхъ, невозможно и что турки, ради собственнаго спасенія, должны отказаться не только отъ своихъ завоеваній на Кавказѣ, но и отъ тѣхъ территорій Оттоманской Имперіи, которыя были населены не-турецкими элементами.

Иначе думали тѣ націоналистически настроенные слои населенія, которые находились в Малой Азіи, в рядахъ оставшейся тамъ арміи. Будучи внѣ предѣловъ досягаемости союзническаго оружія, эти круги были свободны и отъ паническаго настроенія, которымъ было охвачено турецкое общество в самомъ Константинополѣ. Офицерство и высшіе руководители побѣдоносной кавказской арміи не хотѣли признавать своего пораженія, не хотѣли отказаться отъ національнаго идеала, для осуществленія котораго, они, принесли столько жертвъ, дошли до Баку и до Дагестана.

Надлежало во что бы то ни стало спасти Турцію отъ окончательнаго раздѣла и сохранить ее, какъ независимое и сильное государство. И это не только во имя чести и интересовъ анатолійскихъ турокъ, но и во имя той великой миссіи, которую исторія возложила на Турцію. Правда, Турція теперь побѣждена и принуждена отказаться на время отъ выполненія этой миссіи, но завтра, когда обстоятельства измѣнятся, она вновь возьметъ в свои руки дѣло освобожденія туранскихъ народовъ. Вотъ приблизительно то настроеніе, которымъ была охвачена в Анатоліи военная и гражданская молодежь, положившая начало національному движенію,

получившему в дальнѣйшем названіе кемалистскаго, по имени своего вождя Мустафы Кемаль-паши.

Это національное движеніе открыло новую эру в исторіи Турціи, послужив началом глубоких внутренних преобразеній в странѣ. Оно в дальнѣйшем своем развитіи привело не только к измѣненію формы правленія (республика), но и — что гораздо существеннѣе, — к измѣненію самаго типа государства. Кемалисты шли под лозунгом отказа от типа имперіи, с многонаціональным составом населенія, и вступили на путь созданія однороднаго *турецкаго* государства. Продолжая дѣло младотурок, — «вычистивших» восточные вилайеты от армянскаго населенія, — кемалисты вырѣзали или выгнали из Малой Азіи другое значительное національное меньшинство — греков и заняты теперь третьей группой — курдами. *Тюркистскій* лозунг: «Турція только для турок», подхваченный кемалистами, близок, таким образом, к осуществленію в современной турецкой республикѣ.

Второе — и не менѣе важное измѣненіе — произошло в области политическаго руководства турецким государством. На смѣну младотуркам, как мы сказали выше, пришло к власти *новое* поколѣніе — *турецкіе націоналисты* или как их обычно называют *кемалисты*. И хотя в их ряды вступило много младотурок, хотя многое из программы и идеологій «Единенія и Прогресса» перешло к кемализму, все же кемализм не был лишь новым изданіем «иттихатизма» (младотуркизма).

Он был выкристаллизовавшимся стопроцентным тюркизмом и к нему прикнули как раз тѣ из младотурок, которые больше всѣх были заражены шовинизмом и пантуранизмом. Конечно, и кемализм имѣл свою эволюцію. Вна-

чалъ он не был тѣм, чѣм стал позже. В условіях разра-
звившейся военной катастрофы, когда требовалась величай-
шая осторожность, кемалисты принуждены были выступать
со свернутыми знаменами. Дальнѣйшіе их успѣхи дали им
возможность до нѣкоторой степени развернуть эти знамена.
И хотя онѣ так и остались полуразвернутыми до наших дней,
но опытному глазу не трудно видѣть, что знамена, под ко-
торыми шли на борьбу кемалисты, были знаменами пан-
тюркизма и пантуранизма.

При всем своем энтузіазмѣ, граничившим с авантюриз-
мом, турецкіе націоналисты, идя на борьбу с державами
побѣдительницами, хорошо сознавали, что всего спасти им
не удастся. И они шли спасать хотя бы часть того, что по
проекту союзников должно было быть отнято у Турціи.

Но какую часть?

По соглашеніям, заключенным между союзниками во
время войны и по проектам, всплывшим послѣ перемирія,
от Оттоманской Имперіи должны были отойти всѣ арабскія
земли (Сирія, Мессопотамія, Аравія), южное и восточное
побережья Малоазіатскаго полуострова, Фракія и Армянскія
области. И вот перед лицом всѣх этих территоріальных по-
терь, турецкіе націоналисты первѣйшим лозунгом своей
борьбы выставили лозунг удержанія армянских областей и
воспріятствование созданію армянскаго государства.

Чѣмъ это объяснить? В чемъ было важное для Турціи
значеніе голаго армянскаго плоскогорья?

Только в одном: имѣя под своей властью армянскія
области, Турція входила в непосредственную территоріаль-
ную связь с Азербейджаном и с другими туранскими народа-
ми Центральной Азіи, т. е. сохраняла в своих руках воз-

возможности осуществленія в будущем своих пантуранистских планов. И этот центральный пункт программы національнаго движенія, как извѣстно, туркам в концѣ концов удалось отстаить в полной мѣрѣ.

Соглашаясь под тѣм или иным видом на откол Западной Фракіи, Сиріи и Мессопотаміи и на образованіе новых арабских государствъ, турецкіе націоналисты настаивали на сохраненіи за будущей Турціей такой территоріи, которая дала бы ей возможность существовать как достаточно сильному государству.

Наконец третьим их требованіем было предоставленіе Турціи полной независимости и отбъны всѣх ограниченій, поражавших ея суверенитет.

Осуществленіе всѣх этих требованій, формулированных в «національном пактѣ», обезпечило бы за Турціей положеніе спльнаго и независимаго туранскаго государства и дало бы ей возможность стать в будущем таким политическим центромъ, к которому были бы обращены взоры всѣх остальных малых туранских народов.

Таким образом, программа національнаго движенія Турціи («Національный пакт») выходила из предѣлов «защиты прав Анатоли и Западной Фракіи», — что якобы являлось существенной цѣлью турецких націоналистов, — и включала в себя болѣе широкія — *пантуранистскія* задачи.

На что рассчитывали турецкіе націоналисты, объявив войну всесильной Антантѣ? На три фактора:

1) На силу собственнаго оружія, 2) на поддержку тюрко-татарских и вообще *мусульманских* народов всего

міра и 3) на благопріятно сложившюся для них междуна-
родную обстановку.

30 октября 1918 г. оттоманским правительством под-
писывается с союзниками «Мудросское перемиріе», по кото-
рому союзники, между прочим, получают право занимать
своими войсками любой пункт Турціи. Но союзники не толь-
ко никакого «пункта Турціи» не занимают, но даже не до-
бываются разоруженія турецкой арміи. Об этом, оказывае-
ся, англійскій адмирал *забывает* включить спеціальнй
пункт в условия договора о перемирії... Союзники, имѣя
возможность в любой момент занять столицу Турціи и
припудить константинопольское правительство к нужным
для них уступкам, упускают из виду значенія Анатолии и
стоявшей там вооруженной турецкой арміи.

Результаты этого ошибочнаго расчета не заставили себя
долго ждать. Сейчас же послѣ заключенія перемирія возни-
кает общество под названіем «Национальная Защита» («Мю-
дафайэ Милліе»), которое ставит себѣ цѣлью удержать
за Турціей Восточную Апатолію и, как об этом заявил
Реуф-паша, «воспрепятствовать присоединенію восточных
вилаетов к Арменіи»). Дѣятели этого общества объявили,
что «Населеніе Восточной Анатолии готово бороться до конца
против созданія армянскаго государства».

В началѣ 1919 г. образовывается ряд других націо-
нальных групп, главным образом из военных начальников
анатолийской арміи, и всѣ онѣ ставят себѣ цѣлью *силою*
оружія отстаивать національныя права Турціи и бороться
против чрезмѣрных требованій держав побѣдителей.

*) Jean Schlicklin, L'Aube de la Turquie Nouvelle.
1919-1922, стр. 19.

Через нѣсколько мѣсяцев, а именно лѣтом 1919 г. всѣ эти группы, в цѣлях координаціи своих дѣйствій, собираются на конференцію в Эрзерумѣ (10 іюля - 7 августа 1919 г.) гдѣ впервые и формулируются основныя программныя положенія національнаго движенія, получившія название «*Турецкаго Національнаго Пакта*». 15 іюля Эрзерумскій конгресс обращается с телеграммой к султану и сообщает ему содержаніе «Національнаго Пакта». Эта телеграмма кончалась слѣдующей угрозой по адресу союзников: «мы покажем міру, говорят турецкіе націоналисты, что может сдѣлать воля и храбрость турок и оттоманов».

9 сентября того же года собирается в Сивазѣ второй конгресс націоналистов, на котором председательствует приглашенный возглавлять движеніе Кемаль-паша. Сивазскій конгресс единогласно принимает всѣ статьи «Національнаго Пакта», порываетъ связь с константинопольским правительством и выбирает так называемый «Представительный Комитет» («Хіати-и-Темсиліе»), которому и вручает управление захваченными національным движеніем анатолійскими областями.

Конгресс особо обсуждает и главный пункт программы націоналистов — вопрос об Арменіи и по этому вопросу принимает соотвѣтствующую резолюцію, в которой турецкіи націоналисты заявляют, что «будут вести рѣшительную борьбу против всякаго движенія, поставившаго себѣ цѣлью созданіе во вред Турціи независимой Арменіи». Вообще Сивазскій конгресс принимает явно пантурскии характер, что показывает, между прочим, и нѣсколько своеобразный состав его. На нем кромѣ турок присутствовали, напри-

мѣр, делегаты и от тюрко-татарскаго населенія Кавказа, Сѣверной Персїи, Туркестана и пр.

Дальше событія развиваются в такой послѣдовательности. 12-го января 1920 г. в Константинополь открывается парламент новаго созыва, в состав котораго входит большинство участников конгрессов — лидеры національнаго движенія. 28-го января они вносят в парламент «Национальный Пакт», который принимается большинством голосов. Опасаясь, что дальнѣйшая дѣятельность националистически настроеннаго парламента создаст непосредственную угрозу для положенія союзников в Турціи, послѣдніе разгоняют этот парламент, арестовывают часть депутатов и занимают Константинополь.

Часть депутатов разогнаннаго парламента бѣжит в Анатолю, гдѣ они объединяются в так называемой «Группѣ защиты прав Анатоли и Западной Фракіи». Под руководством этого объединенія 23 апрѣля 1920 г. в Ангорѣ открывается Великое Национальное Собраніе, выдѣлившее из своей среды правительство — Совѣт Исполнительных Комиссаров — в вѣденіе котораго и передается руководство отдѣльными отраслями государственной жизни.

На этом заканчивается процесс организаци сил турецкаго національнаго движенія. Опираясь на них кемалисты, как извѣстно, доводят свою борьбу до благополучнаго конца, с одной стороны захватив в свои руки государственную власть над всей территоріей Турціи и с другой — вырвав в Лозаннѣ от союзников мир, на благоприятных для Турціи условіях.

Первенствующую роль в побѣдѣ турецких националистов сыграла их всѣруженная сила. Учитывая все ея значеніе и

удѣляя ей главное свое вниманіе, они, однако, не забывали и о других средствах, могущих оказать давленіе на союзников и, в особенности, на Англію. Одним из таких средств была угроза поднять против Англій весь туранскій и даже мусульманскій мір. Эта угроза, тогда была гораздо реальнѣе, чѣм до и во время войны и это потому, что лозунг освобожденія народов, ставшій таким популярным по окончаніи войны, коснулся и сознания туранских и вообще восточных мусульманских народов, пробудив в них чувство національнаго самосознанія. Первым его выраженіем было подчеркнутое высказываніе с их стороны симпатій к Турціи и к турецкому національному движенію. Кемалисты не преминули воспользоваться и этим орудіем, обращаясь главным образом к услугам орудовавших в Берлинѣ и в Москвѣ младотурок.

И, наконец, послѣднее, чѣм воспользовались турецкіе націоналисты, была сложившаяся послѣ войны международная обстановка и, в частности, начавшійся разногласія между союзниками с одной стороны и появленіе в Россіи большевистской власти — с другой.

С пораженіем Германіи прекратились тѣ особыя отношенія, которыя издавна существовали между нею и Турціей. Младотурки, как извѣстно, строили всю свою внѣшнюю политику на исключительной ориентаціи на Германію. Эта политика под конец привела Турцію к вассальному подчиненію Германіи. Турецкіе націоналисты всегда были против такой односторонней ориентаціи, а в послѣдній період войны, они даже открыто выступали с выраженіем неудовольствія против возрастающаго вліянія Германіи в Турціи и в Азій, видя в нем препятствія к осуществленію своих пантуранист-

ских планов. Послѣ перемирія турецкіе націоналитсы от-
вернулись от потерпѣвшей пораженія Германіи, обращая
свое вниманіе на тѣ новыя международныя взаимоотношенія,
которыя так выгодно для Турціи сложились послѣ міровой
войны. Россія, вчерашняя союзница Англіи и враг Турціи,
сегодня стала заядлым врагом Британской Имперіи и другом
національной Турціи, которая не только освобождалась —
по крайней мѣрѣ на время — от вѣчно угрожавшаго ей
русскаго имперіализма, но и в лицѣ Совѣтов пріобрѣтала
вѣрную против Англіи союзницу. Но в борьбѣ с Англіей, —
как вскорѣ это обнаружилось — кемалисты могли рассчиты-
вать не только на Россію, но и на самих союзников Англіи —
на Италію и Францію. Существующія между союзниками
разногласія по восточному вопросу привели к тому, что спер-
ва Италія, а потом и Франція начали тайно, а иногда и
открыто оказывать всяческую помощь Турціи в ея борьбѣ
с Англіей и греками. Италія по линіи Адалія-Конія снабжа-
ла кемалистов оружіем, Франція в самый разгар борьбы
бросила Киликію туркам, оставив им огромное количество
военнаго снаряженія и пр. Но самую большую помощь
кемалисты получили от русских большевиков. Теперь,
когда много тайнаго стало явным в большевистско-кемалист-
ских взаимоотношеніях, мы можем смѣло утверждать, что
Совѣтская Россія сыграла рѣшающую роль в торжествѣ
кемалистскаго оружія и что если Турція существует сегодня,
как самостоятельное государство, то оно этим обязано
главным образом русским большевикам.

Весьма любопытна исторія взаимоотношеній между
турецкими націоналистами и русскими большевиками. Она
возникает при самом началѣ турецкаго національнаго

движенія и развивается по двум направленіям: через младотурок и через кемалистов.

Послѣ бѣгства из Константинополя, младотурецкіе лидеры во главѣ с Талаат-пашою, собрались в Берлинѣ гдѣ и приступили к новой «дипломатической» дѣятельности, стараясь завязать связи с политическими кругами и общественными организаціями Европы, освѣдомлять их о положеніи вещей в Турціи, оказывая через них давленіе на официальные круги союзников, склонить послѣдних к болѣе уступчивой политикѣ в турецком вопросѣ. С этой цѣлью Талаат-паша имѣлъ ряд свиданій с представителями союзных держав и добрался даже до секретаря Соціалистическаго Интернаціонала.

Но вскорѣ они убѣдились, что однѣми просьбами и обращеніями они добьются не многого, что союзники будут с ними считаться лишь тогда, когда они будут представлять какую нибудь реальную силу. И вот, не имѣя этой силы, младотурецкіе лидеры рѣшили прибѣгнуть к шантажу, угрожая союзникам возстаніем мусульманских народов. Они считали, что такая угроза окажет давленіе в особенности на Англію и заставит ее отказаться от своих весьма агрессивных по отношенію к Турціи планов.

Не находя никакого сочувствія своим планам в Германіи, младотурки обратились к русским большевикам, тогда метавшим так много грома и молній по адресу империалистической Антанты. Через находившагося в Берлинѣ Радека они обратились в Москву, гдѣ и нашли полное сочувствіе своим авантюристическим планам. Русскіе большевики дали согласіе всячески поддержать дѣятельность Энвера и Талаата, при условіи, однако, чтобы турецкая агитація среди

мусульман не была направлена против Совѣтскаго Союза. В реальность возстанія не вѣрила, повидимому, ни та ни другая сторона, по оба союзника знали, что в тѣ смутныя времена их шантаж не может не оказать извѣстнаго воздѣйствія на союзников.

Послѣ формально заключеннаго соглашенія ряд младотурецких лидеров переселяется в Москву, гдѣ в 1919 г. основывает «Лигу Освобожденія Ислама» при Мусульманской Секціи Восточнаго Отдѣла Наркоминдѣла. Эта Лига должна была имѣть еще два отдѣла, один в Берлинѣ, а другой — в Анатолиі.

В январѣ 1920 г. в Берлинѣ была созвана под предсѣдательством Талаат-паши конференція западнаго отдѣла Лиги, на которой присутствовали: Гусейн Рашид бей (от Московскаго Центра), Кючук Талаат (от «Единенія и Прогресса»), Нури Бедри бей (от анатолійских курдов), Вехджед Рійят (как представитель афганцев), Гусейн эн Нонсинги (от націоналистов Египта), Гази заде (от Персидскаго Азербайджана), Аганур (от персидских націоналистов в Хамаданѣ) и др.

С докладом о дѣятельности Московскаго центра выступает Гусейн Рашид, который указывает, что работа Лиги, благодаря мощной поддержкѣ Совѣтскаго правительства, развивается весьма успѣшно и что воззваніе Лиги нашло отклики во всѣх мусульманских странах, начиная от Туркестана и кончая Малой Азіей. Конференція сочла необходимым установленіе тѣсной связи с организаціей анатолійских націоналистов (кемалистов), с мусульmano-большевическими группами («Единеніе и Прогресс») и с пангерманцами. Коснувшись вопроса об Арменіи, на которую

собирался наступать Кемаль-паша, собраніе подчеркнуло необходимость скорѣйшаго уничтоженія этой «плотины», выросшей между двумя вѣтвями единого тюркского народа.*)

Во всей этой *исторіи*, как мы указали выше, было много политическаго шантажа. Младотурки и не думали поднимать Индію или Египет против Англии, великолѣпно сознавая, что это сдѣлать не в состояніи. Главный плацдарм их дѣятельности была и осталась до конца Россія и главным образом Туркестан с Закавказьем. Развѣзжая на совѣтскія деньги по этим странам, они готовили мусульманскіе народы СССР к оказанію помощи Турціи, ведшей в то время неравную борьбу против союзников. Ими был придуман даже такой проект: в случаѣ неудачи національнаго движенія Кемалю, организованная младотурками из російских тюрко-татар армія врывается в предѣлы Турціи и объявляет ее совѣтской страной. Этим они рассчитывали спасти Турцію от окончательнаго раздѣла между союзниками. Большевики были в курсѣ этого «запаснаго» проекта и, поддерживая младотурок, они были увѣрены, что в концѣ концов логика вещей приведет турок именно к этому. С своей стороны, большевики вели свою особую работу на «совѣтизацію» Закавказья и Турціи, для каковой цѣли спѣшно организовывали из военно-плѣнных турок кадры компартіи Турціи.

Но успѣшное развитіе анатолійскаго движенія, выход из борьбы Италіи и Франціи и нейтралитет Англии быстро убѣдили Кемаль-пашу в том, что Турція легко справится с оставшимся в единственном числѣ врагом — греками и что

*) *Bolshevism and the Turks. Quarterly Review*, vol. 239. Jan.-April. 1923.

ей не нужно будет прибѣгать к помощи «запаснаго проекта» младотурок и большевиков. Придя к такому заключенію, Кемаль-паша перестал пользоваться и услугами младотурок, видя в них опасных для себя конкурентов. Разрыв его с младотурками поставил послѣдних в весьма затруднительное и ложное положеніе. Турція, та самая реально существующая Турція, от имени которой они выступали до сих пор, теперь объявляет, что она в них больше не нуждается и впредь хочет вести свою внѣшнюю политику *без посредников*, притом даже в той специальной области — в области взаимоотношеній с Совѣтами, — гдѣ, казалось, младотурки были незаменимы. Такое отношеніе Кемаль-паши лишило политику младотурок какой бы то ни было почвы. Младотурки постепенно исчезают с политической арены. Главные их лидеры: Талаат-паша, Бухаэддин Шакир и Джемаль паша были убиты армянскими террористами за учиненные ими погромы армян во время войны, остальные вернулись в Турцію работать с кемалистами, а оставшаяся в предѣлах СССР группа во главѣ с «коммунистом» Энвер-пашой, раскрыла свои панисламистскія карты и подняла против самих Совѣтов, организовав на совѣтскія деньги и предназначенныя для борьбы с Англійей, мусульманскія массы Центральной Азіи. Но в одном из боев Энвер был убит и на этом прервалась полная авантюристическая дѣятельность младотурков СССР.

Гораздо серьезнѣе были — по своему содержанію и послѣдствіям — тѣ взаимоотношенія, которые возникли уже между турецкими націоналистами (кемалистами) и русскими большевиками, приведшія, как извѣстно, к знаменитому договору дружбы, заключенному между ними в 1921 г.

В началѣ 1919 г. Кемаль-паша еще в Константинополѣ завязал сношенія с большевиками. Посредником был нѣмецкій полковник Шварц, который устроил свиданіе между ним и проживавшим в Константинополѣ большевикским агентом, нѣким Кадом. Послѣ этого свиданія, Кемаль, с согласія Москвы, послал туда журналиста Джелала Нури, который был принят там с большим почетом и имѣлъ аудіенцію даже у самаго Ленина. Глава русских коммунистов снабдил турецкаго журналиста большими деньгами, которыя он должен был употребить на коммунистическую пропаганду в Турціи. Джелал Нури вернулся через Баку в Эрзерум и деньги эти полностью передал турецким націоналистам.

Послѣ этого между кемалистами и русскими большевиками установились тѣсныя взаимоотношенія, перешедшія вскорѣ в прямое сотрудничество, о чем они и заключили осенью 1919 г. в Самсунѣ соответствующее соглашеніе.

На Сивазском конгрессѣ, имѣвшем мѣсто уже по заключеніи этого соглашенія, мы видим в числѣ других делегатов и представителя Мусульманской Секціи Восточнаго Отдѣла Наркоминдѣла, нѣкоего Агапара Махмудова (русскаго татарина). Выступая от имени Совѣтской власти этот «делегат» увѣрял турок, что большевикское правительство является «другом и защитником ислама» и в частности «борющейся против имперіализма революціонной Турціи». Затѣм от имени своего правительства он признал турецкій «Национальный Пакт» и обѣщал оказывать всяческую поддержку туркам в дѣлѣ осуществленія принципов этого «Национальнаго Пакта».

Таким образом в тот момент, когда турецкіе націоналисты еще находились в стадіи организаціи своих сил, когда

они имѣли против себя не только державы Антанты, но и само константинопольское правительство — объявившее Кемаль-пашу мятежником — совѣтское правительство безоговорочно и открыто встало на сторону турецких націоналистов, общая им всяческую поддержку.

В чем тут было дѣло и какіе такіе общіе интересы связывали большевиков и кемалистов?

Когда возникло національное движеніе в Турціи, эта послѣдняя не имѣла уже *общих границ* с Россіей и *тѣх* *россійскія территории (Закавказье), с которыми были связаны пантуранистскіе интересы турок, находились внѣ предѣлов Совѣтской власти.* Там распоряжалась теперь не Россія, а союзники, отнявшіе у турок не только «освобожденную» ими часть территоріи Турана (Азербайджан, Дагестан), но и своими проектами созданія великой Арменіи грозившіе раз на всегда похоронить идею пантуранизма. Вот почему в условіях тогдашняго времени борьба за Туран означала борьбу не против Россіи, а против союзников и главным образом против Англии. Но Англию и вообще державы Антанты ненавидѣли и русскіе большевики, ненавидѣли, имѣя на то свои особыя соображенія. Вот эта общая ненависть и привела кемалистов и русских большевиков к соглашенію и к союзу.

Заключая союз с Совѣтами, турки руководились исключительно своими національными интересами. Их положеніе тогда было таково, что этот союз принес бы им неизмѣримую пользу даже в том случаѣ, если бы его результаты сводились исключительно к соблюденію нейтралитета со стороны Россіи. Вообразите на миг, что стало бы с Турціей, если бы она имѣла тогда в своем сосѣдствѣ не то что враждеб-

ную, но хотя-бы только недоброжелательно настроенную Россію! Тогда ее не спасло бы ничего! И вот вмѣсто этого турки пріобрѣтают в лицѣ Россіи союзницу, которая оказывает им моральную, дипломатическую и матеріальную помощь и, главное, не требуя ничего взамѣн! Вѣдь единственное, что требовали большевики от турецких націоналистов, это — продолженіе борьбы против союзников до удовлетворенія ими требованій «Національнаго Пакта», что турки дѣлали и без того.

Эту безкорыстную дружбу большевиков турки использовали в полной мѣрѣ и не только в борьбѣ против чрезмѣрных домогательств союзников. Они ее использовали и в борьбѣ за свои «добавочныя», связанные с пантуранистскими вождѣленіями, цѣли. Успѣхом этой борьбы, разыгравшейся в предѣлах Закавказья (Арменія) и кончившейся захватом Турціей части территоріи бывшей Россійской Имперіи, кемалисты в значительной мѣрѣ обязаны опять таки русским большнникам.

Мы выше указали, что кемалистское движеніе было по существу не только національно-турецким, но пантюрокским или пантуранистским движеніем. Это в полной мѣрѣ доказывается и тѣми задачами, которыя оно поставило перед собою на своем восточном фронтѣ. Эти задачи, на худой конец, свелись бы к требованію возстановленія на востокѣ границ 1914 г., если бы турецкіе націоналисты ограничились осуществленіем только своих національных цѣлей, вытекающих из непосредственных интересов анатолійских турок. Но мы знаем, что кемалисты, слѣдуя примѣру младотурок, домогались большаго. Они хотѣли на своем востокѣ создать по крайней мѣрѣ такое положеніе вещей, при котором путь

к Турану оставался бы открытым перед нами. Вот это-то обстоятельство и породило ту особую по отношению к Закавказью политику, которую кемалисты проводили с таким рвением и последовательностью.

Первой задачей, продиктованной этой политикой, было уничтожение армянского клина (независимая республика Армения) и установления территориальной связи с Азербайджаном. На осуществление этой задачи и посвятили кемалисты все свои силы.

В первый период после перемирия, когда еще было сильно влияние союзников в Закавказьи, кемалисты не делали открытых выступлений против Армянской Республики, у них была тогда другая забота: помешать присоединению к этой республике армянских областей Турции. С этой целью заключается 15 апреля 1920 г. военное соглашение между турецкими националистами и Азербайджанским правительством, в пункте 7-м которого сказано следующее: «Комитет Защиты прав Анатолии и Румелии дает категорическое обещание, что в случае, если Армения нападет на Азербайджан, и Азербайджанское правительство с своей стороны дает такое же категорическое обещание, что в случае, если восточные вилайеты Турции будут отданы и присоединены к Армении — в обоих этих случаях заключившая соглашение стороны взаимно обязуются защищать свои интересы и действовать как единая армия».

Защищать права Турции на эти армянские области обязуется и советская Россия, торжественно присоединившись на Сивасском конгрессе к турецкому «Национальному Пакту». Пятый пункт вышеупомянутого турецко-азербайджанского договора предусматривает заключение чего-то

в родѣ тройственнаго (Турція, Азербайджан, Совѣтская Россія) соглашения, направленнаго против проектов созданія объединенной Арменіи. Он гласит так: *«Правительство Азербайджана обязано продолжать способствовать сближенію между Совѣтской Россіей и «Комитетом Защиты прав Анатолиі и Румелии» В случаѣ необходимости и оно само присоединяется к этому согласію»* Договор этот был подписан в Эрзерумѣ товарищем военного министра Азербайджана Али Ага Шихлинским и командующим 15-ой турецкой арміей Карабекиром Кязум-пашою. Вот что пишет этот послѣдній по поводу договора в одном своем письмѣ: *«На основаніи условій договора, заключеннаго между нами, Азербайджаном и большевиками большое количество наших офицеров, врачей и служащих потягло в Азербайджан. Большевики предложили нам немедленно открытъ против армян военныя дѣйствія на границах Арменіи и против французов в Киликіи. Организованная в Дагестанѣ зеленая армія. *) под руководством Энвера, Нури и Халила, должна пытаться в началѣ апрѣля войти в Баку. Азербайджанскія войска должны оказать им мнимое сопротивленіе, чтобы оправдаться потом перед союзниками. Объединившись с зеленой арміей, азербайджанскія войска должны искать повод к столкновению с Арменіей и одновременно с находящейся в Анатолиі турецкой арміей ворваться в предѣлы Арменіи и начать военныя дѣйствія против Армянской Республики».*

За этим подготовительным періодом переговоров и военных соглашеній слѣдует період открытых дѣйствій. Он

*) Зеленая армія, т. е. мусульманская армія. Так называется она по зеленому цвѣту знамени Магомета.

наступает тогда, когда союзническія арміи, перед угрозой столкновенія с спускавшеюся с Сѣвера красной арміей, оставляют Закавказье.

Но уход союзников из Закавказья открывает не только его южныя границы перед турками, но и сѣверныя — перед большевиками. Наступает весьма деликатный момент в турецко-большевицких отношеніях. Экономическіе интересы Совѣтской Россіи (бакинская нефть) сталкиваются с политическими интересами національной Турціи (пантуранизм). Конфликт этот разрѣшается, однако, без употребленія оружія друг против друга и на *компромиссных* началах.

Кемалисты в полной увѣренности, что тюркскій Азербайджан при всяких условіях останется вѣрным Турціи, дают свое согласіе на ввод туда большевицких войск. Это произошло тогда, когда турецкіе пашы пользовались большим почетом у большевиков, когда всевозможныя «кампаніи» по организациі красно-зелено-руско-татарских армій были в полном разгарѣ. Эти арміи, как думали кемалисты, и должны были занять Баку, так что с совѣтизаціей Азербайджана там особых измѣненій не могло бы произойти. Вот как об этой любопытной исторіи рассказывает Кемаль-паша в своей рѣчи, произнесенной на засѣданіи Турецкаго Большаго Національнаго Собранія: *«Большевики, говорит Кемаль-паша, в цѣлях осуществленія своих планов и оцѣнивая ту пользу, которую представляет турецкій народ для них, обратились к нашей поддержкѣ. Первым их шагом была посылка 10-ой и 11-ой арміи на кавказскій фронт. Эти арміи довольно легко прошли через Сѣверный Кавказ и вошли в Азербайджан, благодаря нашему содѣйствию и руководительству. Азербайджанцы встрѣтили эти войска с большим удоволь-*

ствіем. Эти арміи предприняли нужные шаги с одной стороны против Арменіи и с другой — против Грузіи».

Но «жертвуя» Азербайджаном, турки требовали себѣ компенсаціи в вопросе об Арменіи. Они хотѣли уничтожить Армянскую Республику и захватить армянскія земли, но для этого им нужна была помощь Совѣтов. Эта помощь не замедлила притти. На второй же день совѣтизации Азербайджана его новое правительство совместно с командованіем 11-ой красной арміи*) начали бомбардировать правительство Арменіи ультиматумами, которые всё кончались угрозами «осуществить свои требованія силами красной арміи РСФСР». Возложенную на совѣтскій Азербайджан задачу *занимать Арменію впредь до окончанія Турціей своих военных приготовленій, они выполняли блестяще. Об этом свидѣтельствует и Исмет-паша в своем письмѣ от 1 августа 1920, отправленном на имя Карабекира Кязум-пашы. «Мало вѣроятно, пишет Исмет-паша, чтобы Арменія, так занятая нашими союзником Азербайджаном, была в состояніи нападать на ваши области**»). Халил-паша, который находится в командном составѣ турко-азербайджано-русских сил, успокаивает нас из Москвы, уверяя, что в случае нападенія Арменіи на наши границы, она встрѣтит грозную силу у себя в тылу»***)*

Осенью 1920 г. турки были уже окончательно готовы

*) Об этой арміи Карабекир Кязум паша так выражается в одном из своих писем: «... Кроме того, 11-ая исламская армія (большевическая) пришла нам на помощь. Она перешла нашу кавказскую (он хочет сказать Азербайджанскую) границу».

***) Все восточные вилайеты Турціи (армянскія области) были вверены тогда Карабекиру Кязум-пашѣ.

***) Сводка Развѣд. Отд. Штаба Ком. Войсками Арменіи, 3 сент. 1920 г. N 21.

как в военном так и в дипломатическом отношеніи. Четыре анатолійских дивизіи и турецко-курдскія иррегулярныя части были стянуты к границам Арменіи. Было обезпечено, как мы видѣли содѣйствіе и помощь азербайджано-большевицких сил. Оставалось выяснить вопрос о позиціи Грузіи. И вот по настоянію Кемаль-паши бывш. Ангорскій министр земледѣлія Юсуф Кемаль выѣзжает из Баку (гдѣ он находился в числѣ других турок в качествѣ делегата на большевицком конгрессѣ восточных народов) в Тифлис, гдѣ на слѣдующій же день имѣет свиданіе с предсѣдателем Грузинскаго правительства Н. Н. Жорданія и министром иностранных дѣл Е. П. Гегечкори. Это свиданіе кончилось... обѣдом в честь Юсуфа Кемалья, что свидѣтельствовало о том, что миссія турок прошла благополучно. Через два дня Юсуф Кемаль, повидавшись с совѣтским полпредом в Грузіи Кировым, выѣхал в Анатолію.*)

Военныя дѣйствія между Кемалистами и Арменіей начались...

Азербайджано-большевицкія части, поддерживая турок, наступали с востока, со стороны Нахичевани и Казаха. Карабекир Кязум-паша шел с запада Арменіи и скоро занял Саракамышь и Карс. Арменія была побѣждена и ей были предъявлены весьма тяжелыя условія мира со стороны турок. Улучшив удобный психологическій момент, совѣтскій представитель в Арменіи Легран 30 ноября 1920 г. предъявил ультиматум от имени ЦК Компартіи правительству Арменіи, потребовав передачи власти большевикам над той армянской территоріей, которая не была еще занята турками. Армян-

*) Письмо Ангорскаго Корреспондента в «Журналь д-Оріан» от 15 октября 1929 г.

ское правительство, чтобы спасти остаток своего народа от турецкаго ножа, пошло на это, и раздѣл Арменіи между Турціей и Совѣтами стал совершившимся фактом.

Турецко-большевицкія отношенія завершились заключеніем Московскаго договора «дружбы и братства» 16 марта 1921 г. По этому договору к Турціи переходили из территории Закавказья: Карская, Ардаганская области и Сумалинскій уѣзд. Грузія, Азербайджан и часть Арменіи входили в состав СССР, как самостоятельныя національно-совѣтскія республики. В цѣлях сохраненія территориальной смежности с тюркским Азербайджаном, Турція ввела в договор отдѣльный пункт (третій), по которому находящійся между новыми турецкими владѣніями (Сурмалинскій уѣзд, Эрив. губерніи) и Азербайджаном Нахичеванскій район изымается из под власти Арменіи и передается под протекторат Азербайджана.

Московским договором кончается «бурный» період совѣтско-турецких отношеній, которыя послѣ этого стабилизируются, принявъ форму «дружбы и братства».

Естественно возникает вопрос: каковы его итоги?

Какія цѣли поставили себѣ большевики, входя в сношенія с младотурками и с кемалистами, и чего добились они?

Максимальная цѣль большевиков, как надо предполагать, была совѣтизація Турціи. Потратив на это не мало человѣческих жизней, людской энергіи и народных денег, большевики, как извѣстно, этой своей цѣли *не достигли*.

Вторая их задача — по нисходящей градации — была поддержаніе в Турціи «революціонной ситуациі» до тѣх пор, пока это будет выгодно совѣтам в их антиантантских цѣлях. Самое основное в этой политикѣ было: помѣшать Турціи вести самостоятельную международную политику

и, в особенности, установить мирныя взаимоотношенія с державами согласія. Лозанскій мирный договор доказывает, что большевики и этой своей цѣли *не достигли*.

И, наконец, третья цѣль: мирное урегулированіе вопроса о Закавказьи. Когда начались турецко-большевицкія сношенія турки были выгнаны из Закавказья и брест-литовскій договор, по которому к старой Турціи переходили нѣкоторыя Закавказскія области, был отмѣнен. Далѣе как международное так и внутреннее положеніе Турціи было таково, что она и мечтать не смѣла не то что о Закавказьи, но и о сохраненіи своих восточных вилаѣтов. Совѣтская Россія — и лишь она одна — создала ту силу, с которой ей-же пришлось потом считаться при урегулированіи вопроса о Закавказьи. Если большевицкая политика по отношенію к закавказским республикам шла с самаго начала по линіи их захвата, то и тут можно было бы обойтись без помощи Турціи. Самую сильную из этих республик — Грузію большевики захватили своими силами и приходится удивляться что для захвата самой слабой — Арменіи им нужна была помощь кемалистов!

Резюмируя, мы должны констатировать, что в совѣтско-кемалистских отношеніях большевики оказались стороной, которая до конца поступала согласно завѣтам Христа: давала, не ожидая компенсаціи и давала не скупясь...

Что получили кемалисты? Прежде всего *сильное и независимое* государство и притом исключительно благодаря помощи русских большевиков. Чтобы как слѣдует оцѣнить все значеніе этой помощи, надо вспомнить, что в началѣ турецкаго національнаго движенія положеніе было так безнадежно, что даже нѣкоторые кемалисты (Бекир Сами и

др.) видѣли единственный выход в отказѣ от независимости и в испрошеніи американскаго мандата над Турціей.

Что же касается интересующаго нас вопроса — пантуранизма, то в этой области Московскій договор дал туркам многое, но не все. Турки не осуществили своего національнаго идеала — созданія объединенной Тураніи, великой имперіи всѣх тюрко-татарских племен. Но они, благодаря своим взаимоотношеніям с большевиками, спасли идею пантуранизма от окончательной гибели. Закрѣпив за собою армянскія области в Турціи, захватив нѣкоторыя части в Закавказьѣ и установив таким образом территориальную смежность с Азербайджаном, — гдѣ до сих пор господствует их вліяніе, — кемалисты создали исходныя и весьма удобныя позиціи для практическаго осуществленія своих пантуранистских планов в будущем.

«Дружба и братство», укрѣпленные Московским договором между Совѣтской Россіей и Турціей дали кемалистам и другое: они сдѣлали необходимым для большевиков продолженіе своей «восточной политики» в СССР, в результатѣ чего пантуранистскія идеи стали пышно расцвѣтать среди тѣх тюрко-татар Россіи, которые были вызваны большевиками к національно-государственной жизни чуть-ли не мѣрами принужденія.

Сохраненіе большевистскаго режима в Россіи, его дальнѣйшее существованіе и укрѣпленіе, пантуранизм считает в высшей степени благоприятным для своего будущаго...

ПАНТУРАНИЗМ В НАШИ ДНИ.

Жива ли идея пантуранизма в современной Турціи, или же она, сыграв свою роль в жизни турок, отошла в область исторіи, другими словами, каково отношеніе Ангоры к пантуранизму?

Ангора в настоящее время находится в «дружбѣ и братствѣ» с Россіей. С другой стороны, как мы видѣли, против этой же Россіи направлено пантуранистское движеніе, осуществленіе конечной цѣли котораго — созданіе Объединенной и Независимой Тураніи — связано с распадом и развалом россійскаго государства.

Это обстоятельство создает весьма *деликатное* положеніе для сторонников пантуранизма в Турціи и в особенности для тѣх из них, которые занимают высшіе государственные посты...

Вот почему Мустафа Кемаль паша, вслѣд за заключеніем русско-турецкаго договора, вынужден был *официально* осудить с кафедры Великаго Національнаго Собранія пантуранизм, смѣшав его почему-то с панисламизмом.

«Одной из причин наших нынѣшних бѣдствій, сказал

он, являются неосуществимые программы и планы наших бывших руководителей. Они захотѣли создать обширную имперію, объединив в ней всѣ мусульманскія и туранскія племена. Отсюда и возник панисламизм и пантуруанизм. Вот именно эти мечты и толкнули партію «Единен е и Прогресс» к участию в великой войнѣ. Но эти идеалы слишком эфемерны. Будем же мы в нашей политикѣ болѣе скромны и реалистичны! Вот как я лично понимаю панисламизм: как народ мусульманскій, мы в высшей степени заинтересованы в судьбѣ наших братьев, находящихся в других странах. Мы хотим видѣть их в счастьи и в благоденствіи и в особенности желаем, чтобы они обезпечили себѣ независимость... Но положить в основу нашей дѣятельности эти наши чувства и вести панисламистскую политику, значило-бы повредить нашему дѣлу и подвергнуть опасности нашу страну. Мы сочувствуем их дѣлу, но бороться за него не можем. Мы не мечтатели, не панисламисты и не пантуруанисты. Наша цѣль — обезпеченіе собственной независимости и ни за что другое крови мы проливать не будем*).

Эти слова успокоили бы многих, тревожащихся за мир на Ближнем Востокѣ, являясь лучшим доказательством происшедшей в умах турецких государственных дѣятелей переменъ... если бы они были искренни.

Но, к сожалѣнію, дипломатическія заявленія, как говорит архи-дипломат Бисмарк, предназначены для того, чтобы скрывать, а не выражать мысли и намѣренія их автора. Таковы и заявленія Мустафа Кемаль-паши. И это понятно, потому что тогда, глава турецкаго національнаго движенія

*) M-me B. G. Gaulis: Angora, Constantinople. Londres. 1922.

дѣлал эти свои заявленія, Турція вела еще борьбу за свое существованіе и в этой борьбѣ единственную помощь она получала от Совѣтской Россіи.

Приблизительно также объясняет выступленіе Мустафа Кемаль-паши один из его сподвижников, предсѣдатель «Турецких Очагов» — Амдулла Субхи. В своей бесѣдѣ с той же Мисе Gaulis, Субхи, рассказывая довольно подробно и вдохновенно о цѣлях и задачах турецких націоналистов. прибавляет, что все это (т. е. пантуранистскіе планы) — его собственныя, а отнюдь не Мустафа Кемалья мысли и что в этом вопросѣ они не всегда и не во всем созгласны с Кемаль-пашой, перед которым, как перед государственным дѣятелем стоит всегда конкретныя и из требованій настоящаго момента вытекающія задачи. Сам же он является, мол, только обыкновенным интеллигентом.*)

Из этих туманных объясненій бывшаго министра Кемалья не трудно заключить, что если и существуют между диктатором и его приближенными разногласія по вопросу о будущих цѣлях Турціи, то они во всяком случаѣ носят не принципиальный и скорѣе тактическій характер. Кемаль, как отвѣтственное лицо и как болѣе осторожный человек, держится того мнѣнія, что время для открытых высказываній по вопросу о пантуранизмѣ еще не пришло, а Субхи и иже с ним — «простые интеллигенты» — ни с какими такими соображеніями считаться не желают.

Что же касается существа заявленія Кемаль-паши, то тут мы должны признать, что в одном своем утвержденіи —

*) M-me Berthe. Georges-Gaulis. Angora, Constantinople. Londres. 1922 стр. 4-6.

и лишь в этом — он прав: Кемаль и его сторонники дѣйстви-тельно не являются *панисламистами*.

Правда, Кемаль не затруднился для своего политическаго *шантажа* обратиться и к помощи панисламизма. Так, напримѣр, всѣм памятна Сивазская конференція, гдѣ за-сѣдали видные представители всѣх *магометанских* стран — и не только суннитских но и шитских. Пригласив к себѣ «всю Азію и Африку», Кемаль использовал их присутствіе для запугиванія Европы*) и отчасти ему это удалось. Не будь этой большой демонстраціи, не будь союза с Афгани-станом и Персіей и соглашенія с индійскими націоналистами и вообще не будь давленія, оказаннаго всѣм *мусульманским міром* на Англію и Францію, Кемаль-паша навѣрно не удалось бы выиграть свою борьбу и склонить союзников к Лозанской капитуляціи.

Однако все таки вѣрно то, что исламская политика Кемаль-паша отнюдь не есть панисламизм Абдул Гамида или «Единенія и Прогресса». Прежде всего в ней не было того завоевательно-имперіалистическаго элемента, который так отталкивал и пугал всѣх магометан не-турок. Націо-нальная Турція рѣшила не давать никаких поводов к подозрѣніям на этот счет. И она, дѣйствительно, не таит ни-какого стремленія создать мусульманскую имперію под своим главенством. Ея идеал — не *панисламизм*, а *націо-нализм*, как неоднократно заявлял Кемаль-паша, сущность политики котораго сводится к использованію того братскаго чувства, которое на самом дѣлѣ питают друг к другу му-сульманскіе народы. Кемаль-паша хочет выступать перед

*) *Islamie. Neus.* 27 Jan. 1920.

нотальными мусульманскими народами не в качестве грозного повелителя, а любящего друга и брата, сочувствующаго дѣлу их національнаго освобожденія.

Національная Турція была убѣждена, что эта новая политика принесет ей больше пользы, чѣмъ старомодный панислаимизм. И в доказательство искренности этого своего убѣжденія, она отказалась от прерогатив религіознаго верховенства, упразднивъ в 1924 г. халифат. Этим своим актом Турція выиграла многое, ничего не потерявъ. Тюркисты давно уже поняли и заявляли о банкротствѣ панислаимизма, и великая война подтвердила правильность их точки зрѣнія. Несмотря на объявленіе священнаго войны ни одна из мусульманскихъ стран, подвластныхъ державамъ Антанты, не поднялась противъ нихъ, напротивъ, начиная отъ Алжира до Калькуты, всѣ мусульмане вошли в ряды армій союзниковъ и дрались противъ Турціи и центральныхъ державъ. Не смотря на многолѣтнюю пропаганду, мусульманскій міръ продолжалъ не признавать верховнаго суверенитета Стамбула. В пятничной «хуббе» (молитва) марокканцы продолжали поминать Мулла - Юсуфа, Афганцы — кабульскаго эмира, Арабы — Гусейна; шииты Персіи, Ирака и Индіи продолжали оставаться вѣрными вѣроученію Али, Сеидисты Іемена — Иمامу Яхїѣ, Вагабиты — Ибн Сеуду, друзья — Хакиму и т. д.

Такимъ образомъ халифатъ оттоманскихъ султановъ, который вообще говоря не имѣлъ в прошломъ серіозной исторической основы, оказался и в настоящемъ лишеннымъ всякаго реальнаго значенія.

Но вмѣстѣ с тѣмъ вопросъ о халифатѣ в продолженіи ряда столѣтій отравлялъ арабо-турецкія отношенія. В глазахъ арабовъ турки были узурпаторами, ибо они не имѣли никакого

права называться преемниками Пророка, когда в Аравии существовали шерифы, — в чьих жилах текла Курейшская кровь.

И практические пантуранисты во имя своих племенно-национальных целей отказались от этого яблока раздора, чѣм и приобрѣли дружественный нейтралитет арабов. Мусульманскій міръ, за исключеніем двух-трех индійских вождей, не осудил этого шага Ангоры и простил ей, как семья прощает шалости своего блуднаго, но преуспѣвающаго сына.

Свой престиж у мусульманских народов Новая Турція сохраняет не как центр халифата, а как независимая и побѣдоносная страна. А в глазах національной молодежи этих стран, она окружена ореолом передовой и не-империалистической націи.

Что же касается пантуранизма, то нѣтъ никакого сомнѣнія в том, что идея объединенія всѣх тюрко-татарских народов и в настоящее время является національным идеалом турок. И правительство Кемаль-паши, не только разрѣшает открытую и свободную пропаганду этой идеи у себя в странѣ, но и оказывает ей всякое покровительство, а иногда и само навязывает ее населенію силою своего авторитета.

Еще на зарѣ кемалистскаго движенія активная часть турецкаго общества заявила себя сторонницей пантуранизма и стала открыто пропагандировать идею объединенія турок Россіи и Малой Азіи. Так напримѣръ, в январѣ 1920 г., когда столица Турціи находилась еще под властью союзных держав, в ней состоялся грандіозный митинг, на котором в защиту пантуранизма выступили такіе видные вожди его, как Юсуф Акчура, Амдулла Субхи, Халиде Эдиб Ханум и др. Видная націоналистская писательница Халиде Ханум

выдвинула в своей рѣчи требованіе распространенія господства Турціи на Кавказ и Туркестан. Другой оратор, Юсуф Акчурра, превознося память дарданелльских бойцов, павших за свободу всѣх угнетенных тюрков, указал, что жертвы эти не прошли даром, ибо благодаря им возник независимый Азербайджан. Далѣе Акчурра говорил о необходимости «уничтожить Армению, эту плотину, которую союзники хотят воздвигнуть между двумя тюркскими народами: малоазіатскими и кавказскими.»

«Турція, потерпѣвшая нынѣ военное поражение в политическом отношеніи — закончил Акчурра, — оказалась побѣдительницей именно благодаря пантюранизму»^{*)}).

Это настроеніе явилось доминирующим и в турецком національном движеніи, всѣ видные руководители котораго, — они же создатели Кемалистской Турціи — были одновременно и руководителями пантюранистскаго движенія. Они и сейчас составляют окруженіе турецкаго диктатора. Юсуф Акчурра, Ахмед Агаев, Али Гусейнзаде (всѣ три русскіе татары), Зія Гек Альп (недавно умершій), Фуад Копрюльзаде, Мехмед Эмин, Амдуллах Субхи, Али Гайдар, Халиде Эдибханум (поссорившаяся теперь с Кемалем), Джелал Нури, Зія Нур, Якуб Кадри, Юнус Нади, Румен Эшраф, Фалих Рефке и др., вот имена тѣх пантюркистов, кто руководит в настоящее время всей внѣшней и внутренней политикой Турціи, состоя членами правительства, Національнаго Собранія и различных общественных союзов и орагнизацій («Тюркскіе Очаги»).

«В Турціи Божій меч находится в руках народа, а Божье перо — в руках тюркистов», говорит Зія Гек Альп. И это по-

^{*)} R. Pinon. L'offensive de l'Asie. Revue des Deux Mondes, Paris, 15 avril, 1920.

нятно. Кемалистская «Революція», совершив в странѣ идейный и бытовой переворот, должна была опираться и на новых людей, шедших на смѣну младотуркам. Этими новыми людьми оказались как раз *пантюркисты*, идеи которых противопоставлялись идеологии партіи «Единеніе и Прогресс». Вот как пишет об этих двух идеологиях Фалих Рефке в «Хакимете и Миллие». «Вопрос о Мустафѣ Кемалѣ, пишет он по поводу раскрытаго покушенія на диктатора, начинается не с 1919 г., а с первых дней конституціи... тогда существовали двѣ взаимноборющіяся идеологии: одна — «Единенія и Прогресса», другая — Мустафы Кемаля». После всего того, что мы говорили о борьбѣ между идеологиями «*оттоманизма*» и «*пантюркизма*», младотурецкой и націоналистской, не трудно заключить, что идеология Мустафа Кемаля, которая противопоставляется идеологии младотурок, есть ничто иное, как *пантюркизм*. Что это так, свидѣтельствует такой авторитет в вопросах пантюркизма, как Зія Гек Альп. «Можно сказать, говорит он, что «Национальный Пакт» вышел из программы тюркизма». Далѣе, чтобы подчеркнуть всю важность личной роли диктатора в осуществленіи этой программы, Зія говорит, что ему одному принадлежат лавры побѣды, ибо «мечтать и программы сочинять не трудно; трудно их осуществлять»...

И Кемаль-паша, дѣйствительно, претворил в жизнь то, что многим казалось лишь мечтой. Всѣ его дѣла — как военного так и мирнаго времени, --носят неизгладимую печать символа вѣры пантюркизма. Всѣ его столь прославленные реформы являются осуществленіем пункт за пунктом программы пантуранистов, формулированной ими еще задолго до появленія на политической сценѣ Турціи Кемаля.

Возьмем самую основную из этих «реформ» — преобразование турецкаго государства по признаку однородности его населенія. Как об этом мы уже упоминали выше, Кемаль-паша в этом отношеніи был лишь продолжителем дѣла младотурок, которые, во время войны, придя к убѣжденію в правильности этого требованія тюркистов, взялись за его осуществленіе, вырѣзав поголовно одно из національных меньшинств — армян. Кемаль-паша продолжая это жестокое и варварское дѣло, успѣл покончить с другим меньшинством — с греками. В настоящее время, как мы опять таки указывали, он занят «вычищеніем» курдов, примѣняя к ним тѣ же методы, что были примѣнены к армянам и грекам. И, наконец, в отличіе от младотурок и в полном соотвѣтствіи с программными требованіями тюркистов, Кемаль-паша рѣшил не щадить и тѣ меньшинства, которыя до сих пор, будучи связаны вѣроисповѣдными узами с турками, были всегда вѣрны турецкой государственности. Таковы, например, черкесы, лазы, тѣ же курды и др. Кемаль не довѣряет и им. Взявшись за послѣдовательное осуществленіе лозунга тюркизма: «Турція — только для турок», кемалистское правительство издало ряд законов и административных распоряженій, цѣлью которых является распыленіе и разсѣяніе по Турціи этих меньшинственных обществ и облегченіе, таким образом, их быстрой ассимиляціи. Перед всѣми, уже составляющими *quantité negligible*, національными меньшинствами Турціи, поставлена правительством Кемала грозная альтернатива: «или ассимиллироваться, стать турками — или уйти из Турціи».

Таковы и остальные реформы.

Реформа турецкаго языка: очищеніе его от иностранных

элементов (главным образом арабских и персидских) и уничтожение арабского шрифта; обращенность к народу и к западной цивилизации; борьба против халифата, как естественный вывод противопоставления пантуранизма панисламизму; преследование старых турок, носителей идей оттоманизма и т. д. и т. д. все это является отнюдь не плодом «генія» Кемаля, а программными пунктами пантюркизма.

И, наконец, знаменитый «Национальный Пакт», в котором формулированы требования, во имя осуществления которых велась борьба турецкими националистами. Мы уже знаем об этом «Пактѣ» мнѣніе Зія Гек Альпа. Чтобы убѣдиться в том, что дѣйствительно «Национальный Пакт» кемалистов есть переложение программы пантюркистов, возьмем хотя бы его первую статью, опредѣляющую территориальныя границы Турціи, которых добивались кемалисты.

«Тѣ территоріи — безотносительно к тому находятся ли онѣ в предѣлах опредѣленных перемиріем границ или внѣ их — которыя населены турецко-мусульманским большинством и которыя с точки зрѣнія религіи, этническаго происхожденія и стремленій представляют одно компактное цѣлое, не должны быть расчленены». Ясно, что в основѣ этого требованія лежит знаменитая пантуранистская формула: «Ил, дил, дин ве дилек бирліи», т. е. единение племен, языка, религіи и стремлений.

Что, дѣйствительно, кемалисты так и понимают границы Турціи, формулированныя в «Национальном Пактѣ», видно еще из слѣдующаго, разыгравшагося между двумя турецкими журналистами маленькаго инцидента. Когда года три тому назад проживающій в Константинополѣ лидер Азербайджанской партіи «Мусават» Расул Заде был назван в

одной из турецких газет *эмигрантом*, то вся турецкая печать подняла настоящій вой. «Ни один азербайджанскій тюрк, писала газета «Вакит»*), в Турціи не является эмигрантом, потому что для всякаго турка, понимающаго значеніе границ, опредѣленных в «Національном Пактѣ», всѣ территориальныя части (земли) Турціи одинаковы».

Таким образом Азербайджан объявляется нераздѣльной частью Турціи и это при существованіи договора «дружбы и братства» между Турціей и СССР. Заявленія и разсужденія в таком духѣ, очень часто исходящія от самых отвѣтственных людей, можно встрѣтить чуть не каждый день в турецкой печати. Вот, напримѣр, разсужденія Ахмеда Агаева — правой руки Мустафы Кемала — о сущности турецкаго націонализма. «Ангора националистическая, — говорит Агаев — в том смыслѣ, что она отказавшись от претензій старой Оттоманской Имперіи, стремится создать тюркскій очаг, в своих этнографических границах»... «Она польщена тѣм, что готова свою независимость посвятить дѣлу возсозданія этого тюркскаго очага**). Если вспомнить как тот же Агаев опредѣляет этнографическія границы тюркской территоріи, тогда будет ясно, что его «тюркскій очаг», к возстановленію котораго, по его словам стремится Ангора, есть ничто иное, как тот же Туран, о котором так поэтично выражается другой пантуранист Мехмед Эмин, говоря в одном из своих стихотвореній, что «как для всѣх пчел есть один улей, такой же должен быть для всѣх турок Туран».

Пантуранистское лицо современной Турціи, в своих яркях и ясных очертаніях, встает и перед каждым иностран-

*) «Вакит». 24 января, 1926 г.

***) Georges-Gaulis. La Nouvelle Turquie.

ным посѣтителем кемалистской Турціи, если он ѣдет туда не для исполненія «соціального заказа» заинтересованных держав или общественно-политических групп, а в цѣлях объективнаго наблюденія и объективнаго воспроизведенія дѣйствительности, какой она есть.

Вот что пишетъ одна изъ такихъ путешественницъ — Mше Gaulis в уже нами цитированной своей книгѣ. *)

«...Но что именно обезпечило его (Мустафа Кемаль-паши) успѣхъ, это вѣрность тюрко-монгольскаго міра. Пионеры пантуранизма, Амдулла Субхи, Агаев и др., когда пробивали дорогу, когда устанавливали связь между разными азіатскими группами народов, говорящими на тюркском языкѣ, и не думали, что так быстро пойдет распростра-неніе их пропаганды...

Без тѣх соплеменныхъ групп, которыя от Кавказа до Афганистана и до границы Китая составляютъ длинную цѣпь родственныхъ народностей, как напримѣр: татары Крыма, магометане Кавказа, республики Бухары, Хивы и Самарканда, народности Туркестана и Ферганы — Мустафа Кемаль не былъ бы в состояніи пріобрѣсти ни того политическаго обаянія, ни того авторитета, благодаря которымъ он смогъ свести свои счеты не только с Англійей, но и с Россіей.

Еще в 1920 г., еле утвердившись в Ангорѣ, в этомъ узловомъ центрѣ ведущихъ к Азіи дорогъ, Мустафа Кемаль выступалъ в роли ихъ защитника; онъ посылалъ имъ лучшихъ своихъ офицеровъ и оказывалъ большія почести ихъ делегаціямъ**

*) M-me Berthe Georges-Gaulis, *La Nouvelle Turquie*, 1924. Paris, стр. 273.

**) Смотри также L. V. S. Blacker. (capt). *On Secret Patrol in Higlie Asia*. London. 1922.

Далѣ, переходя к значенію для Турціи Малой Азіи, Мше Gaulis пишет:

«Вот, внѣ всякаго сомнѣнія, тот подлинный плацдарм турецкаго движенія, от котораго турки ни за что не откажутся и который даст им, несомнѣнно, возможность возсоздать Имперію, географически и этнографически отличную от старой Оттоманской Имперіи. Вот это и составляет их наиболѣе секретную и любимую цѣль. Лишь потому, что они в каждую минуту думают об этом, они рѣшили сохранить Ангору, как жизненный центр своей дѣятельности. Это великая тюрко-татарская и тюрко-монгольская федерація, которую вся турецкая интеллигенція и большинство военных руководителей считают необходимым завершеніем своей побѣды, означает возобновленіе открытой войны против великой сосѣдки — Россіи. Эта послѣдняя еще далека от возстановленія своей былой мощи. А пока это будет сдѣлано, много утечет воды из под мостов Кавказа и других азіатских областей. Если — говорят между собою турки — мы сумѣли устоять против Славянина в то время, когда наше существованіе висѣло на волоскѣ, то мы не можем не имѣть удачи тогда, когда в тѣх странах, — которыя уже являются нашими — мы будем имѣть организаціи подобной той, благодаря которой мы вновь завоевали Малую Азію (Анатолю). У нас нѣтъ недостатка ни в солдатах, ни в генералах»*)

Не пустыя ли слова разговоры турок «между собою» на счет их дѣйствительнаго вліянія среди російских тюрко-татар и не являются ли неимѣющими никакого основанія

*) См. также: Le Baron L. de Contenson. La question turque vue de l'Asie. Le Correspondant Jan. 1925. стр. 90.

А. Poidebard: «Voyages. Au carrefour des routes des Perse». Paris. 1923.

бахвальством их заявленія о том, что всё эти страны «являются уже нашими»? Отнюдь нѣтъ! Пантуранистская пропаганда и сейчас ведется среди російских тюрко-татар и ведется с большим успѣхом. Турція является подлинной политической Меккой для них всех, а Мустафа Кемаль — истинным Пророком. Его портреты висят в каждом тюрском домѣ и личность турецкаго диктатора является предметом такого культа, что совѣтская власть вынуждена была прибѣгнуть к специальным мѣрам для его прекращенія. Вереницами идут в Турцію разныя делегации от тюрко-татар Поволжья, Средней Азии и даже Китайскаго Туркестана. Все больше и больше растет число тѣх молодых людей, которые ѣдут из СССР в Константинополь для полученія «высшаго образованія». Не мало учеников из Россіи и в лицах Ангоры, Смирны, Трапезунда и других городов.

С другой стороны сотни турецких учителей являются преподавателями в совѣтско-тюркских школах Азербайджана, Дагестана, Туркестана, Поволжья, Крима и т. д., причем преподаваніе ведется не только на турецком языкѣ, но и по турецким учебникам, напечатанным в Константинополѣ. Тюрко-татарская молодежь Россіи питается турецкой литературой, проникнутой явно пантуранистскими идеями. Совѣтская власть, будучи в «дружбѣ и братствѣ» с Турціей, до сих пор считала неудобным говорить о том, как этот «друг и брат» подготавливает внутренней взрыв СССР. Но в послѣднее время, видно чаша терпѣнія даже у большевиков переполнилась и они стали печатать статьи с разоблаченіями происков пантуранистов. В прошлом году напечатал об этом длинную статью в «Правдѣ» секретарь Азербайджанской компартіи Караев. В началѣ этого года (1929 г.) мы находим

любопытную корреспонденцію в «Комсомольской Правдѣ», гдѣ между прочимъ разсказано слѣдующее: «Выводы произведеннаго в Туркестанской республикѣ в 1928 году школьнаго обследованія прямо констатируют: основной кадр учительства в туркменских школах состоит из болѣе или менѣе явных пантюркистов. Пантюркисты проводят свое вліяніе, главным образом через педагогов — турок и азербайджанцев.

Географію, литературу, обществовѣдѣніе, даже чуть ли не математику, — ребятам преподносят под совершенно особым углом зрѣнія.

Географія превращается в науку о Турціи, и только о Турціи.

Из всей міровой литературы достойны вниманія оказываются исключительно турецкіе писатели. Буржуазная Турція расцвѣчивается на разнообразные лады и преподносится, как нѣкая страна чудес, страна-сказка.

В книгѣ «Исторія Тюркизма», представляющей собою нѣчто в родѣ платформы пантюркистов, сказано так:

«Идеологія тюркистов состоит в том, чтобы угузов, татар, киргизов, узбеков и якутов, объединенных под именем туранцев, объединить в языкѣ и в культурѣ».

Скрытая цѣль пантюркистов — создать единое государство, в которое вошли бы разрозненные племѣнн тюркскія народности. Под чьей же рукой должно объединиться это новое огромное государство? Конечно... Турціи.

Вот что показывает произведенное в Туркестанѣ школьное обследованіе.

Все это очень любопытно, но еще больше любопытнаго разсказали бы нам большевики, если бы опубликовали

данныя, добытыя военными штабами красной арміи Кавказской, Туркестанской и др...

Есть много оснований думать, что даже у русских большевиков раскрылись глаза перед той опасностью, которую представляет пантуранизм. И это понятно, так как слишком откровенный характер приняла за последнее время деятельность пантуранистов и в особенности тех эмигрантов из российских тюрко-татар, которые после некоторых скитаний по разным европейским странам, теперь окончательно обосновались в Турции, учредив в Константинополѣ и в Ангорѣ свои главные штабы.

Все эти тюрко-татарские вожди, принадлежавшие раньше к различным политическим течениям, теперь объединились на платформѣ, включающей в себя слѣдующіе основные принципы: признаніе необходимости культурнаго и политическаго единенія всех тюрко-татар Россіи и Турции; признаніе исключительной роли за *новой* Турціей и в частности за ея вождем Кемаль-пашою в осуществленіи этой великой національной миссіи и, наконец, отказ от старых «иллюзій» насчет возможности добиться удовлетворенія своих национальных требованій при помощи русской демократіи и в случаѣ перехода власти к ней. Характерно, что в настоящее время в лагерь Акчуры и Агаева перешли и тѣ немногочисленные представители лѣвой тюрко-татарской интеллигенціи, которые до послѣдняго времени держались так называемой российской ориентации, дѣлая ставку на побѣду русской демократіи.

Какія задачи ставит перед собою этот единый и объединенный фронт эмигрантов-пантуранистов? В отличіе от своих предшественников — Гусейнзаде, Акчура и др.,

новое поколѣніе пантуранистов занимается в Турціи не столько пропагандой своих идей — в чем современная Турція больше не нуждается — сколько обсужденіем совместно с турецкими собратьями, тѣх практических вопросов, которые связаны с будущим устройством единого и объединеннаго Туранскаго государства. К числу таких вопросов принадлежит, напримѣр, вопрос о формѣ объединенія западных и восточных турок и в частности вопрос о том, должна ли эта связь носить форму федеративнаго или простаго объединенія.

Среди дѣятелей восточных турок (азербайджанцы) преобладает точка зрѣнія федеративнаго объединенія с Турціей, между тѣмъ большинство турецких дѣятелей настаивает на том, чтобы объединеніе по крайней мѣрѣ с огузіанами было без всяких условій и оговорок («Илтihak била кайд у шарт»). Конечно и в Турціи есть теченія, признающія принцип всетюркской федераціи, как и среди російских тюрко-татар есть нѣкоторыя группы, которыя защищают точку зрѣнія вхожденія в состав Турціи без всяких условій*), но и там и тут эти теченія составляют меньшинство. Таким образом демаркаціонная линія проходит между турками, находящимися в Турціи и внѣ ея предѣлов. Первые в своем большинствѣ являются сторонниками «Меркеза Вахдети (Централистскаго Объединенія), а вторые — «Адем и Меркез Вахдети» (Децентралистскаго Объединенія). Это послѣднее теченіе так раздражает иногда нѣкоторых представителей «Меркез Вахдети», что они не останавливаются перед обви-

*) В Азербейджанѣ на этой точкѣ зрѣнія стоит возникшая в 1917 г. партія «Беюк Тюркля ве Иттихадэ Ислам».

неніями децентралистов в стремленіях к *независимости от Турціи в сепаратизмъ*, что, конечно, с протестом возмущенія отвергается послѣдними...

Не лишне будетъ познакомиться с возникшей нѣсколько лѣтъ тому назад на страницах турецкой газеты «Вакитъ» полемикой между сторонниками этих двух точек зрѣнія. Она так характерна для иллюстраціи умонастроенія современных пантуранистов, как россійских так и турецких. Полемика эта возникла между видным турецким публицистом Али Гайдар Эмир-беем с одной стороны и двумя не менѣе видными представителями россійскаго пантуранизма А. Исхаковым и Расул Заде — с другой. Поводом к полемикѣ была напечатанная в турецком журналѣ «Тюрк Юрду» статья А. Исхакова, в которой этот послѣдній весьма пространно говорит о необходимости *культурнаго* объединенія всѣх тюрков и лишь в заключеніи прибавляет нѣсколько слов о необходимости объединенія *политическаго*. «Надо объединить всѣ тюркскія нарѣчія, пишет А. Исхаков. Надо перенести центр тюркизма в Ангору, в Сиваз или в Эрзерум, т. е. в болѣе близкое к Азербайджану и к Туркестану мѣсто.

Турція должна взять в свои руки защиту интересов всѣх тюрков и защищать против опасностей, откуда бы онѣ ни шли».

Эти заключительныя слова А. Исхакова дали повод турецкому публицисту Али Гайдар бею обратиться к «представителю сѣверных тюрков» с рядом провокаціонных вопросов. Вот на эти вопросы и отвѣчает А. Исхаков в своей длинной статьѣ, напечатанной в константинопольской газетѣ «Вакитъ», от 1926 г. 23 января. Приведем нѣсколько характерных выдержек из этой статьи. А. Исхаков, обра-

щаясь к Гайдар-бею, свой отвѣтъ начинает с прокламирования своей вѣрности идеѣ пантюркизма и с указанія своих личных заслуг в дѣлѣ пропаганды идей пантуруанизма. «Еще в долгій період своей жизни в Россіи, говорит А. Исхаков, я, вопреки непрекращающимся преслѣдованіям русскаго правительства, пропагандировал эту мысль (необходимость объединенія всѣх тюрков.З.). К этой своей идеѣ тюркскаго объединенія я смог пріучить не только своих читателей, но, в нѣкоторой мѣрѣ, даже и царское правительство. И я отнюдь не считаю неумѣстным возбудить здѣсь еще раз этот вопрос, который я пропагандировал в продолженіе многих лѣтъ своими газетными статьями, своими рѣчами и выступленіями на публичных собраніях. Вѣрнѣе я бы хотѣлъ публично указать на результаты той идейной борьбы, которой посвятил я свои силы в продолженіе многих лѣтъ.»

«Как вы правильно указываете, говорит он Гайдар-бею, и я был увѣрен в том, что среди просвѣщенных дѣятелей турецкой республики не найдется ни одного человѣка, который был бы против тюркизма», но, к сожалѣнію, он, должен все же констатировать единичныя выступленія, свидѣтельствующія о том, что оттоманское міровоззрѣніе еще не окончательно изжило свой вѣкъ.

«Вот такія явленія (т. е. антипантуруанистскія выступленія нѣкоторых сторонников оттоманизма. З.), — продолжает А. Исхаков, — которыя мнѣ, привыкшему к полемикѣ и борьбѣ человѣку могли бы казаться естественными, страшно огорчают большинство наших зарубежных (внѣ Турціи находящихся. З.) тюрков, незнакомых с тонкой дипломатіей. И я знаю, что благодаря им во многих тюркских домах на Сѣверѣ льются слезы и рушатся надежды».

Что же касается его личнаго отношенія к идеѣ «тюрокскаго объединенія» и в частности отношенія сѣверных (поволжских) тюрко-татар к Турціи, то это, по словам А. Исхакова, так очевидно, что не нуждается ни в каких доказательствах. И все же указывая на нѣкоторые факты, доказывающіе привязанность всѣх сѣверных татар к Турціи, А. Исхаков продолжает:

«На нашем Сѣверѣ не меньше было читателей старога «Тюрк Юрду»*), чѣм в самой Турціи. И у нас на Сѣверѣ турецкій военный марш был священным національным произведеніем».

...«Я лично свой литературный вкус развил на чтеніях произведеній на турецком языкѣ и чтобы читать книги на оттоманском, азербайджанском, узбекском и крымском нарѣчіях мнѣ не нужно было брать у кого нибудь уроков турецкаго языка.»

...«19-ти лѣтъ, когда я поступил в школу учиться русскому языку, мы там всегда читали константинопольскіе журналы, одновременно слѣдя за парижским «Мешверетом», болгарским «Мизаном», египетским «Тюрком» и за другими изданиями в Кипрѣ и в других мѣстах.»

...«Провозглашеніе конституціи в Турціи во всѣх тюркских странах было встрѣчено, как большой праздник. Наши сѣверные писатели, общественные дѣятели, купцы, учителя и студенты стали цѣлыми караванами отпрапляться в Турцію, чтобы от нея получить новую пищу, воспріять новый дух».

Но вскорѣ в Россіи измѣнились политическія условія,

*) Пантуранистскій орган, издававшійся в Турціи

наступила «ужасная, угнетающая реакция Столыпина», которая и стѣснила свободное развитіе національнаго движенія татар. «В дни свобод, — объясняет А. Исхаков, — наши російскіе тюрко-татары положили начало большому національному движенію, направленному против русских, а потому и теперь мы стали бѣльмом на глазу царскаго правительства», которое начало чинить всевозможныя препятствія этому движенію. Вот, говорит А. Исхаков, благодаря этим гоненіям — а вовсе не отсутствію чувств привязанности к Турціи, как пытается объяснить Гайдар-бей, мы, російскіе тюрко-татары и не могли по отношенію к тюркизму сдѣлать то, что от нас требовалось.

«Скажите, — обращается он к Гайдар-бею, — что мы могли при таких условіях сдѣлать для дѣла тюркизма, мы неопытные руководители движенія, имѣвшего всего 5-10 лѣтнюю давность? Что ожидалось от нас? «То-то» сдѣлали против нас, «того-то» не сдѣлали для нас, — говорят нам нѣкоторые турки, не считаясь съ тѣмъ политическим и экономическим положеніем, в котором находились мы в Россіи».

Но что бы там ни говорили, одно несомнѣнно. это то, говорит А. Исхаков, что «среди зарубежных тюрков никогда не было движенія, стремившагося къ отдѣльному от Турціи объединенію. Никогда не стремились «свить свое гнѣздо»: Сѣвер — вокруг Казани, Туркестан — вокруг Бухары, Крым — вокруг Бахчисарая и Азербайджан — вокруг Баку. Эти центры в своей дѣятельности всегда исходили из сознанія, что являются лишь вѣтвями великаго тюркскаго древа, что тот воздух, которым всѣ они дышат, есть турецкій воздух».

Что же касается обвиненія русских татар в том, что они

любы не поддержали турок. когда они были в войнѣ с Россіей, то и оно лишено основанія. говорит А. Исхаков, ибо «во время войны турки Россіи поднимали нѣсколько разъ возстанія и большинство офицеров и солдат тюркскаго происхожденія, которыхъ русскій военный штабъ подозрѣвая въ тюркизмъ, перевелъ съ Кавказскаго на Австро-Венгерскій и Германскій фронтъ, весьма сознательно сдавалось въ плѣнъ. Другая же часть ихъ пошла на заштиту Анатоли и пала за Турцію на берегахъ Тигра и Ефрата».

И какъ можно послѣ всего этого обвинять россійскихъ тюрко-татаръ въ недостатокъ... турецкаго патриотизма. А. Исхаковъ, какъ одинъ изъ такихъ патриотовъ, протестуетъ противъ этихъ обвиненій, неоснованныхъ ни на какихъ фактахъ и въ своей статьѣ *блестяще* доказываетъ всю ошибочность утвержденій Али Гайдар Эмин-бея...

Столь же любопытна и полемика Расул Заде съ тѣмъ же Гайдар-беемъ.

Въ газетѣ «Вакитъ» (31 дек. 1925 г.) Гайдар-бей написалъ нѣсколько горькихъ словъ по адресу азербайджанцевъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они, молъ, въ свое время не захотѣли войти въ составъ Турціи, потому и ихъ независимость была «потоплена въ крови».

Въ отвѣтъ на эти обвиненія, лидеръ Азербайджанской партіи «Мусаватъ» Расул Заде выступилъ съ двумя статьями въ той же газетѣ «Вакитъ» (отъ 7 и 8 февр. 1926 г.), въ которыхъ доказывалъ, что «лозунгъ независимости Азербайджана направленъ не противъ Турціи, а противъ Россіи, что само собой «подразумѣвается» и что партія «Мусаватъ» всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія объединенія всѣхъ тюрковъ, но она это объеди-

нөніе мыслит в формѣ федераціи, потому она и называется тюркской федералистской партией.

Эти объясненія лидера «Мусавата» не удовлетворяют Али Гайдар Эмин бей и он выступает с двумя новыми статья-ми, в которых подвергает рѣзкой критикѣ принципы федераціи и независимости и требует признанія безоговорочнаго присоединенія Азербайджана к Турціи.

Принцип федераціи является весьма «неопредѣленным и растяжимым понятіем», говорит Гайдар бей. «Как еще вчера Азербайджан, «заключив союз» с грузинами и армянами, выставил против нас чудовище Закавказской Федераціи, так и завтра он может «заключить союз» с бѣлыми русскими или персами и все это во имя вѣрности своему принципу федераціи»...

«Федерация, но с кѣм, вопрошает Гайдар-бей, с грузинами-меньшевиками и с армянами-дошнаками?... «Вѣдь еще не высохла кровь 110 тысяч турок, убитых в теченіе трех мѣсяцев в Баку, в Эривани и в Карсѣ? Так как же мы можем послѣ этого войти в союз с армянами?»...*)

В другой своей статьѣ Гайдар-бей ставит Расул Заде нѣсколько каверзных вопросов. «Допустим, что дѣйствительно Азербайджано-Армяно-Грузинская Федерация направлена против русскаго господства, но каково должна быть позиция Азербайджана при вѣроятном туренко-грузинском или турецко-армянском столкновеніи?... «Какова должна быть перед тюркским миром позиция Азербайджана, связаннаго федеративными узлами с врагом турок — Арменией?»**).

*) «Вакит» 26 января, 1926 г.

***) «Вакит» 31 января, 1926 г.

Требую от Расул Заде яснаго и опредѣленнаго отвѣта на эти свои вопросы, Гайдар бей переходит к второму пункту разногласія — к вопросу о независимости Азербайджана.

Если лозунг независимости, выставленный азербайджанцами, надо понимать, — говорит Гайдар бей, — как независимость от Россіи, но отнюдь не от Турціи, то почему его не формулировать так: «Отдѣленіе от Россіи и присоединеніе к Турціи?».

«Вы хотите, говорит Гайдар-бей, обращаясь к Расул Заде, чтобы сперва Азербайджан стал независимым государством, с своей арміей, флотом, министерствами финансов и вышних дѣл, с своим трехцвѣтным знаменем, а потом вошел в союз с Турціей», но это вѣдь не то, чего требуют турецкіе тюркисты. «Конечно, когда они (т. е. турецкіе тюркисты) говорят: «давайте объединимся», то они вовсе не подразумевают под этим, что всѣ девять тюркских народов забудут сразу свое прошлое и, уничтожая раздѣляющія их пространства, объединятся в одно государство». Но они не хотят также создать рядом с собою территориально смежныя тюркскія государства, чтобы потом с ними жить лишь как союзники... Нашим девизом является: «дил бирліи, ил бирліи», т. е. единеніе языка — единеніе территоріи».*)

Принявъ вызов турецкаго публициста, Расул Заде в пространной статьѣ доказывает, что Гайдар бей находится в заблужденіи, что бго толкованіе значенія защищаемых «Мутаватом» принципов федераціи и независимости являются произвольным и, в частности, ни на чем не основаны страхи

*) «Вакиф», 26 января, 1926 г.

Гайдар боя перед тѣм, что, мол, Закавказская Федерация или независимость Азербайджана могут помѣшать осуществленію того всетюркского объединенія, к которому стремится наравнѣ с другими тюркскими организаціями и Азербайджанская тюркская партія «Мусават». Наоборот, как конфедерация, так и независимость мыслятся азербайджанцами, как средства, способствующія наилучшему осуществленію объединенія Азербайджана с Турціей.

«Да, Гайдар бей, — говорит Расул Заде, — чтобы уничтожить русское господство на Кавказѣ, чтобы воспрепятствовать его вторичному появленію там в какой бы то ни было формѣ, журнал «Ени Кавказія», редактором котораго являюсь я, защищает идею Кавказской федерации, видя в ней средство, обеспечивающее сотрудничество Азербайджана и остальных кавказских народностей в борьбѣ против русскаго империализма.

В этой организаціи, которая вызвана к жизни, чтобы быть против Россіи, естественно, не имѣют мѣста руссофильскіе элементы, даже если они являются кавказцами. Нельзя и в мыслях допустить, что такая организація может быть вообще против Турціи. Наоборот при таком положеніи вещей тюркскій элемент пріобрѣтает весьма важное значеніе, что и является гарантіей для Турціи против всякой опасности. Доказательство этому можно найти в нашей новѣйшей исторіи. Таким образом, неправильно представленіе о том, что якобы кавказская конфедерация безусловно является препятствіем всетюркскому объединенію.»*)

Для дальнѣйшаго развитія и разъясненія своей мысли,

*) «Вакит» 17 февраля 1926 г.

Расул Заде приводит слѣдующую цитату из своей же статьи, написанной послѣ Лозаннской конференціи:*) «В эти дни, когда мы видим, как то там, то тут так сильно бьет ключем тюркская національная жизнь, мы все больше убѣждаемся, что не смотря ни на какія временныя препятствія, придет естественным ходом исторіи день, когда всѣ эти ручки, слившись, составят одну могучую руку федераціи. И перед нами невольно встает мысль о том, как в результатѣ объединенія в 1871 г. разрозненных нѣмецких государств, германская нація достигла такой силы и величія в области культуры, науки, торговли и военнаго дѣла.

Тюркскій мір, чтобы достичь этого счастливаго идеала, должен пройти много этапов. Вот одним из этих этапов и является объединеніе кавкааских народов против русскаго владычества**).

Приведя эти свои черезчур ясныя слова, Расул Заде заключает свою мысль слѣдующими словами: «мы говорим Али Гайдар-бею тѣ слова, которыя можно говорить при нынѣшних наших условіях и мы еще раз повторяем, что осознавшій свою тюркскую сущность, Азербайджан через свой лозунг независимости идет к національному объединенію»...

Резюмируя эту чрезвычайно любопытную полемику, можно придти к таким выводам. Как турецкіе, так и азербайджанскіе пантюранисты признают необходимость политическаго и культурнаго объединенія всѣх тюркских народов; и тѣ и другіе согласны с тѣм, что центром этого объеди-

*) «Ени Кавказ», 26 сентября, 1923 г.

***) «Вакит» 17 февраля 1925 г.

ненія должна стать Турція. Что же касается формы этого объединенія, то тут уже возникают нѣкоторые разногласія. Азербайджанцы, болѣе реально оцѣнивающие опасность представляемую русскими для осуществленія пантюранистских планов, предлагают к конечной цѣли пойти не сразу, а «этапами». По хитроумному плану Расул Заде прежде чѣм приступить к этому объединенію, надо сперва выступить с лозунгом независимости кавказских народностей и их конфедерации.

Этот лозунг, гдѣ так мало сказано о Турціи и так много — против Россіи, даст возможность объединить всѣ кавказскіе народы (кромѣ тѣх, которые являются явными врагами турок, т. е. кромѣ армян) в борьбу против русскаго господства. Когда эта борьба будет благополучно окончена и русскіе будут изгнаны с Кавказа, тогда и «Мусават» перейдет к второму пункту своей программы, т. е. к федерации и ея толкованію. Этот пункт программы «Мусавата», послѣ вышеприведенных *удивительных* объясненій Расул Заде, означает, как мы видим, не только федерацию между кавказскими народами, но и этих послѣдних с Турціей. Опираясь на это послѣднее толкованіе, «Мусават» еще раз попросит Турцію притти на Кавказ и «федерировать» его *весь* с собою. Вот сущность плана Расул Заде.

Гайдар-бей же возражает против этого плана главным образом потому, что он слишком «хитроумный». К чему всѣ эти «окольные пути», как бы говорит он; Турція должна взять и присоединить к себѣ Азербайджан, как населенную тюрками страну. И азербайджанцы, если они сочувствуют идеалам пантюркизма, должны сами добровольно пойти на

это, без всяких претензій на «собственную армию, собственныя министерства» и пр.

Как ни интересна и ни характерна эта полемика, однако не слѣдует преувеличивать ея значенія. В главном — в поставленной перед своей дѣятельностью цѣли всѣ пантуркисты солидарны и едины. И что важнѣе всего — *едина сейчас направляющая эту дѣятельность воля...* Воля эта есть воля Мустафы Кемаля, т. е. лица, к которому обращены сейчас полныя благоговѣнія взоры всѣх турецких націоналистов — как анатолійских так и, в особенности, россійских...

